М. НОВОРУССКІЙ.

Основы современнаго міровоззрѣнія.

СОДЕРЖАНІЕ.

Введеніе.—О мірѣ вообще. — О матеріи и силѣ.—О жизни и смерти.—О человѣкѣ.—О душѣ и сознаніи.—Объ обществѣ. — О цѣляхъ. — О добрѣ и злѣ.—Объ идеяхъ.—Объ истинѣ и лжи.—О религіи вообще.

С.-Петербургъ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1910.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Всякому времени свойственно свое міровоззрѣніе. Эта безспорная истина вытекаетъ изъ самой сущности прогресса человѣческаго рода. И сверхъ того она доказывается наблюденіемъ надъ исторической смѣной міровоззрѣній въ разныя эпохи.

На практикѣ эту безспорную истину признаютъ далеко не всѣ, и всякое отживающее поколѣніе охотно враждуетъ съ ней. У всякаго человѣка на склонѣ лѣтъ мозгъ утрачиваетъ постепенно былую пластичность, способность легко и быстро усваивать новое и вплетать это новое въ ряды старыхъ привычныхъ умозрѣній. Такова ужъ природа живой плазмы, что къ старости она становится сугубо консервативной. Отсюда вытекаютъ всѣмъ извѣстныя столкновенія стараго и новаго поколѣнія, во всякой быстро прогрессирующей жизни.

Міровоззрѣніе есть общій взглядъ на міръ внѣшній и внутренній, или совокупность сужденій и отвѣтовъ на нѣкоторые общіе и основные вопросы, которые обыкновенно называются философскими. Вопросы эти большею частью поставлены человѣчествомъ очень давно и многіе изъ

нихъ завѣщаны намъ еще сѣдой древностью. Но и помимо завѣщанія, эти вопросы сами собой возникаютъ во всякой развивающейся головѣ. Возникаютъ они частію потому, что каждая личность переживаетъ самостоятельно то, что когда-то было пережито всѣмъ человѣческимъ родомъ; частію же потому, что всякому мозгу врождена потребность обобщать накопленныя знанія, и цѣлый рядъ разрозненныхъ понятій связывать какой-нибудь единой мыслію.

Это стремленіе къ обобщенію есть коренная потребность человѣческаго ума, такъ что безъ нея не обходится самый недалекій и самый малоразвитой умъ.

Казалось бы, человѣкъ долженъ довольствоваться тѣмъ уголкомъ міра, въ которомъ онъ живетъ, и разсуждать только о томъ, что наблюдалъ и видалъ онъ самъ и его близкіе. Но онъ этимъ не довольствуется, а осмотрѣвши поверхностно этотъ уголокъ, тотчасъ задается вопросами о всемъ *мірѣ*. Казалось бы, онъ долженъ, напримѣръ, размышлять о томъ, какимъ образомъ происходятъ на свѣтъ извѣстныя ему животныя. А онъ задается вопросомъ о происхожденіи *жизни* вообще. И порѣшивши такъ или иначе съ этимъ вопросомъ, спрашиваетъ далѣе о происхожденіи всего *сущаго*.

II.

Понятно само собой, что каковъ былъ матеріалъ для обобщеній, таково и оно само. Обоб-

щеніе можно сдѣлать изъ двухъ наблюдавшихся фактовъ, но можно сдѣлать и изъ цѣлаго милліона ихъ. Цѣнность ихъ, конечно, будетъ совершенно различна. И первыя обобщенія не напрасно называютъ скороспѣлыми. Таковы всѣ обобщенія дѣтскаго періода какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человѣчества.

Результатъ древнихъ наблюденій и обобщеній тотчасъ отражался въ языкѣ, который при этомъ создавалъ соотвѣтствующее слово. Языкъ этотъ мы усваиваемъ въ дѣтствѣ уже готовымъ, и въ обиходной жизни должны пользоваться имъ по необходимости, хотя бы современныя наблюденія и обобщенія порождали въ насъ совсѣмъ другія понятія, которыя совершенно не совпадаютъ со значеніемъ слова, принятаго отъ предковъ.

Такъ, всѣ знаютъ, что желѣзо, жидкое и парообразное, носитъ одно и то же названіе желѣза. Между тѣмъ какъ для воды жидкой мы имѣемъ одно названіе (вода), для твердой—другое (ледъ), для парообразной—третье (паръ). И соотвѣтственно этому, когда говоримъ: желѣзо, въ умѣ возникаетъ представленіе твердаго. А когда говоримъ: вода, въ умѣ возникаетъ представленіе жидкаго. Оба эти представленія обыденны, но не научны.

Точно также человѣкъ строилъ прежнія научныя классификаціи, или дѣлилъ научные предметы на классы и отряды. Онъ увидалъ, напримѣръ, нѣсколько шишконосныхъ деревьевъ съ тонкими листьями въ видѣ иголъ и назвалъ эти листья новымъ терминомъ *хвоя*, отъ котораго и

вся группа деревьевъ называется хвойными. Но когда изучили хорошенько всю эту группу шишконосныхъ, оказалось, что въ нее входятъ и такія деревья, какъ гинко, у которыхъ широкая лопастная пластинка листа не имѣетъ ничего общаго съ иглистой хвоей. И мы вынуждены теперь сказать, поправляя ошибочное старое обобщеніе, что въ группу хвойныхъ деревьевъ входятъ и деревья лиственныя, не имѣющія хвои. Съ другой стороны, въ группѣ нехвойныхъ есть и такія растенія, у которыхъ листъ чрезвычайно похожъ на шиловидную хвою.

Такихъ невѣрныхъ, незрѣлыхъ обобщеній любая наука можетъ насчитать немало. Да и не только наука. Совершенно въ такомъ же родѣ дѣлались въ старину и высшія обобщенія философскаго характера. Они были также плодомъ недостаточнаго знакомства съ той областью вѣдѣнія, къ которой относились, и носили на себѣ печать той же самой незрѣлости, какою проникнута вся древность.

III.

Предъ древностью принято преклоняться. «Святая» старина уже потому свята, что стара, и окружена, въ силу своей древности, кольцомъ разнообразныхъ легендарныхъ сказаній,—поэтическихъ, мистическихъ и фантастическихъ. Она до сихъ поръ вызываетъ въ насъ чувство благоговѣнія, смѣшанное съ удивленіемъ и недоумѣніемъ. Но это преклоненіе и благоговѣніе, будь оно даже

всеобщимъ, совершенно не обязываетъ насъ признавать за истину тѣ сказанія, которыя возбуждаютъ въ насъ такія сложныя чувства. Процессы почитанія совершаются совсѣмъ не въ той психической области, въ какой совершаются процессы познаванія.

Мы можемъ отдать дань удивленія предкамъ. Сдѣлать первое обобщеніе и создать необходимое для этого слово имъ стоило неизмѣримо большаго труда, чѣмъ стоитъ теперь намъ выработка дальнѣйшихъ обобщеній. Ибо мы пользуемся для этого уже готовыми, полученными отъ нихъ словесными обозначеніями. Но отдавши этотъ сыновній долгъ, мы все-таки должны идти дальше и строить заново свое міровоззрѣніе, а не брать его напрокатъ съ чужихъ словъ и отъ чуждой для насъ эпохи.

Обыкновенно такъ и дѣлается. Міровоззрѣніе не есть что-то разъ на всегда данное, подлежащее только нерушимому и бережному храненію. Юному возрасту свойственно одно міровоззрѣніе, а зрѣлому другое. Все равно, будетъ ли то возрастъ цѣлаго народа, всего человѣчества, или одной личности. Работа по выработкѣ міровоззрѣнія также непрерывно идетъ впередъ, какъ движутся впередъ науки. Только движеніе науки, можно сказать, ни на минуту не останавливается, потому что каждый день вноситъ въ нее какой-нибудь новый фактъ, новое наблюденіе или новое освѣщеніе. Движеніе же міровоззрѣній совершается періодами, съ остановками. Для измѣненія нѣкоторой части міровоззрѣнія нужны годы накопле-

нія научныхъ фактовъ, относящихся къ этой части. Для поправки одного отдѣла міровоззрѣнія нужны десятки лѣтъ накопленія фактовъ въ цѣломъ рядѣ наукъ. А для переработки цѣлаго міровоззрѣнія нужно едва ли не столѣтіе.

IV.

Конечно, есть люди, которые въ теченіе одной своей жизни и даже въ предѣлахъ всего нѣсколькихъ лѣтъ мѣняютъ цѣликомъ свое міровоззрѣніе. Но это потому, что они не вырабатывали его сами, а брали въ готовомъ видѣ отъ другихъ.

Въ наши дни въ большомъ и сложномъ обществѣ мы не найдемъ уже единаго міровоззрѣнія. Наряду съ новѣйшимъ мы найдемъ и всевозможные пережитки древнѣйшихъ эпохъ, которые по разнымъ причинамъ задерживаются въ умахъ недостаточно просвѣтленныхъ или недостаточно послѣдовательныхъ. А таковыхъ, конечно, большинство умовъ. Наконецъ, въ чистую и безстрастную область познанія постоянно вторгаются посторонніе психическіе моменты, которые охватываютъ и волнуютъ познающаго субъекта. А благодаря имъ, онъ дѣлается слѣпымъ и глухимъ ко всему тому, что такъ или иначе возбуждаетъ его чувства или задѣваетъ его симпатіи и антипатіи. Поэтому, у большинства лицъ, даже привыкшихъ самостоятельно мыслить, вмѣсто связнаго, цѣльнаго міровоззрѣнія, получается нѣкоторое прихотливое сплетеніе идей. Въ немъ, наряду съ новѣйшими научными обобщеніями, сохраня-

ются и святые завѣты древности, и продукты умозрѣнія, построеннаго не на фактахъ, а исключительно на желаемомъ и ожидаемомъ.

Особенно въ практическихъ выводахъ человѣкъ рѣдко бываетъ послѣдователенъ. Здѣсь онъ и смотритъ на вещи, и дѣйствуетъ, большею частью не на основаніи принциповъ своего міровоззрѣнія, а на основаніи чувствованій, которыя унаслѣдованы отъ предковъ вмѣстѣ съ организаціей. Развитіе этихъ чувствованій сильно отстаетъ отъ развитія идей, и потому они не могутъ быть такъ легко и быстро замѣнены новыми, какъ замѣняются новыми старыя истины, признанныя ошибочными.

V.

Всякое міровоззрѣніе слагается, прежде всего, изъ ряда *установившихся* сужденій о мірѣ, какъ мертвомъ, такъ и живомъ, включая сюда и человѣка, и его прошедшія и будущія судьбы. Для выработки *новаго* міровоззрѣнія, по необходимости, приходится считаться со старымъ, съ тѣми словесными выраженіями, которыя передаются намъ отъ родителей, или по преданію, и съ той постановкой вопросовъ, которая опять-таки не только завѣщана намъ прежними мыслителями, но и составляетъ у многихъ нашихъ современниковъ ихъ насущный умственный багажъ.

Въ этой области, какъ и въ области права, остается истиннымъ положеніе, что мертвые властвуютъ надъ живыми. Если мы имѣемъ дѣло съ

какой-нибудь частной научной истиной, то вопросъ рѣшается просто: мы принимаемъ ее въ современномъ видѣ, со всѣми доказательствами въ пользу нея, и отбрасываемъ какъ ошибочныя всѣ тѣ, которыя въ древности выдавались вмѣсто нея за истину. И только иногда для курьеза вспоминаемъ древнее объясненіе, которое встарину казалось научнымъ, вродѣ того, напр., что «природа боится пустоты» (о барометрѣ).

Совсѣмъ иначе дѣло стоитъ въ вопросахъ общаго міровоззрѣнія. Здѣсь нельзя не считаться, напримѣръ, съ древней теоріей творенія, какъ бы мало она ни гармонировала съ современнымъ научнымъ мышленіемъ. Тѣмъ болѣе необходимо считаться съ древними мнѣніями въ вопросахъ, касающихся самого человѣка, въ которыхъ всякій сознаетъ и старается показать себя философомъ, какъ бы ни были ничтожны научныя основы его философіи.

Такимъ образомъ, говоря о современномъ міровоззрѣніи, приходится неизбѣжно возвращаться и къ воззрѣніямъ отжившимъ.

Я уже упомянулъ, что въ современномъ обществѣ не можетъ быть единаго міровоззрѣнія. И мы фактически могли бы насчитать нѣсколько философскихъ системъ, изъ которыхъ каждая претендуетъ на современность и, конечно, на господство. Поэтому, когда мы говоримъ о современномъ міровоззрѣніи вообще, то разумѣемъ съ одной стороны тѣ общіе взгляды, которые являются господствующими въ наукѣ, а съ другой— тѣ основные выводы, которые съ неизбѣжностью

вытекаютъ изъ данныхъ, добытыхъ разными науками. Эти общіе взгляды и эти основные выводы могутъ не составлять единой философской системы. А съ другой стороны, будучи весьма распространенными и ходячими, они вовсе не являются общепризнанными.

Надо помнить, что общепризнанныхъ истинъ нѣтъ даже въ математикѣ. Поэтому, подъ именемъ современнаго міровоззрѣнія нельзя разумѣть идей, признаваемыхъ *всѣми* современниками.

О МІРѢ ВООБЩЕ.

VI.

Слово «міръ» осталось неизмѣннымъ съ незапамятныхъ временъ. Но содержаніе, которое соединялось тогда и соединяется теперь съ этимъ словомъ—совсѣмъ не одно и то же. Было время, когда подъ словомъ «міръ» разумѣлась та небольшая часть земного шара, которая была извѣстна греко-римскимъ ученымъ. За предѣлами этой части былъ конецъ вселенной. Монархія Александра Македонскаго, объединившая подъ его властью всѣ извѣстныя тогда земли, названа была современными ему историками всемірной.

Для ученыхъ того времени весь міръ ограничивался только земнымъ шаромъ, котораго они, конечно, еще не знали. А всѣ небесныя свѣтила считались только «украшеніемъ» его. И казалось вполнѣ естественнымъ, что вокругъ нашей земли, этой ничтожной пылинки въ дѣйствительномъ мірозданіи, вращаются свѣтила, созданныя исключительно для ея освѣщенія, какъ фонари для освѣщенія города.

Вотъ каковъ былъ тотъ міръ, съ которымъ имѣла дѣло въ древности философствующая мысль, о сотвореніи котораго она учила, и о конечныхъ

судьбахъ котораго гадала. Для человѣка съ такимъ умственнымъ кругозоромъ всемірный потопъ казался явленіемъ такимъ же естественнымъ и безспорнымъ, какимъ является обыкновенное большое наводненіе для современнаго крестьянина, который видалъ разливы рѣкъ, но никогда не задавался вопросомъ о происхожденіи дождевой воды и о количествѣ ея на землѣ.

Въ этой-то ученой атмосферѣ зарождались сказанія о происхожденіи міра, и слагались мысли о его конечности и ограниченности, въ противоположность безграничному и безконечному.

VII.

Отъ этого древняго представленія о мірѣ перенесемся сразу къ современному. Не будемъ слѣдить за тѣмъ, какъ постепенно оно вырабатывалось, и только замѣтимъ, что развитіе его въ человѣчествѣ шло тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ оно идетъ и теперь у каждаго человѣка въ отдѣльности.

Сначала онъ познаетъ свое тѣло, потомъ свой домъ, свой дворъ, свою улицу или деревню, затѣмъ свою пашню или городъ, свой народъ или государство. И многіе, очень многіе дальше этого совсѣмъ не идутъ.

Только немногіе простираютъ свой интересъ одинаково на весь земной шаръ. И только избранные часто переносятся умомъ ко всей вселенной. И только для нихъ земной шаръ представляется затерявшимся въ безднѣ мірозданья,

какъ ничтожный атомъ ея. Только ихъ умъ можетъ вообразить во весь, такъ сказать, ростъ всевышнее существо, пекущееся о вселенной. И только ихъ уму покажется необыкновенно наивной претензія—вмѣшивать это существо въ ежедневныя горести какого нибудь одного изъ обитателей этого ничтожнѣйшаго изъ всѣхъ уголковъ вселенной.

VIII.

Но и послѣ того, какъ установился правильный взглядъ на положеніе земли во вселенной и на отношеніе къ ней свѣтилъ небесныхъ, человѣческій умъ очень долго не могъ отказаться отъ тѣхъ философскихъ взглядовъ на міръ, которые относились еще къ міру съ прежними ничтожными предѣлами. Вмѣсто того, чтобы взглянуть на міръ, каковъ онъ есть по даннымъ астрономіи, философскій умъ, привыкшій къ употребленію общихъ терминовъ, разсуждалъ отвлеченно о рядѣ причинъ, о непрерывной причиннозависимости, о конечной цѣли конечныхъ причинъ, и о томъ, что законъ причинности якобы требуетъ признать первопричину всего. Эта первопричина и должна быть виновникомъ или творцомъ цѣлаго міра.

Такимъ образомъ подводился схоластическій, какъ будто философскій, фундаментъ подъ то чисто младенческое представленіе, которое рисуетъ происхожденіе вселенной подъ видомъ человѣческаго дѣланія. Всякому извѣстно было изъ ежедневнаго рабочаго опыта, что все изъ чего нибудь

дѣлается, кѣмъ-нибудь созидается, и отъ чего нибудь происходитъ. Значитъ, разсуждалъ тогдашній умъ, также происходитъ и вселенная. Но ограниченный человѣкъ дѣлаетъ всегда изъ чего нибудь. Безграничное же существо, совершенно наоборотъ, можетъ сдѣлать и изъ ничего.

Этотъ умъ еще не зналъ и потому не могъ допустить безграничности, т. е. вездѣприсутствія самой вселенной. Поэтому, рядомъ съ ограниченной вселенной, только выше и шире ея, онъ ставилъ новое вездѣсущее существо, и думалъ, что путемъ такой двухъ-этажной постройки своей философіи онъ избѣгнетъ затрудненій и дастъ ясное и логичное объясненіе происхожденія міра.

Такимъ образомъ, самое признаніе существа надмірнаго, вездѣсущаго и безконечнаго вытекало, какъ необходимое дополненіе, изъ признанія ограниченности и конечности міра. Понятіе безграничности и вѣчности было огромнымъ философскимъ пріобрѣтеніемъ. Но ставилось это понятіе внѣ міра только потому, что наука о мірѣ не давала истинныхъ представленій о немъ.

IX.

Теперь безконечность міра нужно считать доказанной астрономическими наблюденіями. Точнѣе сказать: факты, изученные астрономіей, принудительно заставляютъ насъ признать міръ безконечнымъ. А у безконечности, само собой понятно, не можетъ быть ни конца, ни начала, ни

происхожденія. Если нѣтъ конца, то не было и начала. Если нѣтъ начала въ пространствѣ, то не могло его быть и во времени. Оба эти понятія неразрывно связаны. А потому и самую мысль о началѣ міра нужно считать занесенной къ намъ изъ той сѣдой старины, которая разумѣла подъ міромъ нѣчто совершенно другое, чѣмъ разумѣемъ мы. Къ нашему же міру эта мысль совершенно неприложима.

Признавши міръ безконечнымъ, мы ничего больше не можемъ сказать объ этой безконечности, ибо нашъ умъ созданъ для распознаванія только конечныхъ величинъ и совершенно лишенъ органа для распознаванія безконечнаго. Не будемъ впадать въ ошибку всѣхъ древнихъ мыслителей, которые мнили о себѣ очень высоко и дерзали увѣрять, что они и о безконечномъ коечто знаютъ. И затѣмъ простодушно приписывали этому безконечному всѣ обычныя свойства человѣческой природы, возведенныя только въ превосходную степень, или взятыя съ отрицательнымъ знакомъ.

Это чисто дѣтское самомнѣніе кажется особенно любопытнымъ, если его поставить рядомъ съ выраженіемъ самоуничиженія и съ дѣйствительно низкимъ уровнемъ развитія тогдашнихъ мудрецовъ. Ничего или почти ничего не зная о мірѣ, который доступенъ нашимъ чувствамъ и нашимъ наблюденіямъ, они составляли сужденія о существѣ внѣмірномъ, котораго никто никогда не видалъ, и выдавали эти сужденія за непреложныя.

X.

Но если мы ничего не знаемъ о безконечномъ, то кое-что знаемъ о нѣкоторыхъ процессахъ, происходящихъ въ предѣлахъ его. Мы знаемъ кое-что о происхожденіи отдѣльныхъ міровъ, т. е. о томъ, какъ они образуются и во что превращаются. Знаемъ кое-что и о происхожденіи нашей земли и о развитіи ея изъ разсѣянной туманности до нынѣшняго ея состоянія. Знанія наши, конечно, гипотетичны. Но они единственныя, какія только можетъ допустить современный уровень развитія;—единственныя, какія согласованы съ точными научными фактами и не находятся въ разладѣ съ логикой.

Астрономія насъ учитъ, что во вселенной разсѣяны небесныя тѣла разной плотности. Есть туманности очень разрѣженныя. Есть туманности сгустившіяся и принявшія шаровидныя формы. Есть тѣла уплотнившіяся до парообразнаго состоянія. Есть тѣла жидкія. Есть, наконецъ, и твердыя въ разной степени охлажденія.

Эти наблюденія даютъ намъ право сдѣлать выводъ, что всѣ эти небесныя тѣла находятся въ разномъ возрастѣ, и что одно и то же тѣло проходитъ всѣ названныя ступени развитія отъ состоянія разсѣянной туманности до полнаго отвердѣнія и охлажденія. Прослѣдить это развитіе намъ не дано, потому что опредѣляется оно милліонами лѣтъ. Но самый ходъ развитія туманности въ опредѣленную планетную систему тѣлъ, вращаю-

щихся вокругъ одного центральнаго свѣтила, мы можемъ возсоздать своимъ воображеніемъ, строго придерживаясь всѣхъ современныхъ данныхъ астрономической науки.

Прежде всего, туманность не существуетъ отъ вѣчности. Она имѣетъ начало, и начало это нужно видѣть въ гибели или столкновеніи двухъ міровъ, двухъ небесныхъ тѣлъ. Какъ ни далеко отстоятъ другъ отъ друга эти тѣла, но столкновеніе ихъ или паденіе одного на другое—совершенно возможно. Эту возможность или вѣроятность столкновенія подтверждаютъ факты внезапнаго происхожденія новыхъ звѣздъ, появленіе которыхъ мы не можемъ себѣ объяснить иначе.

Положимъ, что такое столкновеніе дѣйствительно случилось. Силу и размѣры его можетъ представить себѣ только самое пылкое воображеніе. Возможно, что при этомъ прежде всего отлетѣло множество кусковъ различной величины, которые попали въ сферу притяженія другихъ міровыхъ тѣлъ и блуждаютъ въ безконечномъ пространствѣ. А когда попадаютъ въ предѣлы нашей солнечной системы и въ сферу земного притяженія, то становятся извѣстны и намъ подъ видомъ падающихъ звѣздъ или метеоритовъ.

Въ свою очередь массы газовъ при такомъ столкновеніи могли отдѣльными клубами отлетѣть тоже очень далеко, но не далѣе предѣловъ притяженія столкнувшихся тѣлъ. Поэтому, послѣ долгаго промежутка времени, они опять возвращались къ прежнему центру и, обогнувши его, снова уходили въ невѣдомую даль. Это—кометы.

XI.

Тѣ же газообразныя вещества, которыя не улетѣли далеко отъ удара, а равно и тѣ, которыя стали выдѣляться вновь, по мѣрѣ того, какъ раскалялись и обращались въ паръ отдѣльные участки столкнувшихся тѣлъ, были отброшены въ обѣ противоположныя стороны въ видѣ двухъ спиралей. Образовались эти спирали потому, что столкнувшіяся тѣла, если только они не попали математически центръ въ центръ, тотчасъ пріобрѣли быстрое вращательное движеніе. Быстрота эта зависѣла какъ отъ силы удара, такъ и отъ мѣста, на которое пришелся ударъ. Понятно, что такое вращеніе было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе это мѣсто было къ касательной, взятой въ томъ же направленіи, въ которомъ шло паденіе тѣлъ другъ къ другу.

Это вращательное движеніе и придало форму спирали всѣмъ газообразнымъ веществамъ, которыя отбрасывались силою удара въ противоположныя стороны.

Впослѣдствіи центральныя массы двухъ столкнувшихся тѣлъ совершенно слились другъ съ другомъ. И если онѣ были совершенно холодными, то подъ вліяніемъ силы удара и чрезвычайно разнообразныхъ химическихъ и механическихъ процессовъ, они постепенно пришли въ раскаленное состояніе. Температура каленія могла повышаться вслѣдствіе сжатія только что сформировавшагося и, такъ сказать, не осѣвшаго еще тѣла.

Получилось большое раскаленное центральное ядро. Оно было окружено спиральными туманностями и изъ него продолжали извергаться новыя и новыя массы газообразнаго вещества.

Отъ ускоренія вращенія это ядро, по законамъ центробѣжной силы, принимало сплюснутую форму, которая становилась тѣмъ болѣе плоской, чѣмъ быстрѣе вращеніе. Благодаря этому, а главнымъ образомъ—благодаря сжатію, это ядро постепенно оторвалось отъ своихъ спиралей: между ними и ядромъ получилось пустое пространство.

Въ свою очередь спирали не могли долго сохранять свою прежнюю форму. Центральное ядро, вращаясь и сообщая быстрое вращеніе ближайшимъ къ себѣ оборотамъ спирали, такъ сказать сплющивало или втягивало всю спираль, которая, вслѣдствіе различной скорости въ различныхъ частяхъ ея, разрывалась на отдѣльныя кольца. Кольца эти продолжали вращаться вокругъ того же ядра и располагались въ плоскости его экватора.

XII.

Еще въ оборотахъ спирали начались въ разныхъ частяхъ ея сгущенія. Если туманность состояла вся изъ первичныхъ атомовъ, то сгущеніе началось съ того, что образовались атомы вторичные, тѣ, которые до послѣдняго времени считались элементами. Притяженіе между атомами соединило ихъ въ молекулы, а эти послѣднія стали группироваться въ большія, видимыя частицы.

Если же распыленіе столкнувшихся міровъ не доходило до распаденія ихъ на первичные элементы, то сгущеніе туманности могло происходить еще легче. Въ ней могли оставаться болѣе или менѣе крупные осколки двухъ столкнувшихся міровъ, и эти осколки тотчасъ же послужили центромъ притяженія для ближайшихъ частицъ, составляющихъ туманность.

Когда спираль распалась на отдѣльныя самостоятельныя кольца, въ каждомъ изъ нихъ могло оказаться по нѣсколько болѣе или менѣе крупныхъ скопленій матеріи или шаровъ. Подъ вліяніемъ неодинаковой скорости движенія разныхъ участковъ кольца,—болѣе отдаленные двигались быстрѣе, чѣмъ болѣе близкіе,—такое шаровидное скопленіе неизбѣжно должно было придти во вращеніе. А вращающійся шаръ, плавая въ массѣ туманности кольца, притягивалъ еще больше къ себѣ ея пылевыхъ частицъ. И такимъ образомъ, онъ самъ увеличивался въ объемѣ, а все поле кольца, прилегавшее къ нему, очищалъ отъ пыли.

Въ концѣ концовъ, туманное кольцо постепенно исчезало, а на его мѣстѣ осталось только нѣсколько шаровъ различной величины, которые также дѣйствовали другъ на друга притягательно. Вслѣдствіе этого, одни притягивались вплотную другъ къ другу и сливались. Другіе же, при паденіи, не попадали другъ на друга, устремлялись мимо, затѣмъ притягивались обратно и потому начинали вращаться одно около другого.

Что происходило въ одномъ кольцѣ, то же самое повторялось и во всѣхъ прочихъ. Образо-

ванію этихъ первичныхъ шаровъ нисколько не мѣшала сила притяженія одного общаго для всѣхъ ихъ центра, вокругъ котораго всѣ они вращались точно также, какъ вращались прежде тѣ туманныя кольца, изъ коихъ они образовались.

Такимъ образомъ происходила система планетъ: въ центрѣ ея звѣзда или солнце, огромнаго размѣра и высокой температуры, а кругомъ масса планетъ и ихъ спутниковъ, разной величины, разбросанныхъ на разныхъ отъ центральнаго свѣтила разстояніяхъ.

XIII.

Вотъ краткій очеркъ того процесса, путемъ котораго можетъ произойти во вселенной цѣлая совокупность небесныхъ тѣлъ, связанныхъ другъ съ другомъ въ одну систему силой притяженія одного центральнаго свѣтила. Составъ такой системы въ подробностяхъ мы знаемъ только относительно одной нашей солнечной, потому что она близка къ нашей землѣ и наши астрономическія трубы позволяютъ намъ проникать ее всю насквозь во всѣхъ направленіяхъ. Огромное множество планетъ вращающихся вокругъ солнца,—теперь ихъ насчитывается уже до 600,—служитъ лучшимъ подтвержденіемъ того, что описанный здѣсь способъ происхожденія солнечной системы какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

О другихъ системахъ, подобныхъ нашей, мы судимъ по аналогіи, да по фактамъ, о которыхъ

говоритъ астрономія, проникающая, и умозрительно, и опытно, съ каждымъ годомъ все глубже и глубже въ бездну вселенной.

Образовавшіяся описаннымъ путемъ планеты, а значитъ и наша земля, были въ расплавленномъ состояніи. Ихъ накаливаніе произошло частью отъ химическихъ процессовъ, частью отъ сжатія, частью же отъ паденія на нихъ разсѣяннаго или сгруппированнаго вещества, входившаго въ составъ одного изъ колецъ первичной туманности.

Но раскаленное состояніе планеты небольшого объема не долговѣчно.

Скоро наступаетъ медленное, но непрерывное охлажденіе. Чѣмъ тѣло меньше, тѣмъ оно быстрѣе остываетъ. Послѣ того, какъ на расплавленномъ прежде шаровидномъ тѣлѣ появится остывшая корка, на немъ образуются разнообразныя горныя (каменныя) породы. Или, точнѣе, эти каменныя породы и есть застывшая и скристаллизовавшаяся корка.

Составъ этихъ породъ и самая природа ихъ зависитъ отъ количества тѣхъ элементовъ, которые отдѣлились когда-то отъ общей массы туманности и обособились въ шаръ, называемый землею. Будь въ этомъ шарѣ больше или меньше напр. желѣза либо кремнія, и горныя породы получились бы на землѣ совершенно другого типа. Будь больше или меньше кислорода, либо водорода, тогда воды было бы совсѣмъ другое количество, а можетъ быть и совсѣмъ не было бы.

Но еще долго спустя послѣ затвердѣванія

коры могутъ появиться въ своемъ настоящемъ видѣ вода и воздухъ, потому что на поверхности твердой, но еще горячей, существовать они не могутъ. И только тогда, когда они образуются, на такомъ небесномъ тѣлѣ явятся условія, при которыхъ только и можетъ существовать органическая жизнь, подобная той, которую мы знаемъ.

Какъ появляется эта жизнь, объ этомъ будетъ ниже.

XIV.

Такимъ именно образомъ произошла наша солнечная система съ ея планетами и раскаленнымъ ядромъ (солнцемъ) въ центрѣ. Такимъ же точно образомъ происходили, происходятъ и будутъ происходить въ безпредѣльныхъ небесныхъ пространствахъ и другія солнечныя системы, подобныя нашимъ. Въ то время, какъ одна система тѣлъ начинаетъ этотъ процессъ, другая уже оканчиваетъ его. И если есть начало и затѣмъ конецъ для отдѣльной такой системы, то нѣтъ и не можетъ быть такого начала для всей вселенной. Въ предѣлахъ ея эти системы существуютъ болѣе или менѣе независимо другъ отъ друга, и потому каждая изъ нихъ можетъ созидаться, развиваться и разрушаться безъ всякаго ущерба для вселенной, какъ цѣлаго.

И въ то время, какъ одна система начинаетъ свое продолжительное милліоннолѣтнее развитіе отъ туманнаго хаоса въ группу твердыхъ землеобразныхъ планетныхъ тѣлъ, въ другихъ систе-

махъ идетъ своя планетная жизнь, особая и независимая отъ первой. А нѣкоторыя такія системы, совершивши свой циклъ развитія, уже переживаютъ у себя «кончину міра».

Но и это начало, и этотъ конецъ, какой бы участокъ вселенной ни захватывали они, касаются только одного этого участка. Безпредѣльная же вселенная и не могла имѣть начала, потому что безграничность по пространству неизбѣжно заставляетъ допустить и безграничность по времени. Одно логически вытекаетъ изъ другого. И потому тѣ, кто не можетъ отрѣшиться отъ слишкомъ привычныхъ взглядовъ на начало міра, усиленно стараются, вопреки самымъ очевиднымъ астрономическимъ фактамъ, отрицать безконечность міра. Но усилія ихъ остаются одиночными и не находятъ достаточной опоры въ современныхъ научныхъ данныхъ.

Самая же мысль о томъ, что вселенная не имѣла начала, прививается теперь съ такимъ же трудомъ, съ какимъ 200 лѣтъ назадъ прививалась мысль о вращеніи земли вокругъ солнца. И тогда, и теперь этому противорѣчили не только преданія старины глубокой, но и очевидность наблюденія: вѣдь солнце, видимо для всѣхъ, ходитъ по небу; вѣдь все, что мы знаемъ на землѣ, имѣетъ начало. Для всего, что мы изучаемъ, мы отыскиваемъ происхожденіе. Какъ же послѣ такой упорной привычки наша мысль помирится съ безначальнымъ?

XV.

Конецъ міра представлялся древнему уму не иначе, какъ въ видѣ катастрофы, быстрой и рѣшительной, которая сразу охватитъ всю вселенную. Подобно тому, какъ произошелъ міръ всего только въ 7 дней, онъ и окончитъ свое существованіе въ недолгіе дни. И хотя «о *днѣ* томъ и *часѣ* никто не знаетъ», но вообще это случится сразу: «въ тѣ *дни* солнце померкнетъ, звѣзды спадутъ съ неба» и т. д. Такое представленіе, заимствованное отъ картины землетрясенія или изверженія вулкана, поражало воображеніе ужасомъ и долго держало человѣческую мысль въ оцѣпенѣніи.

Современный человѣкъ имѣетъ совсѣмъ другое представленіе о прочности міровыхъ устоевъ. Звѣзды, конечно, не могутъ пасть на землю, потому что этого совершенно не допускаютъ ихъ относительные размѣры. Земля въ сравненіи съ солнцемъ—то же, что сѣмя въ арбузѣ. А напр. звѣзда Сиріусъ еще во много разъ крупнѣе солнца. Да и вообще такія міровыя катастрофы не совершаются вдругъ въ ожидаемый часъ или годъ.

Ни одинъ астрономъ теперь не станетъ тратить время на размышленіе о томъ, какъ можетъ упасть на землю звѣзда, которая во много милліоновъ разъ больше нея. И всякій, даже не астрономъ, легко сосчитаетъ, сколько милліоновъ лѣтъ понадобится для паденія на землю, напр.,

такой звѣзды, свѣтъ отъ которой доходитъ до насъ въ 18,000 лѣтъ. А такихъ звѣздъ на нашемъ небосклонѣ очень много.

Міръ, какъ вселенная, такъ же никогда не кончится, какъ никогда и не начинался. Наша же солнечная система будетъ имѣть конецъ, но этотъ конецъ произойдетъ во времена весьма отъ насъ отдаленныя. Вообще нужно считать общимъ міровымъ закономъ, что всякая система держится тѣмъ прочнѣе, чѣмъ дольше она создавалась. Жизнь земли опредѣляется сотнями милліоновъ лѣтъ. Умираніе ея можетъ продолжаться столь же долго.

Умираніе это можно разсматривать двояко, даже трояко. Во-1-хъ, можетъ вымереть родъ человѣческій, какъ особый зоологическій видъ, подобно тому, какъ вымерло на землѣ отъ разнообразныхъ причинъ множество другихъ зоологическихъ видовъ. Во-2-хъ, можетъ умереть на землѣ все живое, что несомнѣнно и случится отъ охлажденія солнца, когда земля замерзнетъ и весь земной шаръ покроется такимъ же сплошнымъ слоемъ льда, какимъ теперь покрыта Гренландія. Въ-3-хъ, наконецъ, она охладится до такой степени, что въ ней прекратятся всякіе геологическіе процессы, и не будетъ ни новыхъ горообразованій, ни разрушенія старыхъ горныхъ породъ. Тогда на землѣ, кромѣ животной, замретъ и всякая минеральная жизнедѣятельность.

XVI.

Но этого можетъ и не случиться. Можетъ случиться наоборотъ: солнце отъ паденія на него метеоровъ и другихъ ближайшихъ къ нему планетъ будетъ увеличивать свою массу, а вмѣстѣ съ ней и силу притяженія. Тогда разстояніе между землей и солнцемъ не будетъ оставаться постояннымъ, какъ теперь, а будетъ все уменьшаться и уменьшаться. Земля будетъ описывать вокругъ солнца не вытянутый кругъ, какъ теперь, а спираль, обороты которой будутъ все больше и больше сокращаться. Сокращенія изъ года въ годъ будутъ мало замѣтными, и потому приближеніе къ солнцу будетъ длиться очень долго. Въ этомъ приближеніи она можетъ дойти до такой грани, гдѣ лучи солнца будутъ нагрѣвать воду до точки кипѣнія, и тогда вся органическая жизнь станетъ невозможной. На время она пріютится еще на полюсахъ, но съ дальнѣйшимъ приближеніемъ къ солнцу въ одно прекрасное лѣто сѣверный полюсъ будетъ нагрѣтъ также, какъ экваторъ, а въ слѣдующую зиму то же самое произойдетъ съ южнымъ.

Конечно, нагрѣваніе будетъ возрастать столь же медленно, цѣлыми столѣтіями на $^1/_2$ °. Поэтому живыя существа будутъ приспособляться къ жару, пока будутъ въ состояніи выносить его. На время органическая жизнь въ нашихъ широтахъ разовьется пышнымъ цвѣтомъ, переживая свою вторую молодость. Но затѣмъ вся она вы-

горитъ отъ жары и на землѣ останутся только самыя выносливыя существа, вродѣ тѣхъ мелкихъ водорослей, которыя и теперь могутъ жить въ водѣ, нагрѣтой до 60^0. Напослѣдокъ и онѣ вымрутъ, потому что никакіе организмы, подобные нашимъ, т. е. образованные изъ бѣлковыхъ тѣлъ, не могутъ жить тамъ, гдѣ вода нагрѣта до точки кипѣнія.

Но наступитъ ли замораживаніе, или нагрѣваніе земли, отъ этого пострадаетъ только человѣческій родъ и только органическій міръ. Земля какъ планета и послѣ этого можетъ долго продолжать свое «земное» существованіе, какъ продолжала она его и въ давнія времена до появленія на землѣ органической жизни.

Наконецъ, постепенно приближаясь къ солнцу, земля дойдетъ до той грани, гдѣ центробѣжная сила возьметъ верхъ надъ центростремительной. Отсюда она стремительно полетитъ прямо на солнце и упавши на него, вольетъ въ его массу всѣ свои расплавленныя вещества.

XVII.

Начнется ли это паденіе на солнце ранѣе, чѣмъ земля успѣетъ замерзнуть отъ охлажденія солнца, или же послѣ замерзанія, ея концомъ будетъ возсоединеніе съ тѣмъ же солнцемъ, отдѣленіе отъ котораго было ея началомъ.

Какъ именно совершится этотъ конецъ, сказать въ точности наука не можетъ. Несомнѣнно одно, что приближеніе къ этому концу будетъ

столь же длительно, какъ длительно было и приближеніе земли къ той формѣ существованія, въ какой мы наблюдаемъ ее въ текущій моментъ.

А эта современная форма—преходяща. Она составляетъ только одну, сравнительно кратковременную фазу существованія земли, въ ряду другихъ фазъ, пережитыхъ ею въ теченіи медленной смѣны геологическихъ эпохъ. Умъ нашъ представляетъ эти процессы развитія и угасанія жизни нашей планеты *необыкновенно* длительными и *чрезвычайно* грандіозными. При описаніи этихъ процессовъ астрономы и геологи любятъ возбуждать фантазію такими и подобными эффектными выраженіями. Забывается при этомъ, что всѣ естественные процессы—вполнѣ обыкновенны, а ихъ продолжительность,—сколько бы милліоновъ лѣтъ мы ни положили на нее,—весьма незначительна сравнительно со временемъ происхожденія всей солнечной системы. А развитіе и угасаніе солнечной системы есть одна ничтожная минутная вспышка въ ряду другихъ подобныхъ же явленій, совершающихся во вселенной отъ вѣчности.

Нужно огромное напряженіе воображенія, чтобы говорить объ этихъ процессахъ со спокойствіемъ философа, и ни на минуту не утрачивать чувства мѣры, которое одно только и можетъ быть надежнымъ спутникомъ на тернистомъ пути, ведущемъ насъ къ истинѣ.

А больше всего нужно, размышляя о вселенной, отрѣшиться отъ представленій, взятыхъ изъ нашей обыденной жизни. И все, что совершается

въ безконечномъ міроздапіи, не мѣрить мѣрою нашихъ собственныхъ чувствъ, либо интересовъ.

И подобно тому, какъ мѣриломъ небесныхъ пространствъ нельзя брать наши привычныя сажени и версты,—слишкомъ длинныя цифры пришлось бы исписывать ими,—также точно и годы, единица для нашего возраста, совершенно не годны для измѣренія длительности міровыхъ процессовъ. Это твердо и навсегда вкоренила наука въ современные умы, жаждущіе истины.

XVIII.

Никакой быстрой катастрофы, никакого неожиданнаго крушенія въ положеніи планетныхъ тѣлъ астрономія не предвидитъ. Самая простая логика говоритъ, что если земля благополучно прожила цѣлыя сотни милліоновъ лѣтъ безъ небесныхъ катастрофъ, то есть вѣроятность, что такой катастрофы не произойдетъ хотя бы въ теченіе одного слѣдующаго милліона лѣтъ. Это разсужденіе смѣло можно повторять каждый разъ, какъ случается событіе, вродѣ ожидавшагося недавно столкновенія съ кометой Галлея.

Такая вѣроятность вытекаетъ изъ всѣмъ понятныхъ соображеній. Сотни милліоновъ лѣтъ земля носилась по безпредѣльнымъ пространствамъ вселенной, вмѣстѣ съ солнцемъ, которое также не стоитъ на одномъ мѣстѣ. И въ то время, какъ солнце совершаетъ этотъ свой невѣдомый путь по одному направленію, земля, обѣгая вокругъ солнца, совершаетъ тотъ же путь огромными пет-

лями и, значитъ, бываетъ при этомъ въ болѣе широкихъ предѣлахъ міра. Въ свою очередь всѣ другія планеты движутся точно такъ же, какъ и земля. Вся же солнечная система, со всей массой своихъ планетъ, движется въ міровомъ пространствѣ, какъ широчайшій потокъ въ 8.350 мил. верстъ въ поперечникѣ (удвоенное разстояніе Нептуна, крайней планеты, отъ солнца).

И вотъ, въ эту громаднѣйшую сферу, носившуюся по вселенной сотни милліоновъ лѣтъ, за все это время ни разу не вторглось ни одно міровое тѣло, которое внесло бы полную пертурбацію во всю ея стройную систему. Конечно, возможны столкновенія міровыхъ тѣлъ, и дѣйствительно происходятъ они на небѣ. Но промежутокъ времени въ 300 мил. лѣтъ, а можетъ быть и въ 1.000 мил. лѣтъ—все еще слишкомъ малъ для того, чтобы очередь такой катастрофы дошла и до земли.

Субъективно же, чѣмъ дольше длится непрерывность извѣстнаго строя, тѣмъ больше является увѣренности, что онъ и впредь будетъ длиться безъ измѣненій.

Астрономія, которая изучаетъ соотношеніе небесныхъ тѣлъ, укрѣпляетъ насъ въ этой увѣренности. Она говоритъ намъ, что какъ ни велики скорости вращенія небесныхъ тѣлъ и паденія ихъ другъ къ другу, но разстоянія небесныхъ пространствъ еще больше. Даже свѣтъ, который проходитъ по 300.000 километровъ въ секунду, и тотъ проходитъ эти пространства въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій. Положимъ, какая-нибудь непредвидѣнная звѣзда изъ такой дали устремитъ свой

полетъ прямо на землю, чтобы положить конецъ ея существованію. Если бы астрономы сегодня замѣтили это въ свои трубы, и точнымъ вычисленіемъ подтвердили правильность паденія звѣзды какъ разъ на землю, то и тогда намъ безпокоиться о своей судьбѣ было бы нечего. Родъ человѣческій успѣлъ бы вымереть отъ голода или нервныхъ заболѣваній скорѣе, чѣмъ эта звѣзда достигла бы своей цѣли и преждевременно превратила землю въ ту туманность, въ которую она все равно когда-нибудь обратится.

Изъ всѣхъ звѣздъ ближе всѣхъ къ намъ находится звѣзда α (альфа) въ созвѣздіи Центавра. Но не смотря на то, что она ближе всѣхъ, свѣтъ отъ нея доходитъ до земли только въ 4 года, дѣлая по 300.000 км. въ секунду. Пускай эта ближайшая къ намъ звѣзда начнетъ падать на насъ съ огромной для небесныхъ тѣлъ скоростью, т. е. будетъ приближаться къ намъ на 100 верстъ каждую секунду, значитъ, въ 3.000 разъ медленнѣе свѣта. Всякій самъ сосчитаетъ, что она можетъ долетѣть до земли только въ $3.000 \times 4 = 12.000$ лѣтъ.

Никакой другой молніеносной скорости для паденія небесныхъ тѣлъ наука допустить не можетъ.

Такъ, при нынѣшнемъ состояніи науки, насъ не можетъ повергать въ суевѣрный ужасъ пугавшая древнихъ мысль о томъ, что настанетъ нѣкогда день, и солнце померкнетъ и звѣзды упадутъ на землю.

А историки знаютъ, сколько глупыхъ страховъ было неоднократно пережито народами при ожиданіи скорой кончины міра.

XIX.

Резюмируемъ сказанное. Міръ для насъ совсѣмъ не то, что міръ для древнихъ. Для нихъ это даже не земной шаръ, а только небольшой участокъ его. Для насъ это—вселенная изъ безконечнаго количества небесныхъ тѣлъ, разсѣянныхъ въ безконечномъ пространствѣ. Вопросъ о происхожденіи, примѣнимый къ міру въ древнемъ смыслѣ слова, т. е. къ части вселенной, совершенно не приложимъ ко всей вселенной. Она, какъ безконечна по пространству, такъ же безконечна и по времени. Въ нѣдрахъ ея идутъ непрестанные процессы созиданія и разрушенія, образованія и уничтоженія. Процессы эти продолжаются въ теченіи огромныхъ періодовъ времени и составляютъ жизнь вселенной, никогда не начинавшуюся и никогда не прекращавшуюся.

Эта безконечная вселенная есть источникъ постояннаго мірообразованія. И во время этого непрерывнаго міротворенія, формируются не только познаваемыя нами матеріальныя тѣла, но и сопутствующія имъ нематеріальныя силы.

МАТЕРІЯ И СИЛА.

XX.

Матерія и сила, или матерія и энергія, какъ теперь говорятъ, суть общія понятія, надъ которыми велись страстные споры въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Содержаніе этихъ, какъ и всякихъ другихъ общихъ понятій, было либо смутно, либо крайне неопредѣленно.

Тѣхъ, кто въ основу своихъ воззрѣній полагалъ матерію, называли матеріалистами, а ихъ противниковъ спиритуалистами. И тѣ, и другіе, какъ часто случается при столкновеніи двухъ мнѣній, впадали въ крайности. Защитники матеріи доходили до полнаго отрицанія энергіи, а защитники духа готовы были утверждать, что не существуетъ ничего, кромѣ моего *я* и моего сознанія.

Конкретно матерію представляли въ видѣ тѣла, мертваго и недвижимаго, которое приводится въ движеніе силой. Если это тѣло — человѣческое, то сила, оживляющая его, называлась мыслящимъ духомъ. Сила или духъ—все равно, что художникъ, который на матеріи, какъ на инструментѣ, разыгрываетъ разныя пьесы.

При такомъ наглядномъ представленіи въ чисто философскій споръ были втянуты священ-

ныя традиціи: въ древности всякое сужденіе мѣрили исключительно на ихъ мѣрку,—согласуется ли оно съ древними преданіями, или расходится съ ними. Поэтому, отвлеченный теоретическій споръ былъ тотчасъ перенесенъ на практическую почву. И защитники матеріи попали подъ серьезное подозрѣніе въ томъ, что они разрушаютъ основы и развращаютъ общество. Такъ, недалекіе люди часто и до сихъ поръ заканчиваютъ теоретическіе споры. Вѣдь гораздо легче посадить человѣка подъ арестъ, чѣмъ доказать неосновательность его мнѣній.

Съ тѣхъ поръ острота спора значительно сгладилась. Противники высказались достаточно. И въ то же время было довольно прочно установлено, что матеріализмъ теоретическій и матеріализмъ практическій—совсѣмъ не одно и то же; что матеріализмъ житейскій всегда находилъ своихъ приверженцевъ рѣшительно во всѣхъ философскихъ школахъ, а, въ частности, у спиритуалистовъ онъ былъ въ такомъ же, если не большемъ почетѣ и упражненіи.

XXI.

Отчасти этому смягченію спора посодѣйствовали перемѣны въ самомъ вглядѣ на матерію.

Что такое матерія? По простому обыденному представленію, это — нѣчто грубое, твердое либо жидкое, осязательное и тяжеловѣсное — вродѣ того матеріала, изъ котораго строятъ дома и дѣлаютъ мебель. Распространеніе физико-химичес-

кихъ знаній совсѣмъ измѣнило это первобытное представленіе.

Прежде всего, физика твердо укоренила взглядъ что есть тѣла не только твердыя и жидкія, но есть и газообразныя. И твердыя тѣла только при нашихъ условіяхъ остаются твердыми, а при всякихъ другихъ они тоже могутъ сдѣлаться газами и значитъ стать матеріей — совершенно другого сорта. А химія, изучивши всѣ газообразныя вещества, показала, что среди нихъ есть и такіе ощутимые газы, какъ атмосфера, которая при вѣтрѣ оказываетъ совершенно ясное давленіе; есть и такіе неосязаемые и трудно уловимые тонкіе газы, какъ водородъ.

Съ другой стороны, для объясненія многихъ физическихъ явленій пришлось допустить и такую предполагаемую матерію, какъ эфиръ, который до сихъ поръ не удалось обнаружить никакимъ химическимъ реактивомъ. Правда, въ отличіе отъ настоящей матеріи, эфиръ называютъ невѣсомымъ и нематеріальнымъ. Но съ тѣхъ поръ какъ доказано, что свѣтъ, т. е. колебаніе эфира, оказываетъ давленіе на крутильные чувствительные вѣсы, приходится иначе смотрѣть на невѣсомость эфира.

Значитъ, если есть такіе тонкіе и неуловимые виды матеріи, какъ водородъ, и въ 1000 разъ болѣе тонкій эфиръ, то невозможно мыслить матерію въ прежнихъ осязательныхъ образахъ. Что это за матерія которая совершенно недоступна ни одному изъ нашихъ чувствъ? Если матерія есть то, что мы осязаемъ и что занимаетъ часть

какого-нибудь пространства, то что же такое неосязаемый и всепроницающій эфиръ?

Такимъ образомъ, строгая наука вынуждена была допустить существованіе такой матеріи, которая обладаетъ свойствами нематеріальнаго духа, какими надѣляли его древніе мыслители. А съ другой стороны, всякая попытка со стороны спиритуалистовъ представить духъ существующимъ отдѣльно отъ тѣла, приводила къ безысходнымъ и кореннымъ противорѣчіямъ. Нематеріальный духъ, если онъ не продуктъ воображенія, а реальное существо, долженъ занимать какое-нибудь мѣсто,—вѣдь онъ не вездѣсущъ. Чтобы проявить себя и свое существованіе, онъ долженъ быть какой-нибудь ареной, средой или сферой дѣйствія.

А нашъ мозгъ такъ устроенъ, что мы не можемъ составить себѣ представленія о чемъ-бы то ни было иначе, какъ въ образѣ легкой, эфирной, но все таки тѣлесности. Всѣ попытки представить удобопонятно существованіе духа и энергіи внѣ всякой связи съ самыми тонкими формами матеріи были безуспѣшны: человѣческій разумъ не могъ вмѣстить такое представленіе. Каждый разъ какъ онъ старался это мыслить, и выразить понятно, ему приходилось привлечь для этого изгнанную матерію и провозгласить что нибудь вродѣ воскресенія тѣла. Хоть въ формѣ водорода, могущаго входить въ комнату черезъ замочную скважину, но всетаки—въ формѣ тѣла, безъ котораго безтѣлесный духъ не можетъ проявлять свое существованіе.

Наконецъ, еще не такъ давно матеріалистамъ (напр. Бюхнеръ) приходилось брать на себя отвѣтственный трудъ, подъ страхомъ проклятія, открыто и громко защищать такія истины, какъ безконечность матеріи, ея неуничтожаемость, связь души съ тѣломъ, существованіе души у животныхъ и т. п. А теперь эти истины сдѣлались всеобщимъ достояніемъ и легко признаются людьми, которые не имѣютъ никакого отношенія къ матеріализму и его философскому построенію.

Въ виду этого, теперь можно сказать, что прежній матеріализмъ, какъ пугало, совершенно растаялъ. Можетъ быть, лучшимъ внѣшнимъ показателемъ этого служитъ тотъ фактъ, что даже наша цензура не имѣетъ ничего противъ перевода матеріалистической книги Бюхнера «Сила и матерія» на русскій языкъ. Кто помнитъ, какое преслѣдованіе встрѣчала у насъ эта книга лѣтъ 30 назадъ, тотъ согласится со старой истиной, что мѣняются не только времена, но и взгляды.

XXII.

Обыденное представленіе матеріи совсѣмъ не совпадаетъ съ научнымъ. Для обывателя матерія, какъ сказано,—только матеріалъ, изъ котораго вещь сдѣлана. Столъ — изъ дерева, ножъ — изъ стали. Наука же не останавливается на такомъ представленіи и спрашиваетъ далѣе: а изъ чего состоитъ дерево и сталь?

Такимъ образомъ, научный анализъ разлагаетъ вещество, доступное чувствамъ всякаго смертнаго,

на элементы, которые чувствамъ совсѣмъ не доступны. Сдѣлавши этотъ анализъ, наука отвѣчаетъ, что дерево состоитъ изъ углерода, водорода, кислорода и азота, а сталь—изъ желѣза и углерода. Всѣ эти названные образователи дерева и стали суть элементы. Такихъ элементовъ до послѣдняго времени насчитывалось 74. И единицами каждаго элементарнаго тѣла считались недѣлимыя частицы, которыя называются атомами.

Всѣ эти элементы казались различными, первозданными, столь же обособленными другъ отъ друга, какъ и животныя по представленію, которое господствовало до Ламарка и Дарвина. Теперь теорія эволюціи, опираясь на недавнія физическія и химическія открытія, особенно послѣ разложенія радія, проникла и въ область химіи. Происхожденіе элементовъ другъ отъ друга становится все больше и больше признаваемой, хотя далеко еще не доказанной, истиной. Быть можетъ успѣхи эволюціи въ химіи опередятъ таковые же успѣхи въ эволюціи живого вещества, ибо здѣсь можно надѣяться экспериментально показать, какъ вещества происходятъ другъ отъ друга. Тогда какъ въ эволюціи организмовъ, какъ увидимъ ниже, экспериментъ не умѣстенъ, а новые факты можно получать только случайно, при какихъ-нибудь новыхъ палеонтологическихъ находкахъ въ земной корѣ.

XXIII.

Атомъ недавно еще представляли недѣлимымъ, не въ томъ смыслѣ, что онъ не доступенъ физическимъ способамъ дѣленія, а въ томъ, что онъ есть химическій индивидъ (не дѣлимое) точно такой же, какъ индивиды органическіе. Животное разрѣзать можно, но тогда мы убьемъ его. Животное же живое — не дѣлимо. Такое представленіе невольно наводило на мысль, что атомъ — сложное тѣло и что отъ количества, расположенія, а можетъ быть движенія частицъ, его составляющихъ, зависитъ и особенность атома каждаго элемента, и самая его недѣлимость.

Философы, тяготѣвшіе къ обыденному представленію матеріи, считали основнымъ ея свойствомъ пространственность. Матерія означаетъ то, что занимаетъ какое-нибудь пространство. При разложеніи матеріи на атомы, такое представленіе оказалось грубымъ. Недоступный чувствамъ атомъ не легко было связать съ представленіемъ пространства. Теперь характеристикой матеріи считается ея вѣсъ и инерція. Популярно говоря, матерія есть то, что оказываетъ сопротивленіе.

Это совершенно мѣняетъ прежній взглядъ на матерію. Прежде въ ней видѣли положеніе (status), и это казалось самымъ главнымъ. Матерія и мѣсто, которое она занимаетъ, сливались въ одномъ представленіи. Оттого такое представленіе матеріи называлось статическимъ.

Теперь, когда матерія разложена на атомы—

невидимыя частицы, вопросъ о мѣстѣ потерялъ свое значеніе. Если въ матеріи самое существенное то, что оказываетъ сопротивленіе, значитъ, самое существенное въ ней—ея дѣйствіе, или ея сила (dinamis). Оттого такое представленіе матеріи называется динамическимъ.

Противники грубаго матеріализма давно склонны были одухотворять матерію и давно старались выражать ее въ динамическихъ терминахъ. Вещество, говорили они, это только встрѣча силъ или результатъ ихъ взаимодѣйствія. Сообразно съ этимъ взглядомъ, атомы были только центрами взаимодѣйствія силъ. И если бы мы сказали, что атомъ есть только сфера дѣйствія силъ, то мы приблизились бы вплотную къ новой, только что устанавливающейся, электрической теоріи матеріи.

Въ виду ея новизны и оригинальности, слѣдуетъ остановиться на ней подробнѣе.

XXIV.

Прежде считалось истиной, прочно установленной, что матерія неразрушима. Она только переходитъ изъ одной формы существованія въ другую. Если дрова, или каменный уголь сгораютъ въ печи, то они не уничтожаются, а только разлагаются на свои составные элементы, которые въ видѣ дыма, пара и газовъ улетаютъ въ трубу. Если бы мы устроили топку такимъ образомъ, что могли тщательно собрать всѣ продукты, которые улетаютъ въ трубу, то увидали бы по ихъ

вѣсу, что ничто не уничтожилось. Сколько было дровъ, столько, вмѣстѣ съ золой, получится и продуктовъ горѣнія. Если, также, мы разложимъ воду на ея составные элементы, водородъ и кислородъ, то получимъ ихъ вмѣстѣ, по вѣсу, ровно столько же, сколько было воды.

При всѣхъ химическихъ соединеніяхъ и разложеніяхъ, какъ это установлено точными опытами, ни одна частица матеріи не уничтожается, и ни одна не рождается вновь. И вездѣ, гдѣ мы видимъ при своихъ химическихъ и физическихъ опытахъ, что выдѣляется какое-нибудь вещество, это вещество мы можемъ тщательно собрать, взвѣсить, и доказать, какой оно природы, и откуда оно взялось. Вся наука химіи построена на этомъ.

Съ другой стороны, при всѣхъ этихъ разложеніяхъ найдено, что разлагаются только сложныя вещества. Простыя же вещества или элементы не разложимы. Какимъ бы превращеніямъ мы ихъ ни подвергали, они всегда остаются сами собой, и выдѣлить изъ нихъ ничего другого не удается. Такія элементарныя вещества можно не разложить, а расчленить (мысленно) на отдѣльныя частицы, которыя всѣ будутъ совершенно похожи другъ на друга. Эти частицы, какъ упоминалось, и есть атомы. Такимъ образомъ, атомы простыхъ тѣлъ разсматривались какъ кирпичи, изъ которыхъ построены всѣ земныя (и планетныя) тѣла, и которыя сами дальше дробиться никоимъ образомъ не могутъ. Атомы—строительный матеріалъ для всѣхъ тѣлъ, отъ самыхъ простыхъ, до самыхъ сложныхъ. Въ общемъ смыслѣ, они и есть та

матерія, о которой разсуждали философы, не всегда обладавшіе достаточной химической подготовкой.

XXV.

Но за послѣднее десятилѣтіе накопилось достаточно фактовъ, которые совершенно поколебали это установившееся воззрѣніе. Во первыхъ, физика открыла много различныхъ лучей, (катодные, рентгеновы и др.) со странными свѣтовыми и электрическими свойствами. Съ другой стороны, химики открыли различныя радіаціи, главнымъ образомъ у радія. И всѣ эти лучи и радіаціи показали, что нѣкоторыя тѣла всегда, а иныя при извѣстныхъ условіяхъ, даютъ истеченія, которыя оказываютъ сильные эффекты, хотя и не имѣютъ свойствъ матеріальности. До сихъ поръ признавалось, что отъ матеріи отдѣляются только матеріальныя же частицы. Теперь же выходитъ, что матерія распадается, но на частицы не матеріальныя.

Самое выраженіе «нематеріальная частица» еще недавно показалось бы нелѣпостью. Теперь же оно уже вошло въ обиходъ. Излучаемыя частицы называютъ невещественными тѣльцами, безтѣлесными зарядами электричества, даже электрическими духами, или электрическими атомами, а короче—электронами.

Раньше всего существованіе этихъ электроновъ было признано въ явленіяхъ электролиза, когда электрическій токъ проходитъ сквозь вод-

ный растворъ какой-нибудь соли. Токъ при этомъ разлагаетъ соль на 2 группы атомовъ, несущихъ равные и противоположные заряды электричества. Атомы эти или *іоны* движутся къ противоположнымъ полюсамъ батареи, и каждый іонъ переноситъ при этомъ опредѣленный зарядъ электричества, постоянной величины. Этотъ зарядъ и былъ названъ электрономъ.

Теперь существованіе «атомовъ электричества» или электроновъ доказано и во многихъ другихъ случаяхъ, опредѣлена ихъ величина,—въ 1000 разъ меньше атома водорода,—и установлено, что всякое элементарное тѣло выдѣляетъ совершенно одинаковые электроны.

Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ весь корень современнаго переворота во взглядѣ на матерію. Прежде допускали, что атомы всѣхъ 74-хъ элементовъ различны. Теперь же склонны думать, что какой бы атомъ мы ни взяли, онъ распадется на такіе же электроны какъ и всякій другой. Т. е. въ основѣ всѣхъ матеріальныхъ тѣлъ, какъ бы они ни были многоразличны, лежатъ совершенно одинаковые нематеріальные электроны. Матерія состоитъ изъ чего-то нематеріальнаго!

Но если атомъ состоитъ изъ электроновъ, то какъ же нужно представлять себѣ его устройство? Полагаютъ, что электроны въ атомѣ движутся съ ужасающей быстротой по орбитамъ вокругъ его центра, вродѣ того, какъ планеты движутся вокругъ солнца. Во время этого круговращенія, электроны могутъ отрываться и улетать изъ предѣловъ атома. Когда ихъ улетаетъ много,

получается радіація, или излученіе, причемъ атомъ теряетъ свои прежнія свойства и можетъ совершенно измѣнить ихъ. Происходитъ превращеніе вещества. Такимъ образомъ напр. радій превращается въ гелій. И такимъ же образомъ, какъ предполагается, всякій другой элементъ можетъ измѣнить свою природу, и напр. свинецъ можетъ превратиться въ серебро.

XXVI.

Но если матерія распадается на нематеріальныя частицы, то что же она такое сама по себѣ? Нѣкоторые думаютъ, что они уже рѣшили эту задачу. «Матерія, говорятъ они, это—тоже, что движеніе». «Отсюда вытекаетъ взглядъ на матерію, какъ на простую разновидность энергіи». «Нѣтъ различія между матеріей и энергіей, ибо матерія — только устойчивая форма энергіи». «Если мы не въ состояніи создать матеріи, мы по крайней мѣрѣ можемъ разрушить ее безвозвратно».

Вотъ какія сужденія высказываются теперь нѣкоторыми людьми науки. Подъ вліяніемъ новыхъ открытій они способны впадать въ старыя ошибки спиритуалистовъ, старавшихся совершенно изгнать матерію. Но, разумѣется, современные энергисты будутъ столь же напрасно стараться, какъ и прежніе спиритуалисты. Сколько бы мы ни одухотворяли матерію, мы не можемъ отрѣшиться отъ мысли, что кромѣ движенія, производимаго какой нибудь силой, есть еще нѣчто, что

движется. Какова-бы ни была эта «частица», разъ она движется въ извѣстныхъ предѣлахъ, она есть вещь, занимающая и мѣняющая пространство, т. е. матерія. Нашъ умъ такъ устроенъ, что не можетъ допустить движеніе нематеріальнаго духа. Самое понятіе движенія требуетъ допустить и то вещество, которое движется. Невещественна только сила. Но сила двигаетъ, а не движется.

Поэтому распаденіе матеріи или, какъ говорятъ, ея дематеріализацію нужно понимать условно. Если матерія распадается на электрическія частицы, то значитъ электричество есть—жидкость, хотя жидкость совершенно особаго рода. Если же матерія распадается на частицы эфира и въ концѣ концовъ превращается въ эфиръ, то эфиръ нужно считать за матерію, хотя доселѣ и называли его нематеріальнымъ. Можно назвать его хотя бы матеріей второго порядка и установить новое мѣрило для того, что нужно считать «матеріальнымъ». Для первобытнаго ума, знакомаго только съ грубыми видами матеріи, также трудно было признать водородъ за матерію, какъ и для иного современнаго ума — признать за матерію «невѣсомый» эфиръ. Но какъ это ни трудно, это вполнѣ допустимо. Но совершенно недопустимо считать, что матерія исчезаетъ или превращается въ то, что не есть матерія. Кромѣ матеріи есть только ничто, да сила, которая дѣйствуетъ не иначе, какъ въ матеріальной средѣ.

Такимъ образомъ, новѣйшія открытія совершенно измѣняютъ прежніе взгляды на атомъ и на разложимость того, что считали элементомъ,

расширяютъ понятія о превращеніи одного вещества въ другое, даютъ новое понятіе о матеріальности, но не могутъ поколебать старую коренную истину, что матерія не уничтожима, а значитъ и вѣчна. Остается незыблемой истина, что матерія измѣняетъ только форму существованія, а отнюдь не уничтожается.

Электрическая теорія матеріи еще далеко не установлена. Опыты, давшіе основаніе для нея, еще только что начаты. Доказанная разложимость радія еще мало изслѣдована, и не опредѣлено, съ вѣсами въ рукахъ, какое количество гелія получается изъ даннаго количества радія. Тѣмъ болѣе не взвѣшено, насколько измѣняется матеріальный вѣсъ вещества, отъ котораго отдѣляются электроны, и даже измѣняется ли онъ. Въ виду всего этого еще слишкомъ рано производить коренную ломку прежнихъ философскихъ принциповъ. Философія подождетъ, пока научные, строго провѣренные факты, скажутъ свое послѣднее слово.

XXVII.

Современная наука менѣе всего заслуживаетъ названія матеріалистической. Наоборотъ. Многіе ея представители готовы увлечься въ противоположную сторону. Но никакая наука не изучаетъ вещей въ себѣ, и потому она ничего не знаетъ о матеріи самой въ себѣ. Матерія, какъ таковая, мыслится нами безусловно инертной. Вотъ все, что можно сказать о ней.

Только тогда, когда въ матеріи совершается движеніе подъ вліяніемъ какой-нибудь силы и когда наступаетъ обнаруженіе матеріи, только тогда матерія *въ своемъ проявленіи* становится предметомъ науки. Внѣ силы матерія для насъ ничто. Внѣ силы мы о матеріи ровно ничего не знаемъ. И только подъ вліяніемъ какой-нибудь силы образуются предметы, составляющіе видимый міръ, т. е. все богатство и разнообразіе мертвой и живой природы. Только подъ вліяніемъ силы этотъ міръ становится доступнымъ нашимъ органамъ чувствъ. Только подъ вліяніемъ силы же матерія приняла такую живую форму, какъ человѣкъ, который составляетъ субъектъ и объектъ познанія.

Все это совершенно справедливо. Потому то нѣкоторые и спѣшатъ сдѣлать выводъ, слишкомъ опрометчивый, что ничего кромѣ силы не существуетъ.

Но что же такое сила? О ней, какъ единой, можно сказать тоже самое, что и о матеріи самой въ себѣ: она есть наше общее понятіе, и только. Въ природѣ нѣтъ силы вообще, а есть проявленіе какой-нибудь опредѣленной силы. Равно какъ и нѣтъ обнаруженія какой бы то ни было силы внѣ матеріальныхъ объектовъ. Наука не знаетъ доказательствъ того, что сила можетъ существовать и внѣ матеріи, и независимо отъ матеріи.

И разыскивать такихъ доказательствъ наука не станетъ, потому что она изучаетъ и можетъ фактически изучать только проявленія разныхъ силъ въ матеріальной средѣ. Точнѣе говоря, наука

изучаетъ только разныя формы энергіи, и ихъ дѣйствія, понимая подъ энергіей способность силы къ дѣйствію. Она знаетъ энергію механическую, тепловую, свѣтовую, магнитную, электрическую, химическую и, можетъ быть, органическую, частнымъ видомъ которой будетъ энергія психическая.

Относительно первыхъ шести видовъ энергіи въ наукѣ нѣтъ разногласій. При извѣстныхъ матеріальныхъ условіяхъ проявляется тотъ или другой видъ этихъ энергій, и съ перемѣной этихъ матеріальныхъ условій энергіи могутъ переходить одна въ другую. Многіе виды этихъ переходовъ доступны ежедневному наблюденію, и всякій знаетъ, напримѣръ, какъ механическая энергія (треніе) переходитъ въ электрическую, какъ электричество превращается въ теплоту, свѣтъ и движеніе. Точно также электрическій токъ можетъ намагничивать и производить химическія дѣйствія. Всѣ эти явленія настолько общеизвѣстны, что останавливаться на нихъ нѣтъ надобности.

XXVIII.

Не такъ просто установить понятіе органической энергіи. Этому до сихъ поръ мѣшала и трудность самой задачи, вслѣдствіе особой сложности жизненныхъ явленій, и силы вѣковыхъ традицій, которыя признавали въ основѣ жизни совершенно особое живое начало, стоящее внѣ цѣлаго ряда энергій, извѣстныхъ и признанныхъ въ мірѣ физическомъ. Эти традиціи, и тѣ вы-

воды, которые дѣлались на основаніи ихъ, до недавняго времени оказывали давленіе на научное творчество, и сковывали полетъ мысли въ этой области.

По всѣмъ этимъ причинамъ, понятіе органической энергіи еще до сихъ поръ не установлено. И еще не доказано съ такою же несомнѣнностью, какъ это сдѣлано въ физикѣ и въ химіи, что органическую энергію можно обратить въ другой какой-нибудь видъ энергіи. Вѣроятно, физіологіи удастся сдѣлать это только тогда, когда намъ будетъ извѣстенъ не только составъ бѣлковой молекулы, но и условія, отъ которыхъ зависитъ живое или неживое состояніе этой молекулы. Т. е. тогда, когда мы сможемъ искусственно приготовить живую плазму, превративши химическую энергію въ органическую.

Энергію психическую, кажется, легче допустить, какъ потому, что самый терминъ «энергія» отзывается антропоморфизмомъ (сколько въ этомъ человѣкѣ энергіи, и какую энергичную дѣятельность иногда проявляетъ онъ!), такъ и потому, что терминъ «нервная энергія», хотя не въ строго научномъ смыслѣ слова, становится обиходнымъ. И можетъ быть, къ признанію органической энергіи придутъ скорѣе не черезъ химію, а черезъ психологію.

Одно изъ самыхъ безспорныхъ наблюденій физіологіи указываетъ на освобожденіе живой нервной энергіи и на обратный переходъ ея въ скрытое состояніе. А это такое явленіе, которое слишкомъ близко къ физическимъ формамъ энер-

гіи. И такъ какъ связь между психической и нервной энергіей, въ большинствѣ случаевъ, установлена, то понятно, какое значеніе это имѣетъ для того, чтобы поставить психическую энергію въ одинъ рядъ со всѣми другими видами энергіи.

XXIX.

Въ настоящее время, одновременно съ установленіемъ новыхъ взгляцовъ на матерію, вводится совершенно новое понятіе о *внутри атомной* энергіи. Естественно, если въ нѣкоторыхъ случаяхъ вещество распадается на электроны, или испускаетъ изъ себя потокъ электрическихъ частицъ, то должна быть энергія, которая производитъ такое дѣйствіе. Характеръ такого явленія, точнѣе, ужасающая скорость полета частицъ при этомъ истеченіи, не позволяетъ допустить, чтобы здѣсь дѣйствовала какая-нибудь изъ извѣстныхъ намъ энергій. Частицы эти летятъ со скоростью, которая равна и даже превосходитъ одну треть скорости свѣта, т. е. около 100,000 килом. въ секунду.

Очевидно, энергія, которая можетъ сообщить такую скорость, должна быть громадна. Но кромѣ того, эта энергія отличается отъ другихъ извѣстныхъ намъ видовъ постоянствомъ дѣйствія, такъ сказать, своею неослабностью, и своей необыкновенной сконцентрированностью. Проявленіе ея огромной мощи исходитъ отъ частицъ матеріи крайне малыхъ по своимъ размѣрамъ и вѣсу.

Наиболѣе извѣстный видъ этой энергіи полу-

чается отъ радія и др. радіоактивныхъ тѣлъ. Извѣстно, напр., какой необыкновенно разрушительной силой обладаетъ радій, дѣйствуя на органическія ткани. Потому то, между прочимъ, его и употребляютъ съ лечебными цѣлями.

Практика еще не научилась извлекать эту энергію въ произвольныхъ количествахъ для различныхъ техническихъ цѣлей. Но мечты уже настойчиво витаютъ около этого предмета, и нѣкоторые думаютъ, что ученый, который найдетъ средство легко освобождать внутри атомную энергію, перевернетъ міръ. Тогда въ нашемъ распоряженіи будетъ безконечный даровой источникъ энергіи, и ею можно будетъ пользоваться для всевозможныхъ цѣлей. Но это еще—дѣло будущаго, и притомъ гадательнаго будущаго.

При видѣ новой загадочной и неизвѣданной еще энергіи, энергія психическая становится менѣе таинственной и, такъ сказать, менѣе сверхъестественной. Загадку ея наука также мало разгадала, какъ и загадку внутри атомной энергіи. Но психологія упорно идетъ къ этой цѣли и теперь, быть можетъ, находится ближе къ ней. Когда общій анализъ матеріи доведенъ до электроновъ, быть можетъ и психологіи удастся дойти въ своемъ анализѣ до тѣхъ же электроновъ. Тогда наука точно установитъ, что въ основѣ живой и неживой матеріи, сознающей и безсознательной, лежатъ тѣ же атомы, различно сгруппированные въ частицы. Сами же атомы суть колоніи или системы электроновъ, положительныхъ и отрицательныхъ. Отъ комбинаціи этихъ электроновъ и

количества ихъ будетъ зависѣть не только различіе всѣхъ тѣлъ по ихъ элементарнымъ свойствамъ, но и живое или неживое состояніе одного и того же углеводородистаго тѣла.

Тогда будетъ разрѣшена загадка жизни и смерти, и въ загадку сознанія или психической энергіи будетъ внесенъ новый лучъ свѣта.

И такъ, давній споръ между матеріей и силой теперь потерялъ всю свою остроту. Матерія утратила всѣ свои грубыя черты и разложена на нѣчто совершенно неуловимое, *какъ-бы* духовное. Внѣшніе матеріальные предметы состоятъ изъ частицъ электричества, охваченныхъ невообразимо быстрымъ движеніемъ. И самая ихъ матеріальность и осязаемость объясняется быстротой этого движенія: вѣдь и матеріальность воздуха сознается нами совершенно различно въ зависимости отъ того, движется онъ, или нѣтъ.

Но какъ бы мы ни представляли частицы, на которыя разложена матерія, онѣ—тоже матеріальной природы. И старая истина, что матерія не разрушима, остается непоколебимой истиной. Ровно какъ и прежняя истина: нѣтъ силы безъ матеріи, и нѣтъ матеріи безъ силы, пріобрѣтаетъ нынѣ еще болѣе устойчивое положеніе.

Какую бы силу или энергію мы ни взяли изъ множества формъ ея, извѣстныхъ намъ въ настоящее время, каждая изъ нихъ не можетъ проявляться иначе, какъ въ матеріальной средѣ, служащей основнымъ базисомъ для дѣйствія всѣхъ

видовъ энергіи. И современнымъ защитникамъ энергіи также не удастся подмѣнить матерію энергіей или доказать ихъ единство, какъ не удалось прежнимъ матеріалистамъ доказать, будто мысль есть *такое-же* выдѣленіе мозга, какъ желчь—выдѣленіе печени.

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ.

XXX.

Современная наука опредѣляетъ жизнь, какъ совокупность своеобразныхъ процессовъ, которые совершаются въ бѣлковыхъ веществахъ и состоятъ въ разнообразныхъ соединеніяхъ и разложеніяхъ этихъ веществъ.

Такое опредѣленіе, выраженное въ химическихъ терминахъ, было совершенно недоступно не только древнему уму, но и тому, который жилъ 100 лѣтъ тому назадъ, такъ какъ химія углеродистыхъ соединеній (и бѣлковыхъ въ томъ числѣ) не насчитываетъ и 100 лѣтъ своей жизни.

Понятно, что тогда при размышленіи о жизни, процессы которой были и не понятны, и совершенно не вѣдомы, ничего больше не оставалось дѣлать, какъ гадать и фантазировать. Тогда не имѣли никакихъ свѣдѣній ни о богатствѣ и разнообразіи жизненныхъ формъ (организмовъ), ни о различіи живого и неживого, ни объ условіяхъ жизни различныхъ существъ, ни тѣмъ болѣе о преемственности организмовъ, смѣнявшихъ другъ друга въ теченіи длиннаго ряда геологическихъ эпохъ. Тогда, напримѣръ, не знали даже такого общеизвѣстнаго факта, что однѣ рыбы живутъ исключительно въ прѣсной, а другія исключи-

тельно въ соленой водѣ. И потому, когда составляли сказаніе о потопѣ, то совершенно забыли объ участи рыбъ, которыя при смѣшеніи водъ должны были неминуемо всѣ передохнуть.

При такихъ познаніяхъ всякая сказка о происхожденіи жизни на землѣ могла казаться правдоподобной.

XXXI.

Теперь наука изъ вопроса о происхожденіи жизни дѣлаетъ 2 самостоятельныхъ вопроса: во первыхъ, о происхожденіи жизни вообще, во вторыхъ, о происхожденіи ея на землѣ.

Считается общепризнанной истиной, что всѣ небесныя тѣла состоятъ приблизительно изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и земля. Спектральный анализъ доказалъ, что на солнцѣ находятся тѣ же элементы, которые есть и на землѣ, т. е. подтвердилъ, такъ сказать, кровное родство земли и солнца. Этотъ же анализъ показываетъ, что ближайшія къ солнцу звѣзды имѣютъ такой же приблизительно составъ, какъ и солнце. Число химическихъ соединеній, въ которыя вступаютъ элементы, велико и весьма разнообразно, но оно не безконечно. А потому возможно, что одни и тѣ же химическія соединенія неоднократно появляются на разныхъ звѣздныхъ спутникахъ или на самихъ потухшихъ звѣздахъ. Т. е. возможно, что минералогическій составъ такихъ звѣздъ или ихъ спутниковъ будетъ совершенно тождественнымъ съ минералогическимъ составомъ земли.

А въ такомъ случаѣ тамъ можетъ существовать и органическая жизнь, совершенно подобная той, какая на землѣ. Можно допустить, что жизнь и всегда существовала на разныхъ небесныхъ тѣлахъ, и только переносилась съ одного на другое при посредствѣ тѣхъ метеоритовъ, которые и теперь часто падаютъ на землю. Въ этихъ метеоритахъ и теперь находятъ углеродъ. А это показываетъ, что такой небесный обломокъ могъ произойти отъ планеты, на которой былъ основной элементъ для углеродистыхъ т. е органическихъ соединеній.

Въ такомъ случаѣ вопросъ о происхожденіи жизни падаетъ самъ собою. Жизнь существуетъ отъ вѣчности, какъ и самые элементы (по крайней мѣрѣ нѣкоторые) органическихъ и неорганическихъ соединеній. Она только переносится съ планеты на планету, хотя и не такимъ путемъ, какъ переносятся эти самые элементы во время мірообразованія. И если жизненный зародышъ, какая-нибудь монера попадетъ въ подходящую среду на новой планетѣ, она тотчасъ оживаетъ и размножается.

А извѣстно, что зародыши многихъ организмовъ чрезвычайно стойки, такъ что не разрушаются даже при повторномъ кипяченіи. Можно, поэтому, допустить, что въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ зародыши могутъ перенести и междупланетное путешествіе. Быть можетъ, и теперь падаютъ на землю изъ міровыхъ пространствъ зародыши жизни. Но они находятъ уже мѣсто занятымъ и потому тотчасъ же истреб-

ляются болѣе сильными туземцами. А главное, они не встрѣчаютъ тѣхъ особо благопріятныхъ условій влажности и температуры, которыя были на землѣ въ періодъ, непосредственно предшествовавшій появленію организмовъ.

Это одно рѣшеніе вопроса. Оно заключаетъ въ себѣ нѣкоторый логическій промахъ, а именно, считаетъ процессъ жизни чѣмъ то совершенно особеннымъ среди другихъ разнообразныхъ химическихъ процессовъ, и для происхожденія его изобрѣтаетъ особые пути.

XXXII.

Другое воззрѣніе смотритъ на явленія жизни, какъ на рядъ органическихъ или углеродистыхъ соединеній, и ставитъ ихъ, такъ сказать, на одну доску съ соединеніями неорганическими. Какъ неорганическія соединенія образуются заново на каждой планетѣ изъ тѣхъ элементовъ, которые очутились на этой планетѣ, благодаря случайному отдѣленію ея отъ общаго ядра; такъ же точно и органическія соединенія образуются заново на каждой планетѣ, Нужно только, чтобы на этой планетѣ были углеродъ, азотъ и водородъ, и чтобы вообще существовали тѣ соединенія (какъ, напримѣръ, вода), присутствіе которыхъ составляетъ необходимое условіе для зарожденія и продолженія появившейся жизни.

По этому воззрѣнію, бѣлковая молекула, т. е. составная часть живого организма, точно такая же сложная молекула, какъ всѣ другія молекулы

химическихъ соединеній. И точно также она образуется всегда и вездѣ, гдѣ присутствуютъ условія, необходимыя для образованія сложныхъ химическихъ тѣлъ. Она отличается только необыкновенною сложностью своего состава. Благодаря этой сложности, она—соединеніе крайне непрочное и неустойчивое. Ничтожныя воздѣйствія вызываютъ въ ней частичный распадъ, а другія подобныя же воздѣйствія производятъ частичное возстановленіе. А этотъ распадъ и это возстановленіе, происходящія въ бѣлковой молекулѣ, суть основныя жизненныя явленія, которыя называются въ біологіи обмѣномъ веществъ.

Оба рѣшенія показываютъ, что вопросъ о происхожденіи жизни пока что находится еще въ состояніи гипотезы. Онъ рѣшенъ будетъ съ научною достовѣрностью или тогда, когда въ метеоритахъ найдутъ жизнеспособныхъ зародышей, или тогда, когда химики, узнавъ составъ бѣлковой молекулы, сумѣютъ построить ее въ лабораторіи, со всѣми ея жизненными функціями. Послѣ тѣхъ успѣховъ, какіе сдѣлала органическая химія въ теченіи послѣдняго столѣтія, такое предположеніе нельзя считать черезчуръ смѣлымъ.

XXXIII.

Но такъ или иначе появилась жизнь на землѣ, она появилась только въ видѣ одноклѣточнаго организма. Это уже не гипотеза, а фактъ, удостовѣренный научно. Но послѣ этого прошли чрезвычайно долгіе годы, пока одноклѣточные орга-

низмы сложились въ колонію и образовали организмъ многоклѣточный. А затѣмъ вся исторія развитія жизненныхъ формъ на землѣ шла какъ по писанному. И дѣйствительно, вся она записана каменными письменами въ геологическихъ отложеніяхъ и въ значительной части уже прочитана. Но за ходомъ ея пусть читатель прослѣдитъ самъ по спеціальнымъ трактатамъ.

Нужно только сказать, что эволюція жизненныхъ формъ, и происхожденіе ихъ другъ отъ друга, есть одна изъ наилучше обоснованныхъ теорій въ области современнаго естествознанія. Факты, собранные въ пользу ея, столь многочисленны, что въ своемъ общемъ видѣ она безъ колебаній признается всѣми научными авторитетами въ качествѣ твердо установленной научной истины. Спорятъ только о подробностяхъ эволюціи, да о факторахъ ея, а отнюдь не о самомъ принципѣ.

Самый же принципъ развитія прочно укоренился въ умахъ современныхъ изслѣдователей. И теперь они выносятъ его далеко за предѣлы естествознанія. Его примѣняютъ не только въ области такихъ наукъ, какъ юридическія, или наука о языкѣ, или наука о религіи, а ставятъ, можно сказать, краеугольнымъ камнемъ всего современнаго міровоззрѣнія. Въ тѣ дни, когда всѣ животные и растительные типы казались отлитыми разъ навсегда въ опредѣленныя и неизмѣнныя формы, этотъ принципъ устойчивости и, такъ сказать, замороженности, переносился и во всѣ другія области. И типы государствъ, и формы полити-

ческаго и экономическаго строя, и религіозныя преданія, и «священные завѣты» предковъ,—все это казалось разъ на всегда даннымъ, неизмѣннымъ, незыблемымъ. И все это казалось тѣмъ болѣе почтеннымъ, чѣмъ почтеннѣе древность, отъ которой уцѣлѣли всѣ эти пережитки.

Но теперь, вмѣстѣ съ торжествомъ эволюціонной теоріи, все это исконное и незыблемое, все, что имѣло претензію жить безъ всякихъ нововведеній, оказалось въ противорѣчіи съ самымъ кореннымъ принципомъ жизненности, принципомъ измѣнчивости. Всегда знали, что «ничто не вѣчно подъ луною». Но не знали до самыхъ послѣднихъ десятилѣтій, что наиболѣе вѣчно, стойко и жизненно только то, что наиболѣе измѣнчиво. Только тотъ растительный или животный видъ наилучше и дольше выживаетъ, который обладаетъ способностью принимать разнообразныя формы и приспособляться къ вѣчно мѣняющейся средѣ. Тамъ, гдѣ царитъ застой и косность, среди всеобщаго движенія и перемѣны, тамъ или уже началось, или скоро начнется гніеніе, разложеніе и смерть. Великое множество растительныхъ и животныхъ формъ, закостенѣвшихъ въ своей неподвижности, вымерли и уступили свое мѣсто другимъ, которыя сумѣли измѣниться сообразно требованіямъ времени.

Только ихъ окаменѣлые останки въ своемъ нѣмомъ молчаніи служатъ краснорѣчивымъ глашатаемъ этой истины, которая обнимаетъ всю сферу жизни во всѣхъ мельчайшихъ ея проявленіяхъ.

XXXIV.

По древнимъ преданіямъ, человѣкъ созданъ былъ для безсмертія. Смерть, по крайней мѣрѣ смерть человѣка, вошла въ міръ внезапно. Когда стали смертными животныя, объ этомъ преданіе говорило глухо. Творцы этихъ преданій ничего не знали ни о размножаемости организмовъ, ни о пространствѣ земного шара. А потому они не догадывались, что, за отсутствіемъ смерти, земной шаръ черезъ нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть и мѣсяцевъ, также обросъ бы животными и растеніями вплотную, какъ лѣсная кочка обростаетъ мхомъ.

Если бы можно было говорить о цѣлесообразности, то пришлось бы признать, что смерть вошла въ міръ тогда, когда понадобилось очищать мѣсто для вновь нарождающагося потомства. На самомъ дѣлѣ случилось это гораздо раньше, чѣмъ на землѣ стало тѣсно. Но все таки смерть вошла въ міръ не одновременно съ жизнью. Первые одноклѣточные организмы были безсмертны. Они и понынѣ живутъ, и понынѣ сохраняютъ свое относительное безсмертіе, т.-е. сами никогда не умираютъ, если ихъ не умертвятъ насильственно. Послѣ нѣкотораго промежутка, такой организмъ или цистируется, т.-е. превращается какъ бы въ куколку и временно переходитъ въ состояніе покоя, а потомъ опять оживаетъ; или же онъ дѣлится на двѣ части, и каждая часть продолжаетъ свое независимое, индивидуальное существованіе.

Съ появленіемъ многоклѣточныхъ организмовъ, была утрачена одинаковость клѣтокъ, составлявшихъ общую колонію. Благодаря этому, оказалось невозможнымъ дѣлиться пополамъ. Тѣ клѣтки, которыя расположены были на поверхности многоклѣточнаго организма, видоизмѣнялись иначе подъ воздѣйствіемъ окружающей среды, чѣмъ тѣ, которыя находились внутри. Чѣмъ сложнѣе была колонія, тѣмъ глубже упрочивалось различіе между ними. И различіе это касалось какъ строенія клѣтокъ, такъ и отправленія ихъ. Если бы такой организмъ дѣлился пополамъ, то часть срединныхъ клѣтокъ, которыя занимались усвоеніемъ веществъ, должна была, послѣ дѣленія, оказаться снаружи. Здѣсь этимъ клѣткамъ пришлось бы заняться воспріятіемъ или захватываніемъ веществъ, необходимыхъ для жизни, т.-е. дѣятельностью совсѣмъ для нихъ не сродною. Практика жизни показала, что для организма гораздо выгоднѣе спеціализація отправленій, когда отдѣльныя части или органы исполняютъ каждый свою работу, но совсѣмъ не выгодно, чтобы одинъ и тотъ же органъ готовъ былъ ко всякой дѣятельности.

А ставши на путь спеціализаціи, организмы скоро выработали способность, вмѣсто того, чтобы дѣлиться цѣликомъ, отдѣлять отъ себя только одну или нѣсколько воспроизводительныхъ клѣтокъ, которыя, выдѣлившись, должны были возсоздать изъ себя остальную часть организма путемъ роста.

XXXV.

Прежде, при одноклѣточныхъ организмахъ, послѣ многократныхъ повторныхъ дѣленій, въ плазмѣ наступало какъ бы утомленіе или истощеніе. И для дальнѣйшаго нормальнаго продолженія жизни, требовалось сліяніе плазмы одного съ плазмой другого, сліяніе, которое называется копуляціей. Въ этой копуляціи клѣтка получала обновленіе и возстановленіе ослабѣвшей энергіи.

Теперь же, ставши многоклѣточными, организмы отдѣляли для сліянія только свои воспроизводительныя клѣтки. На этихъ клѣткахъ только и сказывалось обновляющее дѣйствіе копуляціи. Всѣ другія клѣтки постепенно изнашивались, и всего скорѣе изнашивались тѣ, которыя чаще всего подвергались разрушительнымъ вліяніямъ среды. Естественно, что для нихъ скорѣе всего наступалъ моментъ, когда онѣ утрачивали способность реагировать на внѣшнія воздѣйствія, т.-е. умирали. А за ними тотчасъ умирала и вся остальная колонія клѣтокъ, связанная съ ними неразрывно не только механически, но и функціонально.

Даже теперь у такого сложнаго организма, какъ человѣкъ, умираніе составляющихъ его системъ клѣтокъ совершается не одновременно. Нѣкоторыя продолжаютъ жить много часовъ послѣ того, какъ прекратилось дыханіе и сердцебіеніе. А вливаніемъ соляного раствора можно поддержать на нѣсколько часовъ жизнь даже вырѣзаннаго сердца.

Понятно, что въ отношеніи безсмертія человѣкъ не представляетъ исключенія изъ ряда другихъ многоклѣточныхъ существъ. Нѣкоторыя клѣтки его организма, а именно воспроизводительныя, не умираютъ, а при извѣстныхъ условіяхъ разростаются и воспроизводятъ опять цѣлаго человѣка, подобнаго родителямъ. Благодаря этому, получается непрерывность существованія человѣка, какъ вида, при постоянной смѣнѣ составляющихъ этотъ видъ особей, т.-е. получается относительное безсмертіе.

XXXVI.

Такимъ образомъ, смерть вошла въ міръ какъ результатъ развитія и прогресса. Взглядъ естествознанія на нее совершенно другой, чѣмъ взглядъ обыденной жизни, подкрѣпляемый древними вѣрованіями. Смерть — не пугало, не предметъ ужаса и отвращенія, не зло испорченной природы, не безсмыслица, возмущающая нравственное чувство, а естественный факторъ прогресса, вошедшій въ міръ исключительно для поддержанія и обезпеченія этого прогресса. Новое существо, выросшее изъ единичной воспроизводительной клѣтки, отличается наибольшей пластичностью, наибольшей способностью къ обогащенію себя новыми свойствами, словомъ, наибольшею жизненностью, или наилучшимъ зарядомъ жизни.

Нѣтъ лучше утѣшенія, чѣмъ сознаніе того, что исполнилъ свое назначеніе. Пока назначеніе

человѣка опредѣляли внѣ сферъ земной жизни, смерть при этомъ являлась чѣмъ то внѣшнимъ, не дающимъ примиренія. Но если назначеніе человѣка—усовершать жизнь и передавать пріобрѣтенное потомству для дальнѣйшаго усовершенія, то смерть является одинимъ изъ простыхъ и естественныхъ звеньевъ этого процесса. Тогда она имѣетъ и свой глубокій смыслъ, и свое истинное оправданіе.

Пускай же повсюду старое поколѣніе уступаетъ дорогу новому! Въ этомъ не только залогъ всякаго прогресса, но и великое утѣшеніе. Элементарная порядочность требуетъ довѣрить вмѣсто себя дѣло тому лицу, которое сумѣетъ исполнить его лучше меня. А дѣло жизни есть самое большое и отвѣтственное дѣло. И по закону природы, наилучше исполняютъ его вновь рождающіеся. Новыя формы вѣчно измѣнчивой жизни наилучше осуществлять могутъ только новые организмы, новые люди. Уступимъ же спокойно имъ дорогу во имя этого расцвѣта жизни, во имя расширенія благъ ея.

Конечно, я говорю только о смерти естественной и своевременной, и о томъ утѣшеніи, какое почерпаетъ въ такомъ воззрѣніи самъ умирающій. Отношеніе же къ *чужой* смерти всегда будетъ опредѣляться чувствомъ утраты и измѣряться силой этого чувства. Но въ такомъ случаѣ наше чувство возмущается не смертью, какъ таковой, а именно *утратой* человѣка. Утрату же мы можемъ понести и не отъ одной смерти, а напр. отъ эмиграціи въ дальніе края, отъ психичес-

кихъ и др. серьезныхъ заболѣваній, и наконецъ отъ измѣны, благодаря которой близкій прежде человѣкъ становится на вѣки чужимъ.

Отношеніе къ смерти, какъ пугалу, въ значительной мѣрѣ поддерживалось старыми взглядами на нее, какъ на что-то враждебное жизни. И что взгляды эти сыграли здѣсь свою роль, въ этомъ убѣждаетъ насъ знакомство съ разными народами, у которыхъ отношеніе къ смерти поражаетъ своимъ спокойствіемъ и безразличіемъ.

О ЧЕЛОВѢКѢ.

XXXVII.

Одно изъ общихъ свойствъ человѣческой психики—стремленіе къ самовозвеличенію. Быть можетъ, это свойство—коренное для всей животной психики. Всему живому свойственно вѣдь стремленіе къ преобладанію. Переживаютъ и развиваются только преобладающіе. А тамъ, гдѣ стремленіе увѣнчивается продолжительнымъ и прочнымъ успѣхомъ, гдѣ преобладаніе и властвованіе становится ежедневнымъ неизмѣннымъ фактомъ, тамъ и въ психикѣ происходитъ рядъ соотвѣтствующихъ перемѣнъ. Т. е. тогда не только развиваются соотвѣтствующія чувства и настроенія, но и появляется желаніе подыскать какіе-нибудь разумны доводы въ защиту того порядка вещей, при которомъ есть властвующіе и подчиненные.

Это подтверждаетъ исторія всѣхъ народовъ, пережившихъ у себя и рабство, и крѣпостное состояніе. Не было еще примѣра, чтобы тѣ же самые люди, которые торговали людьми какъ скотомъ, считали свое занятіе гнуснымъ дѣломъ. Напротивъ, они выдумывали всякіе резоны въ защиту своего занятія и ухитрялись совершенно оправдывать его. Т. е. находилось очень много

людей, и даже служителей вѣры Христовой, которые считали ихъ оправданія основательными.

Но и до сихъ поръ вѣдь родъ человѣческій дѣлится на господствующихъ и подчиненныхъ. И господствующіе думаютъ о себѣ совершенно иначе, чѣмъ о тѣхъ, кто имъ подвластны.

Неудивительно поэтому, если человѣкъ споконъ вѣка думалъ о себѣ совершенно иначе, чѣмъ о животныхъ, и старался укрѣпить свой родъ на чемъ угодно, только не на родствѣ съ животными.

XXXVIII.

И въ настоящее время есть еще не мало людей, считающихся просвѣщенными, которые до мозга костей заражены предразсудками о родовитости и знатности своихъ предковъ, и потому считаютъ чѣмъ то кощунственнымъ самую мысль, почти очевидную мысль о родствѣ человѣка и обезьяны. Они борются противъ этой мысли всѣми доказательствами, какіе могутъ подыскать, не потому, что эти доказательства убѣдительны сами по себѣ, а потому, что ученіе о такомъ родствѣ, не зависимо отъ ихъ разсужденій, противно ихъ унаслѣдованнымъ чувствамъ.

Даже такой видный поборникъ эволюціи, какъ Уоллесъ, знавшій всѣ естественнонаучные факты лучше многихъ диллетантовъ, и тотъ, самъ того не сознавая, не могъ преодолѣть упомянутаго врожденнаго чувства. А въ своихъ разсужденіяхъ онъ старался опереться хоть на един-

ственный, но зато, какъ ему казалось, непреодолимый доводъ противъ единства происхожденія человѣка и животныхъ. Этотъ доводъ говорилъ о присутствіи у человѣка нравственнаго чувства, котораго будто бы совершенно лишены животныя. Даже, если бы вѣренъ былъ этотъ фактъ самъ по себѣ, онъ имѣлъ бы ровно такую же силу, какъ и ссылка на то, что у человѣка есть лицо, а не морда, или на то, что у него отсутствуетъ сплошной волосяной покровъ, который имѣется у всѣхъ обезьянъ. А объ эти ссылки для эволюціониста имѣютъ совершенно нулевое значеніе.

Въ наши дни, впрочемъ, число противниковъ эволюціоннаго происхожденія человѣка съ каждымъ годомъ быстро уменьшается: слишкомъ ужъ многозначительны и краснорѣчивы факты, стоящіе на сторонѣ эволюціи. И замѣчательно, что больше всего приверженцевъ старыхъ консервативныхъ взглядовъ можно встрѣтить въ англосаксонскихъ странахъ, т. е. тамъ, откуда и вышла впервые теорія эволюціи. Любопытно, что въ этихъ же странахъ, вообще традиціи держатся упорнѣе всего, и напр. Библія распространяется и читается больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

XXXIX.

Наука, конечно, выше предразсудковъ, а тѣмъ болѣе философія, которая тоже должна подчиняться выводамъ научнымъ. Для зоолога, изучающаго животные типы, человѣкъ есть одно изъ

такихъ животныхъ, и стоитъ онъ въ самомъ тѣсномъ ряду съ ними, а отнюдь не надъ ними. Зоологическая природа человѣка, чрезвычайно близкая къ природѣ позвоночныхъ млекопитающихъ, есть настолько очевидный для всѣхъ фактъ, что доказывать его въ настоящее время не приходится. Развѣ только люди, никогда не видавшіе скелета, станутъ иногда робко выражать «народное» мнѣніе о томъ, что у мужчины однимъ ребромъ меньше, чѣмъ у женщины. Такимъ людямъ, понятно, нужны не основы умозрѣнія, а элементы науки.

Сравнительной анатоміи, сравнительной физіологіи и психологіи и даже сравнительному языкознанію пришлось, конечно, много поработать, чтобъ разбить унаслѣдованные и крѣпко державшіеся предразсудки объ особности человѣка въ ряду другихъ существъ. У человѣка есть членораздѣльный языкъ, прямое положеніе тѣла, отсутствуетъ хвостъ,—такія и подобныя отличія долгое время служили зыбкой точкой опоры для защитниковъ особности человѣка. Но и они, познакомившись съ лѣстницей живыхъ существъ, должны были сознаться, что хвостъ есть совершенно ненадежный признакъ для солидной классификаціи. Они должны были сознаться, что опираясь на него, придется отрицать всякое родство между хвостатыми и безхвостными амфибіями. Эмбріологи показали имъ воочію, что у зародыша человѣка есть почти такой же явственный хвостъ, какъ и у лягушки въ тотъ періодъ, когда она формируется изъ головастика.

Словомъ, позиція защитниковъ сверхживотности человѣка оказалась совершенно безнадежной. Этому посодѣйствовала и обыденная общественная жизнь. Наблюдаемые въ ней факты «животнаго» поведенія горделиваго царя природы дѣйствуютъ на современную чуткую душу особенно удручающимъ и вразумляющимъ образомъ. А здравый человѣческій разумъ никогда не уставалъ подмѣчать разныя свинскія свойства и другія аналогіи въ поведеніи человѣка и животныхъ. И подмѣчая, онъ съ обычной мѣткостью и юморомъ запечатлѣвалъ эти аналогіи въ языкѣ, въ пословицахъ и поговоркахъ.

LX.

Такимъ образомъ, теперь немного найдется людей, которые взялись бы заново серьезно доказывать отжившую идею о томъ, что человѣкъ занимаетъ въ природѣ особое мѣсто, и что всѣ выводы науки о происхожденіи и развитіи животнаго міра къ нему совершенно не приложимы. Такіе люди, какъ я упомянулъ уже, принадлежатъ къ довольно многочисленному типу лицъ, у которыхъ нажитыя чувства и предразсудки держатъ на цѣпи свободную и правильную работу мысли.

Но насколько современная наука сильна въ разрушеніи старинныхъ взглядовъ въ этой области, настолько слаба она въ обоснованіи новаго точнаго отвѣта на вопросъ: какимъ же образомъ появился человѣкъ на землѣ?

Строгая наука вовсе не смущается отсутствіемъ точнаго отвѣта. Ей извѣстно множество случаевъ во всѣхъ областяхъ вѣдѣнія, гдѣ она совершенно спокойно отвѣчаетъ: пока я не знаю. Наука не всевѣдуща. Людямъ было бы нечего дѣлать, если бы всѣ вопросы были разрѣшены разъ на всегда. И отсутствіе этого отвѣта вноситъ большую дозу самоувѣренности въ умы противниковъ современной науки. Имъ кажется, что ихъ позиція, даже разбитая критикой, можетъ держаться до этого рокового—пока. Они забываютъ при этомъ, что ихъ предки и единомышленники не теряли самоувѣренности и тогда, когда вступали въ безнадежное состязаніе даже съ математически обоснованными законами Кеплера и Галилея. И не къ нимъ, конечно, обращаетъ свою рѣчь современная наука.

XLI.

А доводы этой науки въ нѣсколькихъ словахъ таковы:

Всѣ современныя намъ высшія животныя произошли отъ существовавшихъ ранѣе и совершенно вымершихъ. Пока существованіе этихъ вымершихъ животныхъ было никому неизвѣстно, легко было создать легенду однократнаго сотворенія ихъ. Теперь же, чтобы объяснить какънибудь фактъ ихъ исчезновенія, пришлось бы создать новую легенду и учить, что животныя многократно творились, послѣ того какъ созданныя раньше и признанныя негодными уничтожались

совсѣмъ. Но на такую дѣтскую поправку едва ли согласятся самые смѣлые изъ охранителей древнихъ преданій.

Изученіе вымершихъ животныхъ показываетъ, что они существовали и погибали не всѣ одновременно, а съ нѣкоторой правильной преемственностью. Ихъ могилы въ землѣ, такъ сказать, наслаиваются другъ надъ другомъ. Въ самыхъ верхнихъ слояхъ погребены тѣ животныя, которыя ближе всего похожи на существующихъ, и по внѣшнимъ признакамъ могутъ быть признаны очень близкими родственниками современныхъ. Таковы, напримѣръ, вымершій недавно мамонтъ и существующій слонъ.

Затѣмъ, чѣмъ ниже мы будемъ спускаться въ раскапываніи этихъ геологическихъ могилъ, тѣмъ больше и больше будемъ находить такихъ животныхъ формъ, которыя не похожи на современныя. Вмѣсто богато одаренныхъ млекопитающихъ и птицъ, мы найдемъ тамъ только пресмыкающихся и земноводныхъ съ огромнымъ туловищемъ и ничтожной головой. А еще ниже—однѣхъ рыбъ, и наконецъ, моллюсковъ и ракообразныхъ. Было время, когда существовали только эти послѣднія и возлѣ нихъ—ни одной формы позвоночнаго животнаго.

XLII.

И такъ, изученіе вымершихъ животныхъ укрѣпляетъ увѣренность въ общей истинѣ, которая гласитъ, что животныя не только разви-

вались преемственно, но что высшія формы постоянно возникали изъ низшихъ. И при этомъ, либо совершенно ихъ вытѣсняли, либо побѣждали и лишали ихъ преобладающаго положенія. Эта исторія—не продуктъ творческаго воображенія, а записана рельефными письменами въ нѣдрахъ земной коры.

Общій ходъ этой исторіи обнаженъ достаточно и непререкаемо. Не изучены только детали этой безконечной смѣны поколѣній и не установлено точно ближайшее родство разныхъ животныхъ формъ. Даже болѣе. Происхожденіе того или другого животнаго другъ отъ друга установлено только относительно немногихъ родовъ. Но, принимая во вниманіе трудность задачи (находки и раскопокъ) и краткость времени (наука эта существуетъ менѣе 100 лѣтъ), можно сказать, что разработка исторіи происхожденія животныхъ все-таки идетъ необыкновенно успѣшно.

Такимъ образомъ, преобладаніе въ настоящее время млекопитающихъ, а надъ ними человѣка есть общепризнанный палеонтологическій фактъ. Подобные этому преобладанію факты, только съ другими отрядами животныхъ, повторялись во всѣ эпохи животной жизни. А то обстоятельство, что мы не можемъ сейчасъ указать съ точностью ближайшаго предка человѣка, также мало говоритъ противъ этого происхожденія какъ мало говоритъ противъ эволюціоннаго происхожденія существованіе тюленя, указать которому ближайшаго предка мы тоже не можемъ.

Ближайшее къ человѣку семейство «чело-

вѣкообразныхъ» обезьянъ, какъ показываетъ этотъ придаточный терминъ въ кавычкахъ, по множеству признаковъ очень похоже на человѣка. Если бы наше наблюденіе касалось не насъ, а отдаленныхъ отъ насъ животныхъ, и нашу зоологическую мысль не угнетали соображенія, не имѣющія ничего общаго съ наукой, то мы сказали бы, не колеблясь, что эти животныя находятся между собою, если не въ генетическомъ, то все-таки въ кровномъ родствѣ. Сдѣлать же точно такой и также обоснованный выводъ о человѣкѣ многими считается почему то преждевременнымъ.

XLIII.

Знаменательно вотъ что. Наиболѣе лестной считается мысль о происхожденіи отъ Божества, хотя бы этотъ источникъ былъ впослѣдствіи совершенно загрязненъ вмѣшательствомъ человѣческаго своеволія. И представленіе созданія Божія, унизившагося до состоянія животнаго, все-таки многимъ кажется возвышеннымъ и достойнымъ умиленія.

Другое представленіе гласитъ, что человѣкъ самъ, со своей богато одаренной природой, выбился изъ скотоподобнаго состоянія. При этомъ онъ выработалъ разумъ, который искони называется отблескомъ Божества, совѣсть, тоже божественную искру, побѣдоносно подчинилъ себѣ весь животный міръ, и наполовину овладѣлъ силами природы, продуктомъ которыхъ онъ и самъ когда то былъ. Это представленіе возвышаетъ

человѣка въ его собственныхъ глазахъ, укрѣпляетъ въ немъ сознаніе своихъ силъ и раскрываетъ предъ нимъ безконечные горизонты къ дальнѣйшему совершенствованію.

И такое представленіе все-таки считается низменнымъ и менѣе достойнымъ человѣка, чѣмъ первое, древнѣйшее. Лучше павшій отпрыскъ Божества, который навсегда обреченъ носить въ себѣ скотоподобныя свойства, чѣмъ очеловѣчившійся отпрыскъ животнаго, передъ которымъ открывается нескончаемый путь, ведущій къ постепенному, но вѣрному достиженію богоподобія. Лучше не имѣть, но жить въ надеждѣ пріобрѣтенія, чѣмъ имѣть и потерять, и притомъ утратить всякую надежду на возвращеніе.

Современное нравственное чувство невольно подсказываетъ каждому, что̀ именно лучше. И потому къ чисто разсудочнымъ научнымъ доводамъ теперь присоединяется, назрѣвая, и доводъ этическій, который дѣйствуетъ на воображеніе тѣхъ, у кого оно сковано старинными переживаніями.

XLIV.

Древнѣйшая мысль о богоподобіи, общая весьма многимъ народамъ, есть результатъ того же самовозвеличенія человѣка, о которомъ говорилось ранѣе. И при томъ, она есть остатокъ того первобытнаго міровоззрѣнія, которое ставило человѣка въ центрѣ міра и признавало, что все создано исключительно для него. Что̀ это былъ

за міръ, мы уже видѣли въ 1-й главѣ. Въ *этомъ* мірѣ человѣкъ еще могъ претендовать на нѣкоторое первенство и высоту своего положенія, потому что всѣ наземныя животныя, дѣйствительно, не могутъ сравняться съ нимъ по своему развитію. *Томъ* міръ, дѣйствительно, обреченъ на то, чтобы человѣкъ господствовалъ въ немъ и, управляя имъ, уподоблялся Богу.

Но что можно сказать въ этомъ отношеніи о мірѣ, какъ вселенной въ современномъ ея пониманіи? Въ этой вселенной весь земной шаръ теряется, какъ ничтожная песчинка. Человѣкъ же на этой песчинкѣ со всѣми своими горделивыми думами и властными замашками — только одна бактерія, которая въ легкомысленномъ ослѣпленіи слишкомъ много возмечтала о себѣ.

Если бы мы были единственныя разумныя существа во вселенной, это горделивое мечтаніе еще можно бы было удерживать и нынѣ: велика вселенная, да мертва и бездушна. Но можемъ ли мы утверждать это, какъ вѣроятное? Вещества, изъ которыхъ состоятъ другіе небесные міры,— насколько это подтверждается спектральнымъ анализомъ,—состоятъ изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ, изъ коихъ состоятъ и земные предметы, одушевленные и неодушевленные, не исключая и насъ самихъ. Законы сочетанія этихъ элементовъ въ различныя вещества остаются тѣми же самыми и на небѣ, какъ на землѣ, потому, что они неразрывно связаны съ природой каждаго элемента. Неизбѣжно допустить, что эти элементы образуютъ органическую матерію на каждомъ небесномъ

тѣлѣ, конечно остывшемъ и потому невидимомъ для насъ, на которомъ комбинація воды, воздуха, желѣза, извести и др. веществъ допускаетъ такое образованіе.

Если жизнь на землю занесена изъ небесныхъ пространствъ, она могла такимъ же образомъ быть занесенной и на всякую другую звѣзду или планету, на которой есть всѣ условія для развитія этой жизни. Если жизнь не занесена на землю, а развилась на ней какъ развились всякія другія химическія соединенія, она могла точно такимъ же образомъ появиться и на всякой другой планетѣ, на которой условія для появленія органическихъ соединеній были подобны условіямъ земнымъ.

Какъ бы мы ни объясняли происхожденіе жизни, мы должны признать, что органическая жизнь на многихъ другихъ мірахъ, по всей вѣроятности, существуетъ. Это — не фактъ, доказанный простымъ наблюденіемъ, но заключеніе, построенное на теоріи вѣроятности и, какъ таковое, оно имѣетъ характеръ настоящей истины.

А если есть органическая жизнь, она, значитъ, развивается тамъ по законамъ эволюціи и на вершинѣ ея стоитъ, можетъ быть, также какое-нибудь существо, превосходящее всѣ другія по своему развитію и психическимъ свойствамъ. Будетъ ли это человѣкъ, или человѣкообразный?

Количество міровъ неисчислимо. Многочисленны и тѣ возможныя формы, въ какую выльется разумное существо на томъ или другомъ міровомъ тѣлѣ. Возможно,что всѣ эти формы

мало похожи на человѣка; но чрезвычайно вѣроятно, что если однѣ изъ нихъ ниже человѣка по своимъ духовнымъ свойствамъ, то другія будутъ выше.

Допустивши одно, нужно допускать и все то, что вытекаетъ изъ него. А если есть хоть одна единственная планета, на которой разумныя существа превосходятъ человѣка, то мысль о человѣкѣ, какъ вѣнцѣ созданія, отпадаетъ сама собою. И сказаніе о томъ, что мы богоподобны, наука относитъ точно также въ область преданія, какъ и разсказы о томъ, что земля есть центръ вселенной.

О ДУШѢ И СОЗНАНІИ.

XLV.

Много столѣтій подрядъ повторяли, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла. Душа есть духовное начало, а тѣло—матеріальное. Человѣкъ, по тогдашнему воззрѣнію, былъ сложнымъ комплексомъ или носителемъ двухъ началъ, двухъ естествъ, и ареной борьбы, которую вели между собою эти два враждебныя другъ другу начала. Съ такимъ кореннымъ разладомъ внутри самого себя, даннымъ ему при сотвореніи, онъ влачилъ свое трагическое существованіе цѣлыя тысячелѣтія.

Философы, если у нихъ требовали какихъ-нибудь опредѣленныхъ данныхъ на счетъ духовнаго начала человѣка, учили разно. Одни думали, что души существуютъ отъ вѣчности и, по мѣрѣ надобности, посылаются на землю при зачатіи. Но момента соединенія души съ тѣломъ все таки опредѣлить не могли. Другіе допускали странствованіе душъ, переселеніе ихъ изъ одного живого существа въ другое.

Но и тѣ, и другіе не могли дать никакого яснаго представленія о томъ, какимъ же именно образомъ соединены эти двѣ враждебныя и совершенно разнородныя субстанціи. Одни (Лейбницъ)

указывали на аналогію двухъ хорошо вывѣренныхъ часовъ, которые устроены и ходятъ совершенно самостоятельно, но всегда показываютъ одно и то же время. Другіе (новѣйшіе) сравнивали душу съ артистомъ, а тѣло — съ инструментомъ, на которомъ этотъ артистъ наигрываетъ свои психическія аріи, пока не износится самый инструментъ.

При этомъ, какъ бы кто изъ нихъ ни училъ, для всѣхъ ихъ не подлежалъ сомнѣнію самый фактъ двойственности (дуализма) человѣческой природы. Имъ не приходило въ голову усумниться въ достовѣрности этого факта: слишкомъ онъ казался самоочевиднымъ. Для зарожденія этого сомнѣнія требовалось не фантастическое, а дѣйствительное изученіе и природы, и человѣка. А для такого изученія время еще не настало. Наука физіологія не существуетъ еще и трехъ столѣтій, если начало ея считать съ открытія Гарвеемъ кровообращенія. Но и послѣ такого блестящаго начала, въ этой наукѣ еще долго преобладали натурфилософскія фантазіи надъ опытнымъ изслѣдованіемъ. И только благодаря работамъ Іоганна Мюллера (1801—1858), она заняла мѣсто въ ряду точныхъ наукъ. Физіологія же мозга, истиннаго инструмента для душевныхъ арій, насчитываетъ за собой всего 2—3 десятка лѣтъ.

Да не въ одной физіологіи, конечно, центръ тяжести. Она даетъ только научные факты и матеріалъ для философскихъ построеній. Но этотъ матеріалъ дается, вмѣстѣ съ тѣмъ, изысканіями и другихъ наукъ. Изъ такихъ наукъ наибольшую

рóль сыграла антропологія—въ той части, которая трактуетъ о происхожденіи и развитіи древнихъ вѣрованій. Въ ряду этихъ вѣрованій не послѣднее мѣсто занимаетъ и вѣра въ бытіе души, какъ особаго начала.

XLVI.

Для современнаго мыслителя, который въ своихъ умозрѣніяхъ смотритъ впередъ, а не назадъ, достаточно только сказать, что такое-то ученіе зародилось у жителей Самоа или Огненной Земли и подобныхъ имъ обитателей древняго ледниковаго періода. Одинъ этотъ фактъ происхожденія служитъ порукой въ томъ, что это ученіе такъ же далеко отъ истины, какъ названныя племена отъ цивилизаціи. Если бы современный мыслитель занимался только повтореніемъ старинныхъ сказаній, онъ былъ бы не мыслителемъ, а граммофономъ, провозглашающимъ все, что на него ни положатъ.

А древній умъ ужъ такъ былъ устроенъ, что ему все представлялось иначе, чѣмъ намъ. Для объясненія функцій и явленій ему необходимо было представить дѣйствующаго агента, субстанціональное начало, которое стояло за явленіемъ и *производило* его. Нашъ языкъ, запечатлѣвшій на себѣ это умоначертаніе, до сихъ поръ выражаетъ явленія причинности въ такихъ формахъ, которыя невольно напоминаютъ намъ эти отжившія представленія: *A* дѣйствуетъ на *B*, т. е. причиняетъ, измѣняетъ, направляетъ, уничтожаетъ и

т. д. Словомъ, явленія или процессы выражаются въ терминахъ *дѣятельности*, заимствованныхъ отъ дѣйствій человѣка.

Для насъ теперь это — фигуральное выраженіе, которому мы придаемъ другое значеніе. Первобытный же человѣкъ описывалъ и понималъ это въ буквальномъ смыслѣ. Такое представленіе простиралось и на всю природу, гдѣ за каждымъ явленіемъ ставились руководящіе имъ боги: богъ грозы, богъ вѣтровъ, богъ огня и т. д. Подъ стать такому воззрѣнію, и душа была тогда своего рода богомъ, который производилъ душевныя явленія, подобно тому какъ Вулканъ производилъ вулканическія явленія.

Это — не тотъ психизмъ, который раздѣляется многими современными мыслителями; это — не спиртуализмъ, до котораго возвысились философы гораздо позднѣе, а самый грубый фетишизмъ. Вѣдь душа и самое названіе то получила отъ воздуха (anima — душа, ἄνεμος — вѣтеръ), значитъ, матеріальнаго тѣла, и представлялась конкретно въ видѣ легкаго пара, т. е. тоже тѣла матеріальнаго. Живопись до сихъ поръ поддерживаетъ это представленіе, когда рисуетъ души въ видѣ полупрозрачныхъ человѣческихъ фигуръ или въ той же тѣлесной формѣ, только въ очень уменьшенныхъ размѣрахъ. Можно вообразить себѣ, какъ дѣйствуетъ на неразвитыхъ и на дѣтей это повседневное и наглядное воспроизведеніе подобныхъ старинныхъ представленій. Они отжили и сошли со сцены, но оставили вездѣ свои прочные слѣды, съ которыми долго еще

придется серьезно считаться всякому новому поколѣнію.

XLVII.

Таковъ этотъ источникъ, изъ котораго произошло и дошло до насъ ученіе о душѣ, какъ объ особомъ самостоятельномъ и независимомъ отъ тѣла началѣ. Независимость понимается не въ смыслѣ взаимодѣйствія другъ на друга, а въ смыслѣ того, что это начало можетъ существовать и отдѣльно отъ тѣла.

Для человѣка, воспитаннаго на старинныхъ воззрѣніяхъ, необыкновенно трудно отказаться отъ мысли о душѣ, какъ особой субстанціи. Также трудно неразвитому человѣку отказаться отъ мысли, что солнце не движется вокругъ земли, и что наша видимость не можетъ считаться за истинную дѣйствительность.

А между тѣмъ, просвѣщенные люди давно уже освоились съ настоящей астрономической истиной. Точно также воззрѣнія свободныхъ умовъ не нуждаются въ унаслѣдованныхъ отъ древности «сущностяхъ». Сами же старые философы, любители разныхъ сущностей, подготовили насъ къ тому, что субстанціи не мыслимы однѣ, безъ тѣхъ аттрибутовъ, которые составляютъ ихъ неотъемлемую принадлежность. Къ числу такихъ главнѣйшихъ аттрибутовъ духовной сущности человѣка относится ея дѣятельность, и дѣятельность именно въ связи съ человѣческой организаціей. Отнимите отъ нея этотъ коренной аттрибутъ, и отъ сущности души ничего не останется.

Но современные психологи подходятъ къ этому не путемъ такихъ отвлеченныхъ умозаключеній. Какъ люди науки, они давно уже изучаютъ не душу, а душевныя явленія. Всѣ вообще науки имѣютъ дѣло съ явленіями, а отнюдь не съ сущностями. Для психологіи душа—привычный, старинный, обыденный терминъ, которому она придаетъ свой научный, а отнюдь не ходячій смыслъ. Вѣдь и астрономія употребляетъ выраженіе «солнце заходитъ», хотя знаетъ, что это означаетъ совсѣмъ не то, что думали древніе. Для психолога *душа* — отвлеченное понятіе, обнимающее собой всю совокупность душевныхъ явленій, вродѣ того, какъ слово *ядъ* есть общее понятіе, обнимающее собой всѣ ядовитыя вещества, а слово любовь—общее понятіе, обнимающее собой всѣ виды проявленій любви: половой, религіозной, семейной, эстетической и т. д.

Психологамъ давно извѣстно, что обыденное употребленіе слово душа далеко не отличается научностью. «Душа тоскуетъ, страдаетъ», съ «души воротитъ», «душу возмущаетъ», «встрепенулась душа», «душа не принимаетъ», «больная душа», «ищущая душа» и мн. др. Всѣ такія выраженія означаютъ не душу вообще, какъ думалъ обыденный умъ, укрѣпившій эти выраженія въ языкѣ, а нѣкоторую часть душевнаго міра.

Значитъ, во многихъ случаяхъ, гдѣ употребляется слово «душа», оно означаетъ совсѣмъ не то, что принято думать. Придерживаясь обыденнаго слово-употребленія, пришлось бы сказать, что душъ много, потому что та душа, ко-

торая «не принимаетъ» чего-нибудь тошнотворнаго, есть совсѣмъ не та душа, которая тоскуетъ. Та душа, которую «возмущаетъ»,—опять новая, и она—совсѣмъ не та душа, которую что-нибудь возвышаетъ. Неудивительно, что наука, не желая допускать такого «многодушія», избѣгаетъ самаго термина «душа», и прекрасно обходится безъ него. Наука изучаетъ всѣ явленія, которыя относились древними къ душѣ, и за которыми навсегда сохранилось названіе душевныхъ. Но о самой душѣ, этомъ старинномъ пережиткѣ древнихъ воззрѣній, психологія ничего не знаетъ.

Антропологія же, какъ уже упомянуто, освѣтила происхожденіе этого пережитка и оцѣнила его научную стоимость.

XLVIII.

Понятно, что явленія, совершенно аналогичныя душевнымъ явленіямъ человѣка, совершаются и въ жизни животныхъ. Наука и называетъ ихъ точно также душевными явленіями, и изучаетъ наряду со всѣми человѣческими душевными явленіями. Но говорить о душѣ животныхъ можно только въ томъ же фигуральномъ смыслѣ, какъ и о душѣ человѣка. Лучше даже вовсе не употреблять этого термина и предоставить защитникамъ старыхъ пережитковъ самимъ вѣдаться съ душой животныхъ и опредѣлять, какъ угодно, ея права на субстанціональность, безсмертіе и т. д.

Наука признаетъ только, что въ области душевной дѣятельности, точно такъ же, какъ и въ

области всей жизни, животныя ничѣмъ кореннымъ не отличаются отъ человѣка. Притомъ, противополагать одному зоологическому виду «человѣкъ» всѣ остальные виды животныхъ такъ же неправильно, какъ противополагать ихъ напр. зайцу либо воронѣ.

Психическій міръ человѣка можно сравнивать съ психическимъ міромъ обезьяны или лошади; равно какъ психическій міръ лошади съ психическимъ міромъ бѣлки, но отнюдь не такъ, какъ это обыкновенно дѣлается. Животный міръ необыкновенно богатъ обиліемъ и разнообразіемъ формъ. И извлекать изъ этого разнообразія отдѣльныя аналогіи или несходства—такая же безнадежная и не научная работа, какъ извлекать изъ многотомныхъ трудовъ какого-нибудь ученаго тексты въ защиту или противъ извѣстнаго воззрѣнія: и защита, и опроверженіе тамъ найдется почти всегда въ наличности.

Защитникамъ особности души человѣка поставили трудную задачу новѣйшія наблюденія надъ психическимъ міромъ животныхъ. Какъ бы ни грѣшили многія изъ этихъ подмѣчено антропоформизмомъ, особенно если рѣчь идетъ о низшихъ животныхъ формахъ, у высшихъ животныхъ слишкомъ много подмѣчено душевныхъ явленій, совершенно подобныхъ тѣмъ, какія наблюдаются у человѣка.

Чтобы ослабить вытекающіе отсюда выводы, защитники традицій обращаются къ такому метафизическому термину, какъ самосознаніе, и отрицаютъ присутствіе послѣдняго у животныхъ. Дру-

гіе различаютъ душу разумную и душу неразумную, и послѣднюю приписываютъ животнымъ. Если бы они были послѣдовательны, то должны были бы приписать животную душу и нѣкоторымъ людямъ, у которыхъ наблюдается отсутствіе самосознанія и разумности, и въ свою очередь приписать нѣкоторымъ животнымъ, у которыхъ наблюдается и то, и другое, душу человѣчью. Ибо, какъ среди людей, такъ и среди животныхъ, не у всѣхъ индивидовъ и не во всѣ моменты ихъ жизни наблюдается одинаковая душа.

Наконецъ, со временъ Декарта вошло въ обычай ссылаться на автоматизмъ души у животныхъ въ отличіе отъ автономности души человѣка. Животныя—машины, которыя рефлекторно или инстиктивно отзываются на внѣшнія раздраженія. Человѣку же свойствененъ выборъ и произволеніе. Всѣ подобныя сужденія высказываются людьми, которые сами не наблюдали психической жизни животныхъ. И потому, вмѣсто возраженій, слѣдуетъ всегда рекомендовать имъ ознакомиться сначала съ фактами.

XLIX.

Душевная жизнь неразрывно связана съ жизнью мозга. Этого даже спиритуалисты не отрицаютъ, особенно когда разсуждаютъ о вліяніи души на тѣло.

Съ другой стороны, утвержденіе французскихъ матеріалистовъ XVIII в., что «мысль есть такое же выдѣленіе мозга, какъ желчь—выдѣ-

леніе печени», давно уже признано грубѣйшимъ софизмомъ. Мысль не жидкость, ни вытекать, ни выдѣляться не можетъ. Мысль есть функція мозга и столь же неразрывно связана съ дѣятельностью мозга, какъ появленіе свѣта съ накаливаніемъ тѣла, или появленіе электричества—съ дѣятельностью батареи. Правда, появленіе свѣта и электричества совершается и въ другихъ случаяхъ. Мысль же нигдѣ, никогда не появлялась иначе, какъ въ мозгу. Правда также, мы не можемъ сказать, что́ же такое есть сама мысль (или сознаніе). Но мы не можемъ вѣдь сказать и того, что такое электричество или энергія, сама по себѣ.

Но разъ признано, что мысль не можетъ появляться иначе, какъ въ мозгу, неизбѣжно сдѣлать выводъ, что, съ уничтоженіемъ живого мозга, уничтожается всякое душевное осмысленное явленіе. Метафизики пусть разсуждаютъ о продолженіи жизни души послѣ смерти мозга. Они должны однако сознаться, что въ такой душѣ не можетъ быть обычныхъ душевныхъ явленій, разъ эти явленія обычно совершаются только въ тѣлесной оболочкѣ. А душа безъ явленій, выражаясь ихъ же языкомъ, есть субстанція безъ аттрибутовъ, т. е. пустая отвлеченность, лишенная всякой реальности.

LX.

Когда то размышленіе, т. е. дѣятельное проявленіе сознательности считалось наиболѣе сильной

опорой реальности: мыслю, значитъ существую, училъ Декартъ. Съ тѣхъ поръ психологія не только познакомилась съ безсознательными мыслями, но и кромѣ нихъ открыла въ душевной жизни человѣка огромную область безсознательнаго. Сознаніе, которое казалось наиболѣе яркимъ и характернымъ свойствомъ души, оказалось вовсе не существеннымъ. Оказалось, что оно всегда является «узкимъ», не обнимающимъ всей широты душевной жизни. И хотя такое сочетаніе словъ, какъ «безсознательная душа» не допустимо для спиритуалиста, но безсознательную душевную жизнь допускаетъ и онъ. Эта безсознательная жизнь, которая такъ блестяще проявляется въ гипнотическихъ внушеніяхъ, говоритъ намъ о томъ, какъ много въ «автономной» душѣ человѣка чисто животнаго автоматизма. Эта же безсознательная жизнь заставляетъ насъ признать, что сознательность—вовсе не то же самое, что психика.

Конечно, то безсознательное, которое было однажды въ сознаніи, или можетъ появиться въ немъ при извѣстныхъ условіяхъ, все-таки носитъ на себѣ хотя бы временную печать истиннаго, т. е. сознательнаго психизма. Но въ нашемъ мозгу, во всей нашей нервной организаціи запечатлѣно и происходитъ множество явленій, которыя сами по себѣ никогда не будутъ сознаны, и о существованіи коихъ мы можемъ только догадываться.

Еще интереснѣе совокупность такихъ душевныхъ явленій, которыя хоть и освѣщаются сознаніемъ, но совершенно неправильно, и освѣщаются

иногда сознаніемъ, взятымъ со стороны. Таково сознаніе у множества лицъ, которыя не способны анализировать свой душевный міръ. Они аргументируютъ свои заключенія или мотивируютъ свои поступки не дѣйствительными аргументами или мотивами, а тѣми, которые подвернулись подъ руку. Человѣкъ, напримѣръ, одержимъ ненавистью къ своимъ врагамъ, ему сладка и пріятна месть. Но вмѣсто того, чтобы сказать это прямо, онъ пускается въ разсужденія о необходимости смертной казни и ищетъ доводовъ въ защиту ея всюду, кромѣ единственнаго дѣйствительнаго источника этихъ доводовъ—собственныхъ сердечныхъ влеченій. Или: человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ непреодолимаго инстинкта, влекущаго его къ продолженію рода, а онъ, вмѣсто этого главнаго мотива, приведетъ много другихъ болѣе или менѣе побочныхъ и постороннихъ.

Всѣ сдѣлки съ совѣстью совершаются именно такимъ путемъ, путемъ подмѣна безсознательной душевной наличности сознательною выдумкой.

Только въ первобытныя времена считали сознаніе главнымъ признакомъ присутствія души. Тогда думали, что у человѣка въ обморокѣ или во снѣ души не было,—она гдѣ-то странствовала. Теперь сознаніе не только не служитъ такимъ показателемъ, благодаря своей «узости», но и не считается, благодаря той же узости, вѣрнымъ, надежнымъ руководителемъ. И подобно тому, какъ языкъ дипломатамъ данъ не затѣмъ, чтобы высказывать мысли, а затѣмъ, чтобы ихъ скрывать; такъ и сознаніе для очень многихъ умныхъ

людей служитъ не для открытія путей дѣятельности, а для ихъ сокрытія или замаскировки. Умъ и сознаніе въ человѣческомъ мірѣ стали такими же орудіями борьбы за блага жизни, какими у животныхъ служатъ рога, зубы и копыта. И недаромъ человѣкъ только благодаря уму занялъ господствующее положеніе въ мірѣ. Его мозгъ—болѣе страшное орудіе въ борьбѣ за существованіе, чѣмъ самые острые зубы хищнаго животнаго.

Узость сознанія осталась почти та же, что и въ первобытныя времена. Душевный же міръ расширился необычайно. Благодаря этому, разница между сознательнымъ и безсознательнымъ стала огромной и увеличивается все больше и больше. Въ свою очередь область сознанія человѣкъ расширяетъ все больше и больше за предѣлы своей личной жизни. Онъ проникаетъ своимъ сознаніемъ все глубже и дальше въ научныя сферы, не имѣющія никакого отношенія къ человѣку и его душѣ.

LI.

Все служитъ подтвержденіемъ того, что сознаніе элементъ довольно случайный и посторонній въ сложной душевной жизни человѣка. А потому изучать ее нужно самостоятельно, совершенно не считаясь съ его присутствіемъ или отсутствіемъ. Объективная психологія такъ это и дѣлаетъ, игнорируя то самосознаніе, которое прежде считалось чуть не главнымъ глашатаемъ психологическихъ истинъ.

Съ этой точки зрѣнія, и ошибочно, и совершенно излишне расширять роль сознанія на весь органическій міръ и приписывать его даже атомамъ. Въ нашей собственной природѣ, гдѣ есть особый органъ для сознанія, смутныя переживанія и неуловимые порывы и настроенія играютъ такую огромную роль, что изображенію ихъ посвятила себя спеціально цѣлая новая литературная школа.

Правда, изображеніе это, какъ бы поэтично оно ни дѣлалось, конечно, ничего общаго съ наукой не имѣетъ. Но если своя душа въ сферѣ безсознательнаго такъ темна для насъ, то что же мы можемъ сказать о любви между атомами или о симпатіяхъ между кислотой и металломъ? Если антропоформизмъ не умѣстенъ въ изображеніи душевныхъ явленій насѣкомыхъ, не обладающихъ головнымъ мозгомъ, то тѣмъ болѣе онъ не умѣстенъ тамъ, гдѣ есть одна только протоплазма, или одна недѣлимая частица матеріи. Иначе мы впадемъ въ ту же самую ошибку, съ которой началось познаніе у первобытныхъ людей, т. е. станемъ объяснять все путемъ сравненія съ дѣятельностью человѣка.

LII.

Еще два слова о *безсмертіи*. До сихъ поръ не доказана, да едва ли и будетъ когда нибудь доказана возможность для души жить и проявлять свои свойства внѣ мозга и помимо мозга. Поэтому, безсмертіе души для современной науки

есть одна изъ тѣхъ иллюзій, которыя вызываются и питаются чувствами, но разрушаются разумомъ. Какъ бы ни было грустно сознаться въ этомъ, наука не знаетъ никакого другого безсмертія, кромѣ условнаго безсмертія организмовъ, о которомъ говорилось въ главѣ о жизни и смерти.

Притязаніе же на самоличное безсмертіе тѣмъ болѣе неосуществимо, что личность не есть что-то разъ-на-всегда данное. Она мѣняется во времени, и въ зрѣломъ возрастѣ—совсѣмъ не та, что въ юности. Для человѣка не только пожившаго, но и обогатившаго свой душевный міръ огромными пріобрѣтеніями разносторонней жизни, трудно помириться съ мыслью, что онъ могъ умереть въ юности и затѣмъ на вѣки вѣчные остаться недорослемъ.

Должно быть, древній человѣкъ, увѣровавшій въ свое личное безсмертіе, совершенно безплодно проводилъ свою жизнь, и «личность» его не мѣнялась до старости ни качественно, ни количественно. По крайней мѣрѣ для него эти перемѣны были незамѣтны. Иначе онъ не допустилъ бы такого неутѣшительнаго вѣрованія. Сколько теперь есть великихъ и малыхъ мужей, думавшихъ въ юности такъ, а въ старости совершенно наоборотъ. Которому изъ своихъ *я* они пожелали бы вѣчной жизни? А есть и такія лица, у которыхъ это *я* трояковидное, чтобы не сказать больше.

Есть и такія лица, которыя не только не желаютъ безсмертія своему прежнему *я*, но и тщательно отыскиваютъ и уничтожаютъ всѣ слѣды его, письменные и другіе. Это прежнее *я* не

существуетъ въ конкретной формѣ. А если бы оно существовало, мы видѣли бы образчики такой же явной вражды и борьбы двухъ (либо трехъ) *я* другъ съ другомъ, какая существуетъ между отцами и дѣтьми.

Очевидно, сложная и измѣнчивая современная жизнь вноситъ серьезное разстройство въ понятіе о личности и ея безсмертіи.

Но если трудно аргументировать безсмертіе съ точки зрѣнія личного *я*, текучаго и неустойчиваго, то съ общественной точки зрѣнія относительное безсмертіе есть очевидный соціальный фактъ. Все, что мы имѣемъ, и что изъ себя представляемъ,—всѣмъ этимъ мы обязаны предкамъ, не только своимъ по крови и національности, но предкамъ человѣчества вообще.

Всѣ ихъ труды, усилія и стремленія не только не умерли и не исчезли безслѣдно, а переданы намъ либо въ видѣ вещественыхъ предметовъ, которыхъ они не могли унести съ собой въ могилу, либо въ видѣ навыковъ и тенденцій, незримо записанныхъ въ нашей мозговой организаціи.

И всякій разъ, какъ мы говоримъ, думаемъ или дѣлаемъ, мы повторяемъ прежде всего своихъ усопшихъ предшественниковъ, и только ничтожную крупицу вносимъ отъ себя въ общую сокровищницу человѣческой культуры и цивилизаціи.

И культура, и цивилизація, не только не умираютъ, но составляютъ ту безсмертную стихію, по сравненію съ которой всякій новорожденный

есть только слабое и глупое животное. Если изъ него выйдетъ личность съ богатымъ духовнымъ проявленіемъ, то только потому, что онъ пріобщился этому безсмертному достоянію человѣчества и воплотилъ его въ своей индивидуальности.

ОБЪ ОБЩЕСТВѢ.

LIII.

До недавняго времени вопросъ объ обществѣ вовсе не входилъ въ философскія проблемы. Философы его не замѣчали, а ученые не могли выработать самой науки объ обществѣ и долго спорили о ея предметѣ, методѣ и даже правѣ на существованіе.

Долго спорили и у насъ на Руси, организмъ ли общество, или нѣтъ. Точь въ точь какъ психологи, вмѣсто того, чтобы изучать душевныя явленія, долго спорили о томъ, что такое душа. Такой же споръ, не оконченный и теперь, шелъ по вопросу объ отношеніи индивида къ обществу, или о роли личности въ исторіи.

Послѣдній споръ былъ, какъ сказать, введеніемъ въ соціологію, потому что всѣ древнѣйшія воззрѣнія трактовали человѣка индивидуально, внѣ всякой связи со средой. Даже этическія построенія, заповѣди и нравоученія, и тѣ съ удивительной недогадливостью взывали исключительно къ человѣку индивиду. А они, казалось, должны бы неизбѣжно проникнуться общественностью, потому что никакая нравственность внѣ общества немыслима. И тѣмъ не менѣе они изрекали: «дѣлай», или: «не дѣлай», оди-

наково обязательно, король ты, или судья, земледѣлецъ, или горожанинъ, семьянинъ, или анахоретъ.

Всѣ эти «заповѣди» перечисляли минимумъ обязанностей и ихъ предъявляли съ абсолютной требовательностью, не зависимо отъ того, исполнимы или неисполнимы онѣ, и какъ велика общественная необходимость въ соблюденіи той или другой заповѣди. Сказано рабу: «повинуйся своимъ господамъ», и конецъ, хотя бы институтъ рабства былъ не только преходящимъ, но и по своей соціальной цѣнности не заслуживалъ того, чтобы его поддерживать путемъ раболѣпія. Впрочемъ, позднѣйшіе толкователи, подъ давленіемъ общественной необходимости, сумѣли и заповѣди удержать, и нарушеніе ихъ сдѣлать не только дозволительнымъ, но даже и обязательнымъ. Таково всѣмъ извѣстное ограниченіе заповѣди «не убій» и «не клянитеся всяко».

LIV.

Теперь точка зрѣнія совсѣмъ измѣнилась. Индивидъ пересталъ быть чѣмъ то внѣмірнымъ и внѣпространственнымъ, которому можно давать законы, связывающіе его на вѣчные времена, и обязательные для всѣхъ народовъ. По истеченіи тысячелѣтней исторической жизни, и при ознакомленіи со всѣми народностями, населявшими землю, накопился обильный фактическій сравнительный матеріалъ. Собрано достаточно данныхъ, чтобы создать совершенно новую науку объ обществѣ.

Задача ея—изучать тѣ связи и координаціи совмѣстной человѣческой дѣятельности, въ которыхъ она проходитъ повсемѣстно, гдѣ человѣкъ устраивается общественно.

А такъ какъ устраивается общественно всякій человѣкъ, вышедшій изъ стадіи первобытнаго кочеваго быта, то всякая человѣческая дѣятельность теперь неминуемо становится соціальной. И наука, изучающая общественную организацію человѣческой дѣятельности, становится наукой, откуда должны сами собой вытекать для индивида всѣ руководящія нормы, связывающія его поведеніе. Понятно, что предписанія, основанныя на этихъ нормахъ, теперь утратили прежній абсолютный характеръ. Если эти нормы должны согласовать поведеніе человѣка съ общественнымъ благомъ, то онѣ должны измѣняться въ зависимости отъ того, что составляетъ въ данное время общественное благо, или какъ понимается оно.

LV.

Всякое многолюдное общество со сложной дѣятельностью держится на *принудительной власти*. Власть эта вытекаетъ изъ самой элементарной потребности всякой стадной жизни и наблюдается у многихъ животныхъ, когда они выступаютъ небольшими массами, подчиняясь своему вожаку, или сигнальщику. Она есть элементарный зоологическій фактъ, вытекаетъ изъ природы всякой организаціи, и потому съ этой стороны о сущности ея или о правѣ на существованіе спо-

рить не приходится. Спорятъ о степени или о размѣрахъ власти, либо о необходимости сохраненія ея на вѣчныя времена.

О послѣднемъ не можетъ быть двухъ мнѣній, потому что въ жизни человѣчества нѣтъ вѣчныхъ институтовъ. Степень и размѣры общественнаго принужденія, равно какъ и характеръ его, мѣняется постоянно на протяженіи немногихъ столѣтій. Достаточно вспомнить хоть смертную казнь, какъ средство осуществленія принудительной власти: при Петрѣ I, наприм., у насъ было 7 видовъ смертной казни (въ томъ числѣ колесованіе и залитіе горла свинцомъ) и насчитывалось до 120 видовъ «преступныхъ дѣяній», за которыя назначалась казнь. Очевидно, въ то время законодатель не умѣлъ бороться со всѣми этими дѣяніями иначе, какъ тѣмъ, что предварительно уродовалъ виновника дѣянія, а затѣмъ умерщвлялъ его окончательно.

Органомъ принудительной общественной власти является власть государственная. Происхожденіе ея у всѣхъ народовъ довольно одинаково. Корни ея въ самомъ обществѣ, и ясно выраженное или молчаливое довѣріе его всюду было условіемъ, безъ котораго верховная власть не могла ни начать, ни продолжать своей принудительной функціи. Общество, облекая довѣріемъ то или другое лицо либо группу лицъ на отправленіе публичной власти, никогда не отрекалось отъ своихъ правъ передовѣрія, т. е. отъ исторической смѣны какъ самихъ правящихъ лицъ, такъ и ихъ прерогативъ. Въ настоящее время это—истина, которую

не отвергаетъ никто, будь онъ даже самаго консервативнаго образа мыслей. Ибо въ своихъ домогательствахъ и онъ признаетъ право, если не за всѣмъ обществомъ, то за той частью его, къ которой онъ самъ имѣетъ честь принадлежать, право вмѣшиваться въ организацію публичной власти и реформировать ее впередъ или назадъ, сообразно собственнымъ цѣлямъ.

Принципъ главенства общества надъ государственной властью теперь является, такимъ образомъ, всеобще, хотя и не всегда сознательно, признаннымъ. И сама верховная власть, которая больше всего стремится къ своей верховности, т. е. къ тому, чтобы стать выше общественныхъ столкновеній и сдѣлаться независимой отъ нихъ, на самомъ дѣлѣ только слѣпо подчиняется той части общества, на сторонѣ которой лежатъ ея симпатіи. Историку же давно извѣстно, что самая абсолютная власть, вродѣ, напримѣръ, власти китайскаго богдыхана, кончаетъ тѣмъ, что становится безвольнымъ орудіемъ въ рукахъ приближенныхъ, которые и распоряжаются ею своекорыстно.

LVI.

Размѣры власти, степень ея силы, пространство дѣйствій, частію выростали съ развитіемъ общества и усложненіемъ его жизни, частію суживались. Теперь, наприм., власть вмѣшивается въ дѣло образованія дѣтей и распространенія мыслей, чего прежде не дѣлала. Въ свою оче-

редь никого теперь не преслѣдуютъ за употребленіе кофе, табаку и пурпурныхъ тканей, за колдовство, игру въ карты и проч., хотя ранѣе за это преслѣдовали и иногда карали страшными муками.

При расширеніи или сокращеніи своихъ функцій, власть руководилась частію своекорыстными стремленіями—усилить свое вліяніе и могущество, или избавить себя отъ досадныхъ хлопотъ; частію же—соціальными, желая укрѣпить и расширить силы своего государства, сравнительно съ силами соперничающихъ сосѣдей. Но чаще всего она руководилась внушеніемъ со стороны окружающихъ. Для послѣднихъ, поэтому, приближеніе къ власти было всегда самымъ насущнымъ вопросомъ.

Поэтому, стремленіе къ власти, борьба за нее есть повсемѣстное явленіе, которое красной нитью проходитъ сквозь исторію всѣхъ народовъ и составляетъ самый жизненный нервъ ихъ политической жизни. Не было, кажется, ни одного орудія, которое не было пущено въ ходъ въ этой борьбѣ. И едва ли въ какой-нибудь области общественной жизни проявлялось столько ожесточенія и проливалось столько крови, какъ въ области политической борьбы.

Естественно, что всѣ, кто добывалъ себѣ верховенство послѣ такой жестокой борьбы, становились необыкновенно ревнивы въ обладаніи такимъ сокровищемъ. И потому они готовы были видѣть въ самыхъ невинныхъ проявленіяхъ общественной дѣятельности попытки къ умаленію пріобрѣтеннаго сокровища.

LVII.

Было бы удивительно, если бы всѣ, оказавшіеся у власти и постепенно захватившіе ее въ свое распоряженіе, не стали пользоваться ею въ своихъ личныхъ цѣляхъ. Безграничное же стремленіе человѣка къ господству послужило для этого самой твердой психологической основой. Такой же психологической основой, съ другой стороны, послужилъ инстинктъ подчиненія, свойственный всякому стадному животному, и въ еще большей мѣрѣ свойственный индивидамъ робкимъ и пугливымъ по натурѣ. А вездѣ въ живой природѣ все такъ устроено, что стремящіеся къ преобладанію становятся тѣмъ неудержимѣе и заносчивѣе, чѣмъ меньше встрѣчаютъ они противодѣйствія.

Извѣстно изъ исторіи, чѣмъ это кончалось у всѣхъ народовъ. Общество вспоминало, въ концѣ концовъ, о своемъ исконномъ правѣ на власть принужденія и, послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ наступательныхъ воздѣйствій, возвращало ее себѣ. Въ дальнѣйшемъ оно старалось лишь объ одномъ, чтобы лица, облеченныя властію по его довѣрію, пользовались этой властію только до тѣхъ поръ, пока они не утратили его довѣрія. А затѣмъ, чтобы, при своемъ пользованіи этой властію, они оставались подъ его постояннымъ и бдительнымъ контролемъ.

Такимъ образомъ, какъ свидѣтельствуетъ исторія всѣхъ народовъ, власть, бывшая временно личнымъ дѣломъ и монополіей немногихъ, ста-

новится опять дѣломъ общественнымъ. Т. е. она становится насущнымъ дѣломъ, которое служитъ интересамъ если не всего общества, то большинства составляющихъ его единицъ, или по крайней мѣрѣ большинства имущественно-сильныхъ единицъ.

Эти краткіе выводы вытекаютъ сами собой изъ данныхъ исторической науки. И если не всѣ политическія партіи признаютъ ихъ, то потому, что не всѣ умѣютъ дѣлать выводы. Нечего уже и говорить о тѣхъ, кто эти выводы дѣлаетъ, но дѣлаетъ ихъ недобросовѣстно.

LVIII.

Матеріальной средой, въ которой развивается общественная жизнь, служитъ созданная трудомъ человѣка культура. Пружинами же, созидающими ее,—имущественные интересы. Послѣдніе, въ свою очередь, обусловливаются производственными отношеніями. А отъ нихъ зависитъ вся матеріальная основа общественнаго быта вмѣстѣ съ его культурой и его цивилизаціей.

Какъ тѣсно переплелись матеріальные интересы съ политическими, объ этомъ написано уже достаточно. Достаточно уже доказывалось, что властію пользуются имущіе классы, какъ въ цѣляхъ сохраненія своего имущества, такъ и въ цѣляхъ пріумноженія. Обыкновенно только переоцѣниваютъ имущественный факторъ надъ политическимъ. Нѣкоторые напр. думаютъ, что ограниченіе произвола и уничтоженіе монополіи пуб-

личной власти безцѣльно и безполезно при экономическомъ рабствѣ однихъ и господствѣ другихъ. Забываютъ при этомъ, что свобода дѣятельности, которая достигается послѣ уничтоженія политическаго рабства, есть не только высокое благо само по себѣ, но и необходимѣйшее условіе для постепеннаго достиженія экономическаго раскрѣпощенія.

Къ сожалѣнію, всякая эволюція не совершается скачками, и медленность ея въ соціальной жизни хоть и не столь велика, какъ въ жизни зоологической, но все-таки чрезвычайно чувствительна. Зато она не устранима. И наблюденіе за ходомъ этой эволюціи въ прошломъ служитъ вѣрнѣйшей гарантіей ея успѣховъ въ будущемъ.

Пока существовало настоящее рабство, невозможно было уничтожить политическое рабство. Рабовладѣльческія республики скоро утрачивали свою жизнеспособность, и послѣ кратковременной исторіи или теряли свою независимость, или губили республиканскую свободу. И нужно удивляться великому жизненному инстинкту республики Соединенныхъ Штатовъ, которая пошла на всѣ ужасы междоусобной войны, лишь бы уничтожить въ своихъ нѣдрахъ рабство, которое,—продлись оно дольше, — могло бы послужить зародышемъ ея политической смерти.

Въ свою очередь уничтоженіе капиталистическаго рабства едва ли можетъ наступить ранѣе уничтоженія рабства политическаго. Если для свободной политической жизни необходимъ граж-

данинъ, разорвавшій рабовладѣльческія узы, то для свободной общественной организаціи экономической жизни онъ нуженъ тѣмъ болѣе. И нужно признать за несомнѣнную истину, что для этого нужны граждане, привычные къ самоуправленію и самоопредѣленію, а не «игрушечнаго дѣла людишки», которымъ безразлично подъ чью дудку плясать.

LIX.

До сихъ поръ планомѣрная организація всей экономической жизни исключительно въ общественныхъ цѣляхъ и на общественныхъ началахъ считается несбыточной утопіей. Чаще ее считаютъ вредной утопіей, и борются съ ней какъ съ таковой. Вѣдь съ несбыточными утопіями не стоитъ бороться, такъ какъ онѣ все равно не сбудутся. Самая же борьба, и особенно ожесточенный характеръ борьбы съ этой именно утопіей, лучше всего говоритъ не только за ея жизненность, но и за осуществимость.

Подъ общественной организаціей хозяйственной жизни разумѣется такая организація, при которой производство продуктовъ и ихъ обмѣнъ ведется не на личный страхъ предпринимателя, не въ его личную пользу и не въ слѣпомъ разсчетѣ, что производимые продукты кому-нибудь понадобятся, а ведется планомѣрно самимъ обществомъ и исключительно въ интересахъ общества.

По мнѣнію противниковъ такого порядка, онъ неосуществимъ, не желателенъ и гибеленъ для

всей нашей цивилизаціи. По мнѣнію же защитниковъ его, всѣ наблюденія надъ современной хозяйственной жизнью убѣждаютъ насъ въ томъ, что общественная организація этой жизни есть неизбѣжная ближайшая фаза развитія, которая должна явиться на смѣну современной организаціи производства.

Въ этомъ убѣждаютъ не только современныя наблюденія, но и изученіе исторической преемственности формъ экономической жизни. Въ теченіи долгой исторической жизни, эти формы неоднократно смѣняли одна другую. И подобно тому, какъ капиталистическая форма производства смѣнила крѣпостной бытъ, освободивши личность рабочаго отъ крѣпостной власти хозяина, такъ точно и новая форма производства замѣнитъ настоящую, освободивши человѣка отъ экономическаго рабства вообще.

Въ настоящее время эти идеи пріобрѣтаютъ себѣ все больше и больше приверженцевъ. И *принципіально* теперь уже никто противъ этой утопіи не споритъ. Послѣ того, какъ оказалось возможнымъ и выгоднымъ веденіе обществомъ (городомъ) или государствомъ отдѣльныхъ экономическихъ предпріятій, было бы трудно возражать противъ возможности и выгодности веденія такимъ образомъ всѣхъ остальныхъ предпріятій. Можно говорить только о затруднительности. Но это такое возраженіе, безъ котораго не осуществлялось въ жизни ничто новое. И тѣ страхи и опасенія, которыя заранѣе возникаютъ при мысли о ломкѣ стараго строя,—всегда воз-

никали въ сердцахъ всѣхъ консерваторовъ при всякомъ серьезномъ нововведеніи.

LX.

Говорятъ, что собственность есть основа всякой общественной жизни.

Въ это утвержденіе нужно внести весьма существенную поправку: нужно исключить собственность на землю. Исторія знаетъ народы, которые жили долгое время безъ института поземельной собственности. При этомъ они жили не только общественной жизнью, но создавали культуру и сильное государство.

Чтобъ далеко не ходить, достаточно напомнить, что въ Европейской Россіи и теперь изъ 395 м. дес. только 101 м. дес. находится въ рукахъ частныхъ собственниковъ, т.-е. вся Россія на $^3/_4$ покоится не на основахъ собственности. Только въ послѣдніе годы правительство сообразило, какой это могучій факторъ для насажденія идей коллективизма, и потому старается перенести и на крестьянскія земли институтъ частной собственности. Раньше же этого, совершенно наоборотъ, оно укореняло взгляды на крестьянскія земли какъ на нѣчто особенное, не подлежащее названному институту.

Понятно, что идеи, которыя укрѣплялись столѣтіями, не легко вытравить въ нѣсколько лѣтъ. Тѣмъ болѣе, что правительство и въ настоящее время одной рукой насаждаетъ частную собственность, а другой разрушаетъ ее, устраивая госу-

дарственныя желѣзныя дороги и государственную торговлю водкой. Послѣдній экспериментъ, который будетъ, навѣрное, перенесенъ и на табакъ, особенно соблазнителенъ. Никакая книга, никакое разсужденіе не можетъ дѣйствовать лучше, чѣмъ дѣйствуетъ этотъ наглядный примѣръ. Онъ всѣмъ говоритъ ясно, какъ выгодно можно устроить *всякій* торговый обмѣнъ, если устранить посредниковъ и организовать дѣло общественно, въ интересахъ общества, а не въ интересахъ личной наживы.

Можно быть противникомъ общинной собственности. Можно имѣть убѣжденіе, что предпринимательская горячка и экономическая кабала суть необходимые воспитатели въ дѣлѣ организаціи всякаго хозяйства. Но все таки нужно считаться съ фактами. А факты удостовѣряютъ, что въ нашей странѣ больше $^1/_3$ земель принадлежитъ государству (138 м. дес. изъ 395 м.). Это только въ Европ. Россіи. Въ Сибири же площади казенныхъ земель—совершенно необъятны, и частная собственность теряется среди нихъ, какъ оазисъ среди пустыни. При такихъ условіяхъ, идеи собственности на землю неминуемо должны быть крайне слабы. И тѣмъ не менѣе, русскому государству такой порядокъ не угрожалъ и не угрожаетъ никакой катастрофой.

А если общее утвержденіе о собственности, какъ основѣ общественной жизни, фактически невѣрно относительно собственности на землю, то можно ли считать его правильнымъ относительно всѣхъ другихъ видовъ собственности?

LXI.

Но крѣпки или слабы идеи о собственности, колеблются онѣ или укрѣпляются, для проницательнаго мыслителя такіе частные факты не особенно важны. Онъ и безъ нихъ очень хорошо знаетъ, изъ всей совокупности историческихъ и естественно историческихъ данныхъ, что въ общественной жизни нѣтъ ни одного учрежденія, которое общество не замѣнило бы другимъ, разъ это учрежденіе является тормазомъ прогрессу. Онъ знаетъ изъ исторіи не человѣческой только, а и всей животной жизни, что гдѣ есть угнетенные и обездоленные, и они борются противъ условій, ихъ угнетающихъ, тамъ они либо вымираютъ въ борьбѣ, либо побѣждаютъ. Если съ этой точки зрѣнія взглянуть на борьбу рабочаго класса, то станетъ очевиднымъ, что онъ можетъ только побѣдить, потому что вымираніе его было бы смертью самого общества.

Говорятъ, что положеніе рабочаго класса улучшается теперь, а въ будущемъ улучшится еще болѣе безъ нарушенія коренныхъ устоевъ экономической жизни. Если бы такъ было на самомъ дѣлѣ, то противникамъ утопій съ этого и нужно бы начать борьбу съ ними, т. е. начать съ улучшенія участи рабочихъ. Но согласимся, что это такъ, что ихъ положеніе, дѣйствительно, улучшается. Все таки оно улучшается не въ той прогрессіи, въ какой идетъ накопленіе богатствъ. И потому пропасть между тѣмъ, кто едва добываетъ кусокъ хлѣба, и тѣмъ, кто не знаетъ куда дѣвать

избытки своихъ накопленій, не только не сглаживается, а углубляется. Этого вполнѣ достаточно для того, чтобы общественное недовольство разросталось все болѣе и болѣе.

И мы не видимъ, чтобы, съ увеличеніемъ общей зажиточности, гдѣ-нибудь сокращалось это недовольство. Напротивъ, «общественный вопросъ», т. н. *соціальный* вопросъ стоитъ по прежнему во весь свой огромный и угрожающій ростъ, какъ предъ глазами политическаго дѣятеля, такъ и предъ умомъ мыслителя. И послѣдній не видитъ для него никакого другого рѣшенія, кромѣ того, которое подсказываетъ исторія. А эта послѣдняя гласитъ, что подневольный, закрѣпощенный и обезволенный человѣкъ всюду постепенно сбрасывалъ наложенные на него оковы и возвращалъ себѣ права на свободную жизнь и на распоряженіе ея благами.

LXII.

Любопытно, что самые ярые защитники власти и государственности состоятъ обыкновенно въ тоже время самыми горячими защитниками анархіи производства. Общество тѣмъ и отличается отъ организованнаго стада, что старается всякую коллективную человѣческую дѣятельность вести сознательно и цѣлесообразно. Въ немъ всѣ стороны жизни тѣсно связаны и потому нельзя вводить регламенты въ одну сторону—политическую, и предоставить анархіи другую—экономическую.

Было время, когда политическая власть въ феодальномъ государствѣ была раздроблена между

множествомъ мелкихъ, но совершенно самостоятельныхъ государей. Они вели кровавую вражду между собой, и рѣдко являлись на защиту отечества отъ внѣшнихъ враговъ единовременно, въ согласіи и единодушіи. Такое государство нерѣдко терпѣло серьезные уроны отъ нашествія дикой, но сплоченной орды.

Если бы поборнику единодержавія предложили возвратъ къ феодальному строю, онъ сослался бы именно на антиобщественный характеръ этого строя, на духъ конкуренціи, антагонизма, и на преобладаніе корыстныхъ личныхъ побужденій надъ чувствами солидарности и общественности. Когда же ему говорятъ, что точно такой же феодализмъ господствуетъ теперь въ экономической области, гдѣ владѣтельные князья капитализма въ своихъ производственныхъ замкахъ дѣйствуютъ во имя началъ неограниченнаго индивидуализма, онъ считаетъ такой порядокъ самымъ цѣлесообразнымъ и не подлежащимъ измѣненію.

Историки говорятъ, что и въ средніе вѣка феодальные владѣльцы не только фактически противились всякимъ попыткамъ «обобществленія» ихъ эгоизмовъ, но и находили немало трубадуровъ, которые воспѣвали ихъ индивидуалистическій бытъ, какъ достойный преклоненія. Немало было и лѣтописцевъ, которые живописали этотъ бытъ на своихъ хартіяхъ какъ достойный сохраненія на вѣчныя времена.

Изрѣдка только патріотъ монахъ, отрѣшившійся отъ мірскихъ соблазновъ, и отъ тѣхъ «идоловъ», которые, по словамъ Бэкона, мѣ-

шаютъ правильно философствовать, оплакивалъ судьбу своего отечества, раздираемаго анархіей, и предрекалъ ему гибель, если бароны не научатся ставить общественное благо выше личнаго.

И послѣдующая исторія оправдала проницательность монаха. «Свобода конкуренціи» барономъ погибла безвозвратно.

Прошедшее всегда служитъ урокомъ для будущаго. И не только урокомъ, но и порукой.

О ЦѢЛЯХЪ.

LXIII.

Первобытный умъ судилъ о природѣ по себѣ самомъ и видѣлъ въ ней процессы, аналогичные тѣмъ, которые пробѣгаютъ въ его сознаніи. Міръ, по представленію такого ума, былъ созданъ по плану, разумно и цѣлесообразно. А значитъ, въ каплѣ водъ и въ высяхъ горъ можно найти проявленіе разума, и все изученіе вселенной должно быть направлено къ тому, чтобы открывать разумное въ самыхъ, повидимому, незначительныхъ и незамѣтныхъ предметахъ.

Верхомъ остроумія подобнаго рода было мнѣніе одного духовнаго лица, который находилъ цѣлесообразность творенія и въ томъ, что всѣ большія рѣки на землѣ направили свое теченіе мимо большихъ городовъ, для которыхъ онѣ такъ надобны.

Такіе взгляды господствовали цѣлыя тысячелѣтія. Естественно, что этотъ пріемъ мышленія укоренился очень прочно. И теперь, особенно при изученіи органической жизни, онъ встрѣчается нерѣдко, хотя употребляется и не вполнѣ сознательно.

Въ животномъ или растеніи совершается из-

вѣстный жизненный процессъ. Въ концѣ этого процесса получается такой то результатъ. Значитъ, заключаютъ, процессъ совершался для того, чтобы получить этотъ результатъ.

Много этому посодѣйствовалъ и самъ родоначальникъ эволюціонизма Дарвинъ, внесшій въ органическій міръ такіе явно человѣкообразные термины, какъ «борьба» и «подборъ». А послѣ него многіе наблюдатели жизни животныхъ, не отдавая себѣ хорошенько отчета, описывали ее въ терминахъ, взятыхъ исключительно изъ жизни человѣка. И изъ похвальнаго желанія—показать душевный міръ животнаго богаче и разнообразнѣе, чѣмъ обыкновенно думали, они нашли тамъ столько преднамѣреннаго и планомѣрнаго, сколько трудно найти и въ жизни самого человѣка.

И дѣйствительно, въ жизни не только животныхъ, но и растеній, удивительно много тонкихъ механизмовъ и приспособленій. Они развились потому, что оказались выгодны для питанія или размноженія растеній. И, благодаря этому соотношенію между механизмомъ и конечной выгодой или интересомъ, изслѣдователи не умѣютъ описывать процессы иначе, какъ въ терминахъ, говорящихъ о цѣлесообразности.

«Рыльце пестика въ цвѣткѣ обыкновенно липкое. Это для того, чтобы попавшая на него пыльца лучше могла задержаться на немъ. Для этой же цѣли и у пылинокъ выработалась многогранная и шиповатая форма». Этотъ языкъ такъ обыкновенъ, что его безотчетно употребляютъ и тѣ, кто вовсе не признаетъ въ природѣ господства цѣлей.

LXIV.

Принимая во вниманіе взгляды древнихъ на цѣлесообразность, сохраняемые многими и до сихъ поръ, а также пережитокъ этой терминологіи въ современномъ естествознаніи, нужно считать вполнѣ понятной ту путаницу сужденій, которая и теперь царитъ вокругъ понятія о цѣли.

Сколько можно бы насчитать жизней, которыя преждевременно пресѣклись подъ тяжестью сознанія, что «жизнь безцѣльна»! Очевидно, носители этой жизни, пресѣкая ее насильственно, думали до этого, что жизнь имѣетъ цѣль. И многое множество людей, исходя изъ тѣхъ же воззрѣній, до сихъ поръ ищетъ смысла жизни, который далъ бы опору ихъ телеологическому образу мышленія, и который, по ихъ мнѣнію, гдѣ-то можно найти.

Увы, наука не укажетъ такого смысла. Она говоритъ, что жизнь есть процессъ. Сознательная или безсознательная, разумная или неразумная, животная или растительная, все равно, она есть процессъ, и больше ничего. Процессъ, не направляемый планомѣрно ничьею рукою, конечно, не имѣетъ впереди никакой цѣли.

Но быть можетъ, жизнь человѣка, какъ существа разумнаго, имѣетъ исключеніе? Это было бы такъ, если бы разумъ человѣка былъ не только неизмѣннымъ ея руководителемъ, но и ея творцомъ.

На самомъ дѣлѣ, разумъ человѣка просыпается слишкомъ поздно, а входитъ въ силу еще

позднѣе. До тѣхъ же поръ, въ теченіи всего дѣтства, совершается этотъ жизненный процессъ почти безъ всякаго участія разума. Даже тамъ, гдѣ воспитаніе хорошо поставлено, невозможно услѣдить, чтобы дѣти получали только тѣ впечатлѣнія, которыя предварительно планомѣрно подобраны для нихъ. Но и помимо впечатлѣній, дѣти имѣютъ собственные природные задатки, переданные имъ по наслѣдству. Поэтому, они могутъ развиваться въ сторону наслѣдственныхъ тенденцій, хотя подъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій, но совершенно не въ желаемомъ для родителей направленіи.

А въ эти ранніе годы человѣкъ получаетъ основы психическаго развитія на всю послѣдующую жизнь. И когда его разумъ вступитъ, наконецъ, въ свои права, онъ оказывается лицомъ къ лицу съ духовнымъ богатствомъ, пріобрѣтеннымъ или безъ всякаго участія разума, или при участіи разума совершенно посторонняго ему, чуждаго ему какъ по натурѣ, такъ и по свойствамъ.

LXV.

Человѣкъ не есть какое нибудь математическое единство. Его душевныя явленія не есть сплошное торжество разумности и сознательности. Скорѣе наоборотъ. Раньше уже говорилось, что его душевный міръ освѣщенъ сознаніемъ только въ самой незначительной своей части. И было бы грубымъ злоупотребленіемъ слова вводить терминъ цѣлесообразности туда, гдѣ нѣтъ даже сознанія.

Правда, старые физіологи говорили, что обезглавленная лягушка дѣйствуетъ цѣлесообразно,

если стираетъ лапкой каплю кислоты, которую капнули ей на спинку. Но эта цѣлесообразность совершенно того же порядка, какъ и движеніе протоплазмы простого слизистаго гриба. Только у лягушки совершается этотъ процессъ посредствомъ сложнаго нерводвигательнаго механизма.

Въ современной техникѣ немало есть механизмовъ съ автоматическимъ регуляторомъ (температуры, смазки, движенія). Они дѣйствуютъ также «цѣлесообразно», какъ и механизмъ лягушки, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдній устроенъ не человѣкомъ, а выработался путемъ длиннаго жизненнаго процесса. Эти физіологическіе механизмы необыкновенно стойки и упорны въ своихъ функціяхъ. И напримѣръ, сердце даже человѣка, не говоря о другихъ животныхъ, вырѣзанное тотчасъ послѣ смерти, можно оживить и заставить работать, повѣсивши его на воздухѣ, какъ объ этомъ уже упоминалось.

А если мы изъ физіологическихъ процессовъ, лишенныхъ сознанія, совершенно изгнали понятіе о цѣлесообразности, то должны изгнать его и изъ большей части психическихъ процессовъ, разъ только эти процессы лишены сознанія и не могутъ находиться (временно или постоянно) подъ контролемъ большого головного мозга, дающаго имъ направленіе.

LXVI.

Всѣ эти бьющіе въ глаза примѣры цѣлесообразности въ животной жизни могутъ смутить

только поверхностнаго наблюдателя, который замѣчаетъ всюду эффектное. Болѣе глубокій же изслѣдователь знаетъ такую массу фактовъ *нецѣлесообразнаго* въ жизни, что занявшись спеціально исчисленіемъ ихъ, онъ могъ бы внести много смущенія въ среду защитниковъ цѣли въ природѣ.

Достаточно напомнить, какъ оцѣнилъ устройство нашего зрительнаго аппарата такой тонкій знатокъ его, какъ Гельмгольцъ. Онъ сказалъ, что не принялъ бы изъ рукъ оптика издѣлія, если бы онъ, по данному заказу, сдѣлалъ его такъ же плохо, какъ плохо устроенъ нашъ глазъ. А ужъ если человѣкъ, вѣнецъ природы, получилъ изъ ея творческихъ рукъ свой главный органъ въ такомъ нецѣлесообразномъ состояніи, то нечего искать лучшей цѣлесообразности гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

«Чудеса» человѣческой техники созданы втеченіи всего нѣсколькихъ послѣднихъ десятилѣтій. А жизнь творитъ свои механизмы цѣлые милліоны лѣтъ. И все таки уже теперь продукты человѣческой фабрикаціи тоньше и удовлетворяютъ своему назначенію гораздо лучше, чѣмъ аналогичные продукты, вышедшіе изъ рукъ природы. Еще немного такихъ успѣховъ въ человѣческой техникѣ, и преклоненіе предъ цѣлесообразностью въ природѣ станетъ понемногу исчезать. Образцы человѣческаго искусства будутъ чаще и чаще удивлять своею тонкостью и оттѣнять недостатки искусства природы.

Въ нѣкоторыхъ болѣе грубыхъ случаяхъ уже

теперь это всякій видитъ. Прекрасно приспособленъ, напр., для своей цѣли носъ дятла. Устроенъ остро и крѣпко. Нужны были милліоны лѣтъ эволюціи, чтобы выработать его такимъ. Но вотъ приходитъ человѣкъ, вооружается долотомъ и молоткомъ, и цѣлодневную работу дятла оканчиваетъ въ 5 мин.

Хорошо бѣгаютъ животныя. Удивительныя ноги выработала у нихъ природа постепенной эволюціей. Но умный человѣкъ изобрѣлъ колесо, да бензиновый двигатель, сѣлъ въ автомобиль и сразу обогналъ всѣхъ самыхъ быстроногихъ животныхъ.

Природа не можетъ создать животныхъ, которыя имѣли бы силу локомотива. Она не можетъ устроить горло, которое по качеству равнялось бы тонкому музыкальному инструменту. Природа не умѣетъ лѣчить болѣзни, которыя вылѣчиваетъ искусство человѣка, не знаетъ нашихъ микроскоповъ, телескоповъ и т. д. и т. д.

Значитъ, въ процессѣ самой жизни безполезно искать цѣлей. А тамъ, гдѣ онѣ, повидимому, замѣчаются, ихъ нѣтъ вовсе. Нелегко отучить современные умы отъ устарѣлыхъ взглядовъ и выводовъ. Поэтому хорошо дѣлаютъ тѣ ученые, которые часто напоминаютъ, что описаніе ими жизненныхъ процессовъ въ терминахъ цѣлесообразности дѣлается только примѣнительно къ привычному обыденному словоупотребленію. Жизнь, всякая жизнь безцѣльна. Это приходится прямо и открыто признать. Предѣлъ ея—смерть. Но никто не скажетъ, что этотъ предѣлъ и есть

цѣль, подобно тому, какъ предѣльный пунктъ, который назначаютъ себѣ спортсмены, есть цѣль для ихъ спортивнаго состязанія.

Религіозная логика допускаетъ аналогичный отвѣтъ, утверждая, что цѣль этой жизни—жизнь загробная. Это все равно, что сказать: цѣль жизни въ этомъ году—достигнуть будущаго года. Всякій послѣдовательный умъ спроситъ: а цѣль будущей жизни,—какая?

Говорятъ, безконечное совершенствованіе. Но совершенствованіе есть процессъ, не отдѣлимый отъ жизни. И этотъ процессъ совершается теперь и совершался въ теченіе всей длиннѣйшей исторіи развитія жизни на земной планетѣ. А потому онъ и не можетъ быть цѣлью, стоящей впереди и вдали. Можно ставить цѣлью отдѣльные моменты этого процесса, чтобы улучшить ихъ или ускорить ихъ наступленіе. Но какое ускореніе можно приложить къ безконечности?

И вообще связывать понятіе цѣли съ понятіемъ безконечности, значитъ, допускать самую грубую логическую ошибку, потому что въ понятіе цѣли обязательно входитъ понятіе предѣльности и достижимости.

LXVII.

Но оттого, что мы признаемъ свою жизнь безцѣльной и лишенной какого-нибудь особаго, высшаго, смысла, она нисколько не утратитъ для насъ своей привлекательности. Тѣ лица, которыя сокрушаются, дойдя до мысли о безцѣльности

жизни, или страдаютъ отъ того, что утратили «смыслъ» жизни, сокрушаются и страдаютъ совсѣмъ отъ другихъ, реальныхъ, а не отвлеченныхъ причинъ.

Конечно, всегда печально терять иллюзіи. И лучше всего не имѣть иллюзій тамъ, гдѣ реальная правда сама напрашивается въ сознаніе. Но человѣку втеченіи его исторической жизни пришлось пережить и покинуть столько иллюзій, что весь его трудный умственный путь устланъ обломками ихъ. Терять иллюзіи онъ уже достаточно привыкъ.

И если теперь иногда ему кажется, что утрата вѣры въ цѣлесообразность для него—роковая утрата, то истина будетъ въ томъ, что ему только такъ кажется. На самомъ дѣлѣ, если онъ страдаетъ *при* сознаніи этой утраты, то онъ страдаетъ *не* по причинѣ этого сознанія. Очевидно, жизнь дала ему столько горькихъ переживаній, столько непріятностей матеріальнаго, соціальнаго и духовнаго происхожденія, что онъ утратилъ самое чувство привязанности къ ней, чувство, лежащее въ природѣ всякаго животнаго вообще, и человѣка въ частности.

И желая объяснить самому себѣ этотъ неожиданный и непонятный для него фактъ, онъ беретъ первое случайное и столь избитое объясненіе: была цѣль, и нѣтъ цѣли. На самомъ дѣлѣ, здѣсь, какъ и всюду, не сознаніе опредѣляетъ бытіе, а совершенно наоборотъ.

Когда жизнь течетъ гладко и наполнена содержаніемъ, она *всегда кажется* имѣющей смыслъ.

Нужно только, чтобы содержаніе находилось въ нѣкоторой гармоніи съ принципами, которые человѣкъ выработалъ самъ или взялъ со стороны. Конечно, это не всегда бываетъ. Но такая дисгармонія лежитъ въ самомъ корнѣ отношеній между мышленіемъ и бытіемъ, и не имѣетъ ничего общаго съ цѣлесообразностью.

LXVIII.

Жизнь, какъ процессъ, не только личная, не имѣетъ смысла. Безсмыслицы въ общественной жизни гораздо больше. Съ тою только разницей, что въ общественной дѣятельности участвуетъ масса лицъ. И потому безсмыслица получается здѣсь часто, какъ результатъ столкновенія отдѣльныхъ сознательно осуществляемыхъ цѣлей.

Общественная жизнь, въ противоположность личной, есть, дѣйствительно, настоящее царство цѣлей. Не въ томъ смыслѣ, что общественныя организаціи создаются исключительно по плану, т.-е. иначе, чѣмъ организаціи физіологическія. Отнюдь нѣтъ. Общественная организація точно также вырастаетъ, какъ и всякая другая. Объ этомъ говоритъ исторія всякаго народа. И если иногда общественныя организаціи появляются какъ бы внезапно, это значитъ, что онѣ занесены туда со стороны. Историческая жизнь вырабатываетъ въ человѣкѣ способность къ организаціи, наклонность или потребность въ ней, и матеріальныя средства для ея осуществленія. На

одномъ и томъ же мѣстѣ, въ совершенно аналогичныхъ случаяхъ, выходцы изъ Англіи или С. Штатовъ тотчасъ же общественно организуются, а выходцы изъ Россіи нѣтъ.

Общественную жизнь нужно назвать ареной цѣлесообразности не въ этомъ, а въ другомъ смыслѣ. Понятіе цѣли неотдѣлимо отъ дѣятельности и составляетъ ея самый характерный признакъ и необходимое условіе для проявленія. Отдѣльное дѣйствіе можетъ быть цѣлевымъ, но можетъ и не быть. И только субъективисту кажется, что вездѣ, гдѣ есть достиженіе полезнаго результата, тамъ было и цѣлевое стремленіе къ этому результату.

Но совокупность послѣдовательныхъ дѣйствій, *дѣятельность*, можетъ быть только планомѣрной. А такъ какъ при современныхъ условіяхъ всякій человѣкъ, не дикарь, живетъ въ организованномъ обществѣ, и развивать свою дѣятельность можетъ не иначе, какъ общественно, т.-е. въ зависимости отъ своихъ согражданъ, то выходитъ, что *всякая дѣятельность человѣка есть общественная*. Разница только въ широтѣ, т.-е. въ томъ, большую или меньшую сферу общественныхъ интересовъ захватываетъ эта дѣятельность.

Въ развитой общественной жизни это и обнаруживается въ томъ, что граждане группируются въ отдѣльныя политическія партіи, каждая со своимъ кругомъ цѣлей, болѣе или менѣе точно опредѣленныхъ. Эта группировка общества на цѣлевыя подраздѣленія есть неизбѣжный результатъ всякой сложной общественной жизни.

А потому партіи не умираютъ и тогда, когда онѣ подвергаются жестокимъ гоненіямъ со стороны близорукихъ властей. И ихъ естественная смерть наступаетъ только послѣ того, какъ выставленныя ими цѣли оказались не жизненными, а искуственными.

LXIX.

Понятно, что именно здѣсь то и практикуется въ широкой степени замаскировка дѣйствительныхъ цѣлей выдуманными, корыстныхъ и личныхъ безкорыстными и общественными. И житейская практика часто подтверждаетъ установленную уже общую истину, что тамъ, гдѣ человѣкъ или общественная группа защищаютъ возвышенными цѣлями институтъ, выгодами котораго они пользуются, тамъ, навѣрное, возвышенныя цѣли взяты только напрокатъ, для отвода глазъ.

Давнымъ давно авторитетно провозглашена истина, что богатому также трудно войти въ царство небесное, какъ канату въ игольное ушко. Теперь было бы только перифразомъ этой истины сказать, что богатому не менѣе трудно ставить такія цѣли или вводить такія реформы, въ результатѣ которыхъ сдѣлается невозможнымъ индивидуальное накопленіе богатства.

Въ виду этого, раскрытіе истинныхъ общественныхъ цѣлей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и двигательныхъ пружинъ общественныхъ явленій, нужно дѣлать со спеціальнымъ углубленіемъ въ общественную структуру, а вовсе не по тѣмъ ло-

зунгамъ, которые пишутся «на знамени» или составляютъ красивую драпировку, бьющую на эффектъ и увлекающую недальновидныхъ. Прежніе историки, руководившіеся только письменными записями современниковъ, постоянно впадали въ такія ошибки, потому что принимали за конкретные факты слова, которыми эти факты описывались.

Слова, какъ тогда, такъ и теперь, есть звукъ пустой. Но красивыя и возвышенныя слова задѣваютъ наши эмоціи, если, конечно, таковыя нажиты предыдущимъ развитіемъ. Эмоціи же толкаютъ на дѣйствія. Понятно, поэтому, какую огромную роль можетъ сыграть хорошая «платформа» (программа) или хорошее цѣлеописаніе, какъ для тѣхъ, кто указываетъ въ этой платформѣ истинныя цѣли, такъ и для тѣхъ, кто ихъ умѣло фальсифицируетъ.

LXX.

Этическія нормы регулируютъ отношеніе индивида къ обществу, или, что тоже, участіе его въ общественной дѣятельности. Прежде просто говорили: люби ближняго своего. Теперешнее умонастроеніе говоритъ, что дѣятельную любовь въ обществѣ можно практиковать, или нѣтъ, въ зависимости отъ тѣхъ политическихъ путъ, которыми обставлена въ данномъ мѣстѣ общественная дѣятельность. А такъ какъ практиковать ее тайно, при современной зоркости власти, нельзя, то цѣлесообразное исполненіе заповѣди

любви къ ближнему неминуемо приводитъ въ область политики. Конкретный примѣръ этому всякій видитъ, хотя бы при осуществленіи заповѣди о «посѣщеніи заключенныхъ въ темницѣ».

А тамъ, гдѣ общественная самодѣятельность не встрѣчаетъ преградъ въ *политическомъ* строѣ, при рѣшеніи этическаго вопроса, мысль все-таки, приходитъ къ *общественному* строю. Въ притчѣ, на вопросъ о томъ, кто нашъ ближній, разсказывается, что таковымъ оказался милосердный самарянинъ, подобравшій раненаго, который «впалъ въ руки разбойниковъ». Въ то время не могли бы давать отвѣтъ, что милосерднѣе самарянина окажется тотъ, кто совсѣмъ прекратитъ разбои. Разбои это была стихія, не подлежащая человѣческому контролю и стоящая выше человѣческихъ силъ. Разбойники были тоже, что дикіе звѣри. Неизвѣстно откуда они приходили и куда они уходили.

Но съ тѣхъ поръ какъ мы уразумѣли причины человѣческихъ бѣдствій и намѣтили общіе пути къ совершенному ихъ уничтоженію, было бы совершенно нецѣлесообразнымъ дѣяніемъ— помогать одному, впавшему въ бѣду, и равнодушно допускать другого до той же самой бѣды. Весьма похвально залѣчивать раны раненнаго. А еще похвальнѣе вовсе не допускать раненныхъ. И потому, всѣ стремящіеся на службу «милосердія», если они желаютъ стать на современную точку зрѣнія, должны направить всѣ свои силы на дѣло умиротворенія народовъ и противъ рѣшенія тяжбы путемъ войны, внутренней, или внѣшней, все равно.

Такъ и во всемъ. Всякая древняя заповѣдь расчитана была на жизнь особнякомъ и на патріархальный общественный строй. Въ ней разумѣлось только индивидуальное дѣяніе и предполагалось, что общественныя условія есть нѣчто разъ на всегда данное. «Нищихъ вы всегда имѣете у себя». Заботься о нихъ, но не помышляй о нищетѣ, какъ общественномъ бѣдствіи. Откуда она приходитъ, неизвѣстно. И значитъ, никакого другого рѣшенія въ этикѣ, кромѣ индивидуалистическаго, тогда и быть не могло.

Пониманіе общественныхъ отношеній и общественныхъ золъ и теперь составляетъ привиллегію незначительнаго меньшинства. Большинство вѣритъ здѣсь въ какую-нибудь планиду или фортуну («цѣны строитъ Богъ»), либо простодушно сознается: «не нашего это ума дѣло». При такомъ умственномъ развитіи, индивидуалистическая этика и связанная съ нею нецѣлесообразность дѣйствій будетъ долго еще находить своихъ поклонниковъ и своихъ практикантовъ.

Попытка же углубить сознаніе, разобраться въ цѣляхъ дѣятельности и выдѣлить изъ массы мимолетныхъ и несущественныхъ цѣли коренныя и основныя,—такія попытки надолго еще будутъ болѣе или менѣе единичными. А моралисту такой новой морали, какъ и моралисту древности, предстоятъ отнюдь не розы на пути.

О, если бы человѣкъ, утратившій «смыслъ», могъ заглянуть на это неисчерпаемое богатство цѣлей! Онъ понялъ бы, что тяжесть жизни—не въ отсутствіи цѣлей, а скорѣе въ ихъ избыткѣ.

Слишкомъ много зла въ жизни, и слишкомъ много работы на пути къ его устраненію. Руки опускаются, при видѣ этого неисчерпаемаго моря всякихъ неустройствъ, подъ тяжестью сомнѣнія и незнанія, съ чего же начинать. Блаженъ, кто найдетъ себѣ въ этомъ хаосѣ трудовую тропу. Блаженъ, кто во время пойметъ, что сдвинуть горы человѣку не дано силъ, и что только *непрерывное* упорное стремленіе и *постепенное* осуществленіе избранныхъ цѣлей сдѣлаетъ общественную безсмыслицу жизни менѣе грозной и менѣе тягостной.

LXXI.

Отсюда сами собой напрашиваются выводы, особенно важные для тѣхъ, кто переживаетъ періодъ «исканія» и страдаетъ отъ безсмыслицы жизни. Да, жизнь безсмысленна. Нужно прямо глядѣть правдѣ въ глаза, и было бы напраснымъ трудомъ разыскивать въ ея сложныхъ процессахъ руку добраго генія, направляющую ее помимо насъ самихъ прямымъ путемъ добра и правды. Но на то тебѣ и данъ разумъ, умѣющій ставить цѣли, чтобы ты не зарылъ его въ землю, а использовалъ во всемъ объемѣ его творческую силу. *Внѣ тебя нигдѣ нѣтъ цѣлей.* Тамъ идутъ только процессы, которые развиваются по своимъ собственнымъ стихійнымъ законамъ. Цѣли въ тебѣ и въ подобныхъ тебѣ людяхъ. Выбери изъ нихъ тѣ, которыя сообразны съ твоими силами и осуществляй. Только иди къ нимъ настойчиво, и

безъ крайней необходимости не измѣняй разъ принятому направленію.

Если твоя цѣль жизненна, въ твоей дѣятельности ты не будешь одинокъ. Къ тебѣ примкнутъ многіе, которыхъ жизнь толкаетъ на тотъ же путь, и общими усиліями вы скорѣе проложите тропу и увидите результаты своихъ стремленій.

Въ главѣ «О Человѣкѣ» уже было высказано, на сколько каждый изъ насъ—продуктъ соціальной среды. Для индивидуалиста, который желаетъ культивировать только свою личность, и который думаетъ пренебречь своими общественными отношеніями и обязанностями, полезно напомнить это еще разъ. Всѣ мечты о Сверхчеловѣчествѣ, о Единственномъ и Независимомъ—совершенно пустая и праздная фантазія. Мы живемъ въ XX вѣкѣ, о не въ III, когда была Ѳиваидская пустыня и въ ней множество пещеръ для ищущихъ одиночества. Теперь для этого земной шаръ слишкомъ тѣсенъ и слишкомъ густо населенъ. А культурныя узы слишкомъ глубоко въѣлись въ нашъ организмъ.

Мы не можемъ носить вретище, питаться акридами и превратиться въ пещерныхъ обитателей. А имѣя жилище, пищу и одежду, мы уже обязываемся. Мы не сами ихъ добываемъ и созидаемъ, а всякій чужой трудъ, затраченный на насъ другими, вынуждаетъ и насъ самихъ затрачивать свой трудъ на другихъ. Здѣсь и конецъ строгому индивидуализму. Конечно, мы можемъ не воздавать трудомъ за трудъ и вѣчно брать въ долгъ, ничего не платя. Такъ и дѣлаютъ многіе.

Общественный судъ награждаетъ ихъ за это презрѣніемъ, а ученый біологъ называетъ паразитами. Ихъ обыкновенно терпятъ только болѣзненныя или хилыя организаціи, да и то до времени, а здоровыя сбрасываютъ и истребляютъ.

Значитъ, родившись въ обществѣ, приходится жить не иначе, какъ общественно, т. е. на основаніи взаимныхъ услугъ. И кто не зналъ еще этого и не поставилъ себѣ первою цѣлью расплатиться за свои многочисленные долги, тотъ дѣйствительно не дорослъ еще до сознанія самаго элементарнаго смысла своей жизни.

О ДОБРѢ И ЗЛѢ.

LXXII.

Едва ли есть еще другое такое отвлеченное понятіе, какъ понятіе о добрѣ и злѣ, которое отъ частаго употребленія стало почти конкретнымъ. Правда, отвлеченное понятіе души тоже приняло конкретный образъ и признано было фактически существующей реальностью. Но относительно души это не такъ удивительно. Она связана съ тѣломъ и потому невольно представлялась уму въ видѣ одухотвореннаго или утонченнаго тѣла. Къ тому же, фактъ ея существованія опирался на несомнѣнный фактъ нашего самосознанія.

Иное дѣло—зло. Совершенно чистое понятіе, отвлеченное отъ множества единичныхъ злыхъ дѣяній. И вотъ, понятіе это съ самой глубокой древности олицетворяется то въ видѣ Аримана съ его противообразомъ — Ормуздомъ, то въ видѣ дьявола. Позднѣе же оно становится метафизической сущностью, и обсуждается въ философскихъ трактатахъ, какъ нѣчто совершенно самостоятельное, какъ субстанція, относительно которой умѣстно задавать вопросы о ея происхожденіи. Откуда зло въ мірѣ? Почему оно существуетъ въ

мірѣ? Почему не существуетъ одно чистое и невинное добро на радость и счастье людямъ? И т. д. и т. д. Огромные фоліанты писались когда то для разрѣшенія такихъ фантастическихъ вопросовъ.

Зло трактуется не только какъ существо, но и какъ самостоятельное существо, совершенно независимое отъ его антипода добра, хотя и враждебное ему. У людей схоластическаго образа мыслей вошло въ привычку играть терминами какъ реальностями, совершенно забывши самое происхожденіе терминовъ. Эта привычка, обычная въ исторіи человѣческой мысли, здѣсь проявилась особенно наглядно. Забыто было совсѣмъ, что зло и добро есть два соотносительныя понятія, такъ же немыслимыя другъ безъ друга, какъ правая и лѣвая сторона, или востокъ и западъ. Гдѣ есть правая сторона, тамъ обязательно есть и лѣвая, противоположная ей. И разсуждать о мірѣ, гдѣ возможны однѣ только правыя стороны и совсѣмъ не можетъ быть лѣвыхъ, могутъ одни только безнадежные метафизики.

Въ этомъ отношеніи древніе персы были послѣдовательнѣе, и, если не ошибаюсь, принимали существованіе Ормузда и Аримана единовременнымъ. Позднѣе евреи нашли возможнымъ не только раздѣлить эти два нераздѣлимыя понятія, изобразивши новосозданный міръ исключительнымъ царствомъ добра, но и продлить этотъ противный здравому смыслу дуализмъ въ безконечность. Тамъ, за предѣлами гроба, будутъ двѣ совершенно независимыя, раздѣленныя пропастью области. Въ од-

ной будутъ царствовать исключительно добро и его почитатели. Въ другой исключительно зло со своими приверженцами.

LXXIII.

Фантастическая картина, построенная на метафизическихъ сущностяхъ, до сихъ поръ считается не въ разладѣ съ человѣческимъ разумомъ. А здравый человѣческій разумъ говоритъ, что если ты считаешь что-нибудь хорошимъ, то только по сравненію съ чѣмъ нибудь другимъ, что̀ кажется тебѣ дурнымъ. Даже тотъ дикарь, который говоритъ: «если я украду у тебя жену, это хорошо, а если ты у меня, это — дурно», даже онъ судилъ сравнительно. И элементарная логика говоритъ, что всякое сужденіе есть сравненіе.

Правда, оцѣнка совершается иногда по непосредственному чувству: хорошо то, что производитъ на меня въ данный моментъ хорошее или благотворное впечатлѣніе. Но и такое впечатлѣніе опредѣляется разсудкомъ какъ хорошее только потому, что непосредственному чувству знакомы и другія аналогичныя впечатлѣнія, которыя за свое неблагопріятное дѣйствіе считаются дурными. Сплошное же «доброе» состояніе, подобно тому, какъ и здоровье, вовсе не цѣнится, какъ благо. Оно цѣнится только тогда, когда утрачивается, т. е. по сравненію съ больнымъ состояніемъ.

Если же руководиться чувствомъ, то одно и то же впечатлѣніе можетъ быть хорошимъ, либо

дурнымъ, въ зависимости отъ настроенія, или отъ предшествовавшаго состоянія. Одно и то же легкое недомоганіе чувствуется какъ болѣзнь («дурно»), если оно слѣдуетъ за полнымъ здоровьемъ, и какъ выздоровленіе («хорошо») если оно слѣдуетъ за тяжкой болѣзнью. Въ условіяхъ обыденной жизни всякій развитой человѣкъ насчитаетъ множество предметовъ и явленій, которые оцѣнивались имъ какъ хорошіе въ юности, и оцѣниваются какъ дурные въ зрѣломъ возрастѣ, когда повысились его требованія, измѣнились точки зрѣнія и изощрились вкусы. То, что для незрѣлаго ума и первобытнаго вкуса казалось чуть не «раемъ», то для утонченнаго ума кажется тягостнымъ и мучительнымъ «адомъ».

Все это совершенно очевидно всякому проницательному мыслителю. А потому онъ давно отбросилъ, какъ негодное, такое метафизическое трактованіе добра и зла. Онъ знаетъ, что ихъ одно безъ другого нельзя мыслить, и что они всегда составляли и будутъ составлять неразлучныхъ спутниковъ человѣческой жизни. Никакой соціальный строй и никакая «будущая жизнь» — все равно гдѣ, здѣсь ли на землѣ, или на небѣ, — не можетъ изгнать зла. Не можетъ просто потому, что зло есть умственная категорія, неустранимый способъ познаванія и потому будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока существуетъ человѣческій разумъ.

Виды зла, конечно, будутъ мѣняться, какъ они мѣнялись втеченіи всей жизни человѣчества. Одни будутъ исчезать, другіе появляться вновь. И мѣняться они будутъ не только объективно,

какъ явленія, которыя считались дурными и перестали существовать, но и субъективно, какъ оцѣнка тѣхъ же явленій съ точки зрѣнія извѣстнаго умоначертанія.

Въ видѣ примѣра, можно указать хотя бы на употребленіе скоромной пищи въ посты, которое долгое время считалось зломъ, но теперь для многихъ умовъ перестало казаться таковымъ. Такимъ же зломъ казался нѣкогда фактъ смерти. Теперь, какъ бы мы ни оцѣнивали ее, мы знаемъ, что безъ этого «зла» невозможна самая жизнь.

О видахъ политическаго «зла» и говорить нечего. Всякій самъ знаетъ, какъ легко мѣняются взгляды на него, и какъ скоро перестаетъ казаться «преступнымъ» то, что еще вчера казалось таковымъ.

То же самое справедливо и относительно видовъ «добра». Не говоря объ исторической перемѣнѣ во взглядахъ, и въ настоящее время множество явленій оцѣниваются у представителей однихъ націй какъ добрыя, а у другихъ какъ дурныя. И напр. готтентотская мораль, раздѣляемая многими въ Европѣ, давно уже вошла въ пословицу.

LXXIV.

Съ привычной терминологіей различаютъ и теперь зло физическое, зло экономическое, зло политическое и зло нравственное. Можно бы назвать еще нѣсколько подраздѣленій. Всѣ они указываютъ на сферы, къ которымъ относятся

тѣ или другіе виды зла. И при нынѣшнемъ пониманіи, всѣ они легко могутъ быть объединены въ одномъ нравственномъ злѣ. Уже была рѣчь, какимъ образомъ нравственныя цѣли переходятъ въ цѣли политическія. Всякому извѣстно, какъ зло физическое (голодъ, эпидемія) и зло экономическое (голодъ, безработица) коренятся въ злѣ политическомъ. А такъ какъ зло политическое является цѣлью для нравственной дѣятельности, то въ концѣ концовъ эти подраздѣленія падаютъ сами собой.

И современная заповѣдь гласила бы не то, что ты долженъ совершать такія-то перечисленныя одиночныя дѣянія, а предписывала бы кратко: уничтожай слѣды зла, гдѣ бы и какъ бы они ни проявлялись. Древняя заповѣдь говорилась младенцу, указывала ему конкретный фактъ и такимъ образомъ, заповѣдуя, въ то же время служила для него указкой. Нынѣшняя заповѣдь, правда, не занесенная на скрижаль, не можетъ заниматься перечисленіемъ, а говоритъ о всѣхъ видахъ зла вообще, потому что считаетъ ихъ измѣнчивыми какъ сама жизнь, и совершенно неисчислимыми. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она внушаетъ изучать и изощрять пониманіе всѣхъ явленій физическаго и соціальнаго міра, и всѣми мѣрами устранять тѣ изъ нихъ, которыя для человѣка зловредны. Мѣры къ этому уничтоженію опредѣляются условіями происхожденія и развитія зла.

А потому изученіе этихъ условій входитъ само собой въ современную нравственную доктрину и становится такою же обязанностью, какою

прежде считалось одно слѣпое исполненіе заповѣди. Древняя заповѣдь, точно приказъ, предполагала раба и обращалась къ нему въ расчетѣ на его повиновеніе, а не на его самоопредѣленіе.

И въ то же время, прежнія заповѣди давали повелѣніе въ отрицательной формѣ (не убій, не укради), т. е. учили воздержанію или недѣланію, съ положительной же формой обращались къ чувству: чти, благоговѣй, бойся, люби. Тогда еще не знали того элементарнаго факта, что чувство по приказу возникать не можетъ. Теперешній же нравственный императивъ обращается исключительно къ волѣ и даетъ ей положительныя предписанія: дѣлай такъ, чтобы зло предупреждалось, чтобы не было тебѣ нужды вести безнадежную борьбу съ его единичными, многомилліонными проявленіями. Не жди, пока придутъ соблазны для борьбы съ ними. А самъ располагай свою жизнь такъ, чтобы не возникали вовсе случаи, которые могли бы вызвать тебя на соблазнъ и на шаткія попытки воздерживаться отъ него.

LXXV.

Это коренное различіе въ этическихъ воззрѣніяхъ, древнихъ и современныхъ, не достаточно сознано до сихъ поръ. Всѣ моралисты старались воздѣйствовать на единичную «порочную» волю, заботились о ея исправленіи, и вовсе не задавались вопросомъ объ условіяхъ происхожденія порочности въ каждомъ опредѣленномъ кругѣ явленій. А потому они и не мечтали о томъ, какъ

бы устранить всѣ поводы къ проявленію такой порочной воли. Это было выше пониманія тѣхъ временъ. Даже теперь это многимъ кажется утопіей. Пониманію вѣдь всегда предшествуетъ изученіе, а никакого изученія тогда не было, потому что общественныя явленія стали предметомъ науки только въ наши дни.

Поэтому, борьба съ «гидрой» зла принимаетъ теперь совершенно другой видъ. Напрасно тратить много времени на облегченіе отдѣльныхъ ранъ, наносимыхъ ею. Эта работа безнадежна и неисчерпаема. Не лучше ли гидру связать, или умертвить, или по крайней мѣрѣ лишить ее опасныхъ зубовъ. Всѣ проповѣди древнихъ моралистовъ прозвучали въ пустынѣ. Всѣ ихъ попытки облагородить человѣчество, взывая къ единичнымъ «исправленіямъ», не привели ни къ чему. На мѣсто исправившагося являлись десятки «испорченныхъ». Казалось бы, пора сознать безнадежность такого дѣла и ошибочность такой этической философіи и этической практики. Но нѣтъ. Для ума неразвитаго онѣ проще, а для воли рыхлой онѣ легче и достижимѣе: сдѣлалъ то, что показано, и блаженъ.

Разумѣется, единичные случаи зла требуютъ устраненія или исправленія. Больного нужно сейчасъ лечить, а не ждать оздоровляющихъ условій. Умирающаго съ голоду нужно сейчасъ кормить, а не ждать уничтоженія нищеты. Но дѣйствуя такъ по чувству состраданія, каждый долженъ всегда помнить, что это только отдѣльные эпизоды въ его дѣятельности, на которые

онъ вынуждается требованіями момента. Общее же направленіе всей *дѣятельности* должно быть установлено на иныхъ принципахъ, болѣе глубокихъ.

Зло не въ человѣкѣ, говорятъ теперь. Правда, природа человѣка—животная и нуждается въ сдерживающихъ общественныхъ узахъ. Но она очень пластична и постоянно мѣняется подъ вліяніемъ окружающихъ условій. Измѣните эти условія, и вы увидите, что природа человѣка станетъ неузнаваема. Зло въ самихъ условіяхъ. Никто не можетъ стать добрымъ, живя въ ожесточающихъ условіяхъ. Никто не можетъ стать правдивымъ, живя среди людей, требующихъ хитрости и лукавства. Никто не можетъ стать безкорыстнымъ, живя въ средѣ, гдѣ корысть считается долгомъ и составляетъ главный жизненный нервъ.

Самонадѣянные мыслители, считающіе человѣка частицей Божества, обладающей творческими силами, совершенно игнорировали эти условія: «долженъ, слѣдовательно можешь». Правда, практика всѣхъ временъ ясно показывала, что число безчестныхъ людей всегда больше въ томъ обществѣ, гдѣ безчестность не считается зазорной и даже поощряется. Тѣмъ не менѣе, они все таки повторяли старыя мертвыя фразы о томъ, что человѣкъ долженъ быть господиномъ условій. Согласимся, что онъ долженъ, и будетъ со временемъ такимъ господиномъ. Но пока онъ этого не можетъ, нуженъ другой путь для насажденія добра на землѣ.

LXXVI.

Этотъ путь диктуется самой исторіей развитія. И совѣсть, и чувство долга, и стыдъ, и стремленіе къ лучшему, не врождены человѣку отъ вѣчности, а выработались въ его натурѣ путемъ долгой эволюціи.

Общественное сожительство было истинной колыбелью и разсадникомъ этихъ чувствъ. Все, что систематически одобрялось окружающими, стало казаться хорошимъ. Все, что систематически порицалось, стало считаться постыднымъ. Все, что выгодно и желательно было для общества, оно заставляло дѣлать каждаго своего сочлена, поощряя его въ случаѣ послушанія, либо угрожая ему и карая, въ случаѣ неисполненія. Когда человѣкъ привыкаетъ вѣками къ дѣланію того, что у него требуютъ, или къ чему его поощряютъ, въ его природѣ появляется наклонность къ дѣланію этого добровольно, которая сознается какъ долгъ или обязанность. Все это достаточно полно выяснила современная психологія. И все это каждый можетъ подмѣтить на себѣ, если будетъ внимательно слѣдить за своими однообразно повторяющимися дѣйствіями.

Если таковъ былъ путь образованія въ насъ основныхъ нравственныхъ чувствъ, очевидно, онъ остается такимъ же и въ случаѣ разрушенія или ослабленія ихъ. Поставьте человѣка съ малыхъ лѣтъ въ такія условія, гдѣ этическія понятія извращены, и гдѣ нравственныя чувства заглушаются систематически. И въ немъ очень легко

ослабѣютъ до полнаго исчезновенія эти нестойкія, хотя и благородныя пріобрѣтенія. Давно уже стало азбучной истиной, что наряду съ писанными (религіозными) этическими нормами, въ разныхъ классахъ общества устанавливаются свои «неписанныя», которыя могутъ находиться въ полномъ противорѣчіи съ первыми; и тѣмъ не менѣе они исполняются гораздо строже ихъ. Таковы напр. понятія о чести и пр.

О томъ, какъ укрѣпляется и ослабѣваетъ въ обществѣ аналогичное нравственному чувству, чувство законности, говорить излишне. За примѣрами этого не нужно далеко ходить.

Умъ человѣка развивается очень быстро и легко. Нравственныя *понятія* или требованія устанавливаются безъ всякаго труда: прочелъ древнихъ мудрецовъ или новѣйшій нравственный трактатъ, и сознаніе добра явилось само собой. Но здѣсь, какъ и всюду, сознаніе не опредѣляетъ бытія. Бытіе, т. е. *осуществленіе* зависитъ не отъ ума, а отъ природы. Природа же каждаго человѣка существуетъ въ томъ видѣ, въ какомъ дана отъ рожденія—со всѣми порывами, унаслѣдованными отъ дикарей и животныхъ. Наивно взывать къ этой природѣ словами убѣжденія. Она чаще всего отвѣчаетъ: хочу, но не могу.

Воздѣйствовать на такую природу нужно средствами иными, чѣмъ проповѣдь, болѣе дѣйствительными. А именно, нужно ставить ее въ условія нормальной общественной дѣятельности, которая на каждомъ шагу даетъ фактическіе импульсы и предъявляетъ фактическія же, а не словесныя задержки.

LXXVII.

Но если и совѣсть, и долгъ, и стыдъ мѣняются во времени, то какой же нравственный критерій или мѣрило найдемъ мы въ этой постоянной измѣнчивости нравственныхъ устоевъ? Будетъ ли за этимъ критеріемъ какая нибудь авторитетность, которая придастъ нравственнымъ требованіямъ характеръ обязательности? Кто станетъ уважать нормы и велѣнія долга, если они колеблются и измѣняются?

Въ такомъ вопросѣ кроется обычное смѣшеніе нравственныхъ *сужденій* и нравственныхъ *чувствъ*, нравственнаго сознанія и нравственнаго бытія. Слишкомъ хорошо извѣстно ничтожество проповѣдей и прописныхъ сентенцій. Всѣ онѣ весьма охотно повторяются всюду, особенно для отвода глазъ, и достаточно уже захватаны всякими руками. Повторяются эти моральныя сентенціи иногда по рутинѣ, машинально, и тѣми лицами, которыя давно переросли ихъ содержаніе. Но они питаютъ къ нимъ привычное преклоненіе, какъ по традиціямъ дѣтства такъ и изъ уваженія къ ихъ древности. Однако, это мораль головная. Эти сентенціи—то же, что кредитные билеты, не обезпеченные фондомъ. Это не мораль, а одна моральная видимость, простая «словесность», изученіе и повтореніе которой требуется хорошимъ тономъ.

Такая мораль, конечно, не имѣетъ подъ собой никакихъ прочныхъ основаній. И ей, дѣйсвительно, нуженъ какой-нибудь посторонній кри-

терій, который сдѣлалъ бы ее обязательной. Прежде она основывалась на авторитетѣ Божества. Почитай родителей (и наставниковъ, прибавляютъ учащіе) не потому, что они этого заслуживаютъ, а потому, что такъ велѣлъ Богъ. Такія предписанія перестали исполняться не потому, что люди усумнились въ ихъ божественномъ происхожденіи, а потому, что они выросли изъ пеленокъ, и устроили свою жизнь на другихъ началахъ. И здѣсь, какъ и вездѣ, впереди шла жизнь, а не умозрѣніе. И здѣсь, какъ и вездѣ, однимъ умозрѣніемъ человѣка связать нельзя, и на умозрѣніи долга не построить.

Современная мысль, отвергши древнія обоснованія, сохраняетъ все-таки понятіе должнаго. Она думаетъ, что понятіе должнаго, равно какъ и чувство долга есть психологическій фактъ, не подлежащій сомнѣнію. И полагаетъ, что совѣсть, стыдъ и долгъ, основанные на эволюціи, будутъ дѣятельны и въ будущемъ столько-же, а можетъ быть и болѣе, какъ и въ то время, когда ихъ считали небеснымъ даромъ. Полагая такъ, современная мысль не впадаетъ ни въ какую ошибку, и никакими несбыточными фантазіями не увлекается. Только наивные люди думали, что высшіе моральные принципы извѣстны и дѣйствуютъ исключительно у народовъ, знающихъ заповѣди десятословія. Сближеніе съ Дальнимъ Востокомъ втеченіи послѣдняго 10-лѣтія показало воочію, какіе иногда дѣйствовали моральные принципы у тѣхъ, кто называетъ себя христіанами, и у тѣхъ, кого именуютъ язычниками. У кого не достаетъ фи-

лософской сообразительности, того могутъ научить чему-нибудь хоть подобные жестокіе уроки исторіи.

Чувства моральныя есть наличный фактъ. Происхожденіе ихъ изъ темнаго источника эволюціи давно извѣстно. И тѣмъ не менѣе, они остаются чувствами и притомъ становятся живѣе и утонченнѣе. Ни капли ихъ глубины, силы и экспансивности не можетъ утратиться отъ мысли о ихъ не совсѣмъ благородномъ происхожденіи. Съ тѣхъ поръ какъ книга Дарвина «О происхожденіи чувствованій» разъяснила ихъ животный источникъ, ни одно изъ нихъ ни на одну іоту не утратило своей жизненности. Идеи о происхожденіи безсильны надъ чувствами. Особенно, если идеи одновременно парализуются идеями же о необходимости этихъ чувствъ для правильнаго соціальнаго развитія.

И тѣ, кто ищетъ опоры для новой морали на почвѣ чувствованій, знаютъ, что это почва зыбкая. Тѣмъ не менѣе, они увѣрены въ томъ, что общественная санкція, живая, наглядная и гласная, будетъ неизмѣримо сильнѣе дѣйствовать, чѣмъ возвышенная въ основѣ, но совершенно мертвая въ проявленіи санкція древнихъ авторитетовъ.

LXXVIII.

Вопросъ объ отвѣтственности и воздаяніи за добро и зло рѣшается такимъ же образомъ. Отвѣтственность есть фактъ повседневной жизни. Общество, воспитывая въ своихъ членахъ чув-

ство обязанности, дѣйствуетъ путемъ угрозъ и воздаяній. Надъ ребенкомъ тоже самое продѣлываетъ еще семья. И прежде, чѣмъ развилось его сознаніе, онъ выросъ уже съ чувствомъ ожиданія наградъ или похвалъ и страха наказаній или порицаній. А это чувство неразрывно связано съ чувствомъ отвѣтственности за все, что онъ дѣлаетъ. Съ нимъ также тѣсно связано чувство справедливости при оцѣнкѣ всѣхъ тѣхъ фактовъ, въ отношеніи къ которымъ практикуется отвѣтственность.

Если бы ему не были привиты съ пеленокъ эти чувства, для него была бы совершенно непонятна библейская идея о загробномъ мздовозданіи. Точно также непонятна теперь многимъ идея о вѣчности мученій, которая совершенно не гармонируетъ съ современнымъ чувствомъ справедливости, и давно уже безпокоитъ этимъ наиболѣе чуткія вѣрующія души.

Боязнь же предъ общественнымъ возмездіемъ, какъ показываетъ современная практика, необыкновенно сильна и дѣйственна. И мы постоянно видимъ, какъ тѣ, у кого совѣсть не совсѣмъ чиста, спокойно мирятся съ мыслью о загробномъ воздаяніи, не принимаютъ никакихъ мѣръ, чтобы избѣжать рокового и неподкупнаго небеснаго приговора, и все-таки страшно боятся простой газетной огласки ихъ дѣяній.

Это неодинаковое отношеніе къ небесному и земному приговору, и вмѣстѣ съ этимъ враждебность къ общественной гласности, показываетъ лучше всякихъ аргументовъ, гдѣ именно нахо-

дится дѣйствительная нравственная санкція, гдѣ истинная авторитетность морали, и гдѣ скрыта настоящая сила обязательности ея велѣній.

LXXIX.

Въ вопросѣ объ отвѣтственности наиболѣе смущающимъ является то обстоятельство, что въ нашей жизни справедливое воздаяніе каждому по дѣламъ встрѣчается очень рѣдко. Надежда на то, что правда восторжествуетъ, а порокъ встрѣтитъ заслуженное наказаніе, ежедневно разбивается жизнію. Въ современной жизни, напротивъ, чаще всего добродѣтель вовсе не торжествуетъ, а порокъ вовсе не наказывается. На человѣка, выходящаго изъ дѣтскаго возраста, когда онъ впервые начинаетъ всматриваться въ окружающую жизнь, это производитъ ошеломляющее впечатлѣніе. И остается пожелать, чтобы каждый пораньше выходилъ изъ дѣтскаго возраста и узнавалъ житейскіе факты, какъ факты, не въ призрачномъ, а въ настоящемъ ихъ видѣ.

Уже говорилось въ главѣ о цѣляхъ, что безсмыслицы въ нашей жизни слишкомъ много. Но, чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ звѣзды ярче. Выводъ отсюда можетъ быть только одинъ: не предаваться совершенно безплоднымъ жалобнымъ изліяніямъ, либо обличительнымъ поученіямъ, а найти себѣ по силамъ дѣло, которое могло бы служить для другихъ образчикомъ дѣланія. Если вся жизнь, хороша ли она или дурна, состоитъ изъ совокупности дѣятельностей, то измѣнять ее

можно не идеями, а дѣйствіемъ. Сознаніе этого далеко еще не проникло въ умы всѣхъ, размышляющихъ о реформированіи жизни.

Происхожденіе нравственныхъ чувствъ скрыто во мракѣ временъ, содержаніе нравственныхъ нормъ текуче, санкція ихъ неустойчива и измѣнчива. И тѣмъ не менѣе, эта живая, подвижная, постоянно обновляющаяся и потому вѣчно юная мораль будетъ настоящей, животворной и дѣятельной моралью. Можно быть спокойнымъ за будущее, хотя бы оно и совершенно измѣнило прежнюю мораль съ ея дѣтскими сентенціями. Эти послѣднія пережили самихъ себя и теперь растерянно стоятъ предъ огромными и сложными соціальными задачами современной эпохи.

И вопли о «развратѣ» и пр. со стороны защитниковъ древнихъ позицій вызваны либо невѣдѣніемъ, либо соображеніями отнюдь не принципіальнаго характера. Безпристрастная исторія удостовѣряетъ, что всякаго «разврата» было не меньше, если не больше у нашихъ предковъ, хотя они были и чужды не только современныхъ, но и вообще всякихъ идей.

LXXX.

Но признавая отвѣтственность, современная мораль совершенно чужда меркантильному духу древности, которая назначала награду за каждое доброе дѣло и карала за каждое злое. Подалъ нищему кусокъ хлѣба, и жди, что это запишется на небесахъ. Отказалъ ему, и иди, покайся, а

то зачтется тебѣ это въ твой пассивъ. Оцѣнивалась не дѣятельность вообще, а каждое отдѣльное дѣяніе, и къ каждому дѣянію приклеивался ярлыкъ съ обозначеніемъ его моральной стоимости, точно въ магазинахъ цѣна надъ каждой вещью.

Этотъ взглядъ прочно укоренился, и еще до сихъ поръ многіе руководятся имъ въ своей жизни. Допустилъ напр. человѣкъ оплошность, или не хорошій поступокъ, и всегда найдутся строгіе судьи, которые ошельмуютъ его за это. Что человѣкъ несетъ служебныя обязанности, моральная стоимость которыхъ ниже 0, это не замѣчается, и на «порядочность» его не кладетъ тѣни. Но достаточно ему допустить одинъ явно зазорный поступокъ, какъ это тотчасъ же ставится въ вину, которую болѣе строгіе никогда не прощаютъ.

Можно наживать какой угодно $^0/_0$ на торговлѣ и др. дѣловыхъ операціяхъ. Можно сколько угодно «зарабатывать» на биржевыхъ бумагахъ. Можно и на землѣ, и на денежной наличности получать любое приращеніе ренты и $^0/_0$,—все это отнюдь не считается зазорнымъ. Во всѣхъ этихъ операціяхъ считается совершенно благовиднымъ перемѣщать не свои деньги изъ чужого кармана въ свой. Но, Боже избави, взять прямо кошелекъ, хотя бы съ однѣми мѣдными монетами!

Такая глубокая разница въ оцѣнкѣ дѣятельности и отдѣльнаго дѣянія всѣмъ извѣстна, всѣми практикуется, и представляется странной только немногимъ, кто умѣетъ углубляться въ значеніе

и характеръ явленій дальше одной внѣшней видимости. И держится до сихъ поръ такая расцѣнка исключительно потому, что все ученіе о нравственности, для громаднаго большинства, заключается только въ отдѣльныхъ заповѣдяхъ, которыя писаны были въ незапамятныя времена, примѣнительно къ младенческому пониманію и для дѣтскаго уклада жизни.

ОБЪ ИДЕЯХЪ.

LXXXI.

Въ русской литературѣ вопросъ о значеніи идей въ общественной жизни обсуждался очень долго и разсматривался со всѣхъ сторонъ. Суть ли идеи силы? Могутъ ли онѣ двигать массы и создавать общественныя движенія? Одни говорятъ: да, и въ подтвержденіе ссылаются на исторію и психологію. Другіе возражаютъ: нѣтъ, и опираются на тѣ же самыя науки.

Если судить по всеобщему въ новѣйшей исторіи гоненію на идеи, то онѣ суть силы, ибо съ безсильными, хоть и непріятными и даже враждебными мыслями, бороться безцѣльно. Нѣкоторыя идеи и теперь такъ и называются вредными, т. е. способными сдѣлать кому то вредъ или отразиться на комъ то гибельно. Здѣсь разумѣется, конечно, не тотъ вредъ, который вздорныя и нелѣпыя идеи наносятъ мозгамъ своихъ носителей. И судя по репрессіямъ, по тѣмъ средствамъ, которыя примѣняются въ борьбѣ съ носителями т. н. «злетворныхъ» идей, онѣ считаются очень опасными, способными двинуть кого то на активныя выступленія. Съ идеями, разъ онѣ не способны двигать, никто воевать не сталъ бы.

Съ другой стороны, даже изъ опытовъ со-спиритизмомъ извѣстно, что нужно только сѣсть за столъ и упорно думать, положа на него руки, о его вращеніи; тогда онъ не только начнетъ двигаться на самомъ дѣлѣ, но и писать отвѣты на задаваемые вопросы. Значитъ, движеніе столу сообщаетъ наша идея.

Наконецъ, самосознаніе, столь шаткій, но столь древній фундаментъ для научной психологіи, ежедневно дѣлаетъ чуть не самоочевиднымъ для всякаго выводъ, что дѣйствіе слѣдуетъ за сознаніемъ. Отсюда заключаютъ, что разъ одно слѣдуетъ за другимъ, очевидно, они связаны между собой причинностью, т. е. сознаніе или идея производитъ дѣйствіе.

Вотъ нѣкоторые факты, взятые какъ изъ индивидуальной, такъ изъ общественной жизни. По-мнѣнію многихъ, подобные факты очень убѣдительно доказываютъ, что идеи суть силы.

LXXXII.

Въ индивидуальной области, конечно, нельзя отрицать двигательной роли идей. Не идей, собственно, а большого головного мозга. Всякій теперь знаетъ, что въ мозгу есть задерживающіе центры для разныхъ двигательныхъ процессовъ, и что эти задерживающіе центры очень часто дѣйствуютъ при свѣтѣ сознанія, т. е., дѣятельность ихъ сопровождается идеями. Хотѣлъ человѣкъ совершить нѣчто, но въ мозгу вспыхнула вовремя идея наказанія, и онъ воздержался.

Затѣмъ, вся исторія человѣческаго развитія доказываетъ, что задержки въ проявленіи психическихъ аффектовъ растутъ параллельно съ ростомъ умственнаго развитія. У цивилизованнаго человѣка онѣ выступаютъ весьма замѣтно, особенно, если сравнить его съ дикаремъ. И если бы это было иначе, тщетно было бы возлагать надежды на цивилизирующую роль просвѣщенія.

Конечно, задерживающая способность не есть способность двигательная. Но она весьма близка къ ней. Если идея можетъ задерживать двигательныя пружины, то легко предположить, что она же можетъ освобождать или спускать ихъ. Въ этомъ корень всего недоразумѣнія.

Очевидно идея не есть двигатель сама по себѣ, а только регуляторъ нѣкотораго клапана, поставленнаго возлѣ двигателя: открытъ клапанъ,—идетъ двигательный токъ; закрытъ,—движеніе пріостановлено. Но самъ двигатель находится гдѣ то въ сторонѣ, внѣ прямого и непосредственнаго вліянія со стороны идеи. Вліяніе это есть, но посредственное. Если клапанъ закрытъ продолжительное время, а импульсы къ движенію остаются слабыми, они могутъ совсѣмъ замереть отъ неупотребленія. Съ другой стороны, слабые импульсы, не находя никакой задержки, при повторныхъ проявленіяхъ, могутъ возрастать или упрочиваться, какъ упрочивается всякая функція при частомъ повтореніи.

Представленіе, а тѣмъ болѣе отвлеченная идея, никогда не могутъ достигать такой живости, какъ непосредственное впечатлѣніе. Если послѣднее

бываетъ двигателемъ, то представленіе, какъ отраженная копія его, обычно не можетъ достигать его силы. Но бываютъ рѣдкія болѣзненныя явленія, когда это случается. Подобно тому, какъ случаются галлюцинаціи, когда умственные образы достигаютъ яркости ощущеній, бываютъ представленія такой же силы, особенно если ихъ долго и упорно фиксировать. Въ психіатріи такія идеи такъ и называются фиксированными или навязчивыми идеями. И человѣкъ, страдающій ими, называется одержимымъ. Въ старину часто приписывали такимъ людямъ пребываніе въ нихъ божественной или нечистой силы.

Нормальное же представленіе не можетъ насъ подвинуть къ дѣйствію. Если иногда кажется, что представленіе награды или опасности служитъ двигательнымъ импульсомъ, то это —ошибка въ наблюденіи. Не представленіе награды, а желаніе ея; не представленіе опасности, а страхъ передъ нею, т. е. *чувства* даютъ тѣ импульсы, которыхъ совершенно не достаетъ одному голому представленію. И такъ какъ эти чувства служатъ постоянными спутниками представленій, но не достигаютъ сознанія, которое въ это время занято образомъ награды или видомъ опасности, то ихъ и не замѣчаютъ вовсе. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служитъ то, что никакое представленіе награды не двинетъ человѣка, если онъ ея не желаетъ.

LXXXIII.

Такъ рѣшается вопросъ о значеніи идей въ области индивидуальной психологіи. Въ области

же коллективной онъ еще яснѣе. Идеебоязнь, которую проявляютъ нѣкоторыя власти, не аргументъ. Быть можетъ, если бы мужи науки давно и ясно установили роль идей въ общественной жизни, ихъ и не преслѣдовали бы такъ ожесточенно, какъ это иногда дѣлается. Какъ же не преслѣдовать, если сами философы укрѣпляютъ гонителей въ этой позиціи? Сама же позиція занята, какъ извѣстно, по примѣру духовенства и, главнымъ образомъ, католическаго, котораго считаютъ изобрѣтателемъ цензуры, какъ особаго учрежденія. Ему же, вѣроятно, принадлежитъ и самая классификація идей на вредныя и невредныя.

И для духовенства идеи, дѣйствительно, играютъ эту опасную роль. Если идеи привели вѣрующаго человѣка къ мысли, что служители вѣры—совсѣмъ не то, за что онъ принималъ ихъ ранѣе, онъ тотчасъ же начинаетъ поступать согласно этой новой идеѣ, т. е., уклоняться отъ исполненія религіозныхъ обрядовъ и, слѣдовательно, отъ доброхотнаго даянія въ пользу духовенства. Если такія идеи будутъ распространяться, и число отпавшихъ будетъ увеличиваться, это будетъ вопросомъ жизни и смерти для всего духовенства, которое живетъ этими даяніями. Значитъ, въ области религіи идеи страшны не какъ двигатели, а именно какъ задержки въ проявленіи извѣстныхъ дѣйствій (религіозныхъ), т. е., въ томъ смыслѣ, какъ разъяснено было выше.

Тогда же было изобрѣтено и выраженіе: вредный образъ мыслей. Теперь власти всюду стали

равнодушны къ образу мыслей, а преслѣдуютъ только ихъ распространеніе, полагая наивно, что вредныя идеи—то же, что сорныя сѣмена: куда бы ни бросилъ ихъ, тамъ и выростутъ. Также точно смотрѣли на дѣло и многіе благородные мечтатели. Они думали, что стоитъ только разсказать народу про настоящую правду, и про то, какъ надо жить «по божески», тогда онъ немедленно усвоитъ эту правду и осуществитъ ее въ своей жизни.

Мечты разбивались жизнію. Но теоретическая мысль долго еще оставалась при старыхъ взглядахъ, доказывая полную возможность укоренить идеи во всякихъ головахъ и перестроивать житейскій бытъ по ихъ увлекательнымъ образамъ.

LXXXIV.

Но идеи—не силы. Если мои идеи не могутъ толкать меня самого на дѣло, то тѣмъ болѣе онѣ не могутъ толкать другихъ. Самое принятіе или непринятіе моихъ идей другими зависитъ отъ того, въ какомъ состояніи находятся ихъ головы. Идеи не могутъ врываться въ чужую голову, какъ вѣтеръ въ открытое окно комнаты, даже еслибъ она была и пуста. Только тамъ, гдѣ собственный накопленный опытъ соотвѣтствуетъ предлагаемой со стороны идеѣ, только тамъ она найдетъ благосклонный пріемъ. Зато здѣсь, если бы идея не была внесена со стороны, она неминуемо возникла бы сама, хотя и съ нѣкоторымъ запозданіемъ. Потому то всегда и была

безнадежна борьба съ идеями, какой бы сильной властью ни обладали гасители ея. Несмотря на всѣ препоны къ распространенію идей, онѣ растутъ и множатся вездѣ, гдѣ на нихъ наталкиваетъ сама жизнь.

Подъ давленіемъ репрессій, самая заурядная идея, вродѣ пользы просвѣщенія, пріобрѣтаетъ ореолъ. А препоны къ распространенію идеи, и всякая задержка въ нормальномъ ходѣ психическаго акта, вызываетъ только раздраженіе, или болѣзненный аффектъ. Этотъ аффектъ, накопляясь годами и принимая массовый характеръ, всегда даетъ вспышку, богатую всякими крайностями, которыя такъ изумляютъ всѣхъ близорукихъ мыслителей и правителей, какъ своей мнимой неожиданностью, такъ и своими крайностями.

Все это вполнѣ закономѣрно и совершается съ неизбѣжностью. Все это твердо установлено исторической наукой, хотя для многихъ и весьма нежелательно. Поэтому, болѣе дальновидные политики всѣхъ цивилизованныхъ странъ давно признали полную нецѣлесообразность борьбы съ идеями, и предоставили вести это безплодное и изнурительное дѣло своимъ болѣе отсталымъ сосѣдямъ. Они отлично понимаютъ, что чѣмъ слабѣе для нихъ сосѣдъ соперникъ, тѣмъ имъ выгоднѣе.

И опытъ цивилизованныхъ странъ показываетъ,—если бы мыслящему уму нуженъ былъ въ такихъ вещахъ опытъ,—что въ этихъ странахъ, послѣ того, какъ идеямъ дана была пол-

ная свобода, онѣ утратили свой жгучій характеръ, придававшій имъ видъ опасности. Самыя крайнія и соблазнительныя идеи потеряли всякую заманчивость потому, что онѣ лишились сопровождавшаго ихъ ореола гонимыхъ, и послѣ этого стали попадать въ спокойныя головы, а не въ головы, кипящія чувствомъ негодующаго раздраженія и отъ избытка чувства совершенно слѣпыя.

Когда это раздраженіе достигаетъ высшей точки, преслѣдуемыя идеи теряютъ связь съ дѣйствительностью и развиваются дальше не по законамъ логики, а по законамъ чувства. Самымъ яркимъ примѣромъ такого идейнаго извращенія будетъ состояніе паники, когда люди становятся не самими собою, говорятъ не то, что думаютъ, и думаютъ не такъ, какъ имъ свойственно.

LXXXV.

Въ этомъ отношеніи, на одной и той же точкѣ зрѣнія стоятъ не только близорукіе практическіе политики, которые находятъ, что все зло въ идеяхъ, не только ихъ теоретическіе вдохновители, страдающіе отъ рожденія идеебоязнью, но и ихъ идейные противники. Всѣ они одинаково думаютъ, что идея, на манеръ синицы, можетъ зажечь море. «Идейному» или «сознательному» рабочему придается такой вѣсъ, какъ будто онъ-то и становится очагомъ пожара, головней, зажигающей массу, либо автомобилемъ, везущимъ ее по указанному направленію съ искусствомъ и силою мага и волшеб-

ника. Значеніе его сторонниками движенія сначала переоцѣнивается ровно столько же, сколько и противниками его.

А потомъ наступаетъ разочарованіе, совершенно подобное тому недоумѣнному удивленію, въ какое впадаютъ недалекіе правители, когда они видятъ, что движеніе вспыхиваетъ съ необыкновенной интенсивностью тамъ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, были задушены всѣ идеи. Разочарованіе же происходитъ отъ того, что тамъ, гдѣ, казалось, было посѣяно и взошло такъ много идей, вдругъ, послѣ непродолжительной вспышки, сплошь и рядомъ останавливается всякое дальнѣйшее движеніе.

Это послѣднее обстоятельство краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуетъ въ пользу той общей истины, что идеи — сами по себѣ, а движеніе само по себѣ. И если движеніе можетъ порождать идеи, то обратной зависимости можетъ и не быть. Идеи могутъ указывать цѣль. идеи могутъ освѣщать дорогу, идеи могутъ направлять зарождающееся движеніе. Но *порождать* его у нихъ нѣтъ силъ. Для этого нужны чувства, нужны впечатлѣнія, нужны факты жизни, нужно, словомъ, то самое бытіе, и соціальное, и психическое, которое опредѣляетъ мышленіе, и которое въ свою очередь не опредѣляется имъ.

Ходъ развитія идей у всѣхъ на виду. И если бы ими опредѣлялась жизнь, мы могли бы легко предсказывать общественныя движенія и ихъ моменты. Но эти движенія опредѣляются чувствованіями и настроеніями. Пути же этихъ душев-

ныхъ волненій намъ невѣдомы даже въ сердцѣ индивида: «захочу полюблю, захочу,—разлюблю». Въ коллективной же общественной душѣ, надо откровенно сознаться, намъ до сихъ поръ все непостижимо. И самое общее опредѣленіе, гласящее, что общественныя настроенія и увлеченія—чисто стихійны, ровно ничего намъ не поясняетъ. Не поясняетъ ихъ и заразительность, которая приписывается имъ. Вѣдь индивидуальныя настроенія точно также заразительны, какъ заразителенъ даже актъ зѣвоты. Но никто еще не придумалъ пропаганды настроенія путемъ прививки его заразнаго начала.

Тамъ, гдѣ мы ничего не знаемъ, нужно и сознаться, что не знаемъ. Такое сознаніе лучше и полезнѣе мнимаго, а тѣмъ болѣе ложнаго знанія. Все, что намъ извѣстно здѣсь, это то, что нѣкоторые факты общественной жизни порождаютъ нѣкоторое настроеніе. Но точной зависимости между опредѣленными фактами и чувствами мы установить не можемъ. Извѣстно вѣдь, что одно и то же обстоятельство въ разное время можетъ производить на насъ совершенно различное впечатлѣніе. Это психологическое наблюденіе одинаково справедливо какъ въ индивидуальной, такъ и въ общественной жизни.

И переживаемый нами моментъ «общественнаго утомленія» лучше всего показываетъ, какъ спокойно проходятъ явленія, которыя въ другое время вызвали бы цѣлую бурю волненій. Этотъ же моментъ удостовѣряетъ, что причинъ успокоенія нужно искать гдѣ то въ другомъ мѣстѣ,

а отнюдь не въ мѣропріятіяхъ репрессивнаго и чрезвычайнаго характера.

Общественная или коллективная психологія, какъ наука, находится еще въ зародышѣ. На факты, входящіе въ кругъ ея вѣдѣнія, стали обращать вниманіе недавно. И эти факты еще собираются и систематизируются. Наиболѣе же важные для науки факты крупныхъ общественныхъ движеній совершаются далеко не часто и, по своей крайней сложности, воспроизводятся историками далеко не точно.

Вотъ почему въ этой области, наиболѣе жизненной и важной, мы все еще слѣпы, и свои сужденія не можемъ основывать на строгихъ научныхъ выводахъ. Если бы было иначе, мы могли бы не только предсказывать наступленіе наиболѣе важныхъ событій общественной жизни, но и учитывать ближайшій ходъ ея на нѣсколько лѣтъ впередъ. Но мы не обладаемъ здѣсь даже такимъ барометромъ, который находится въ распоряженіи метеорологовъ, и по которому они могутъ точно указать приближеніе шторма дня за три до его наступленія.

ОБЪ ИСТИНѢ И ЛЖИ.

LXXXVI.

Многіе мыслители мечтали объ единой и абсолютной истинѣ. Они объединяли свои знанія какой нибудь общей расплывчатой идеей и думали, что нашли истину, общую для всего бытія. Одни видѣли истинно-сущее бытіе въ идеѣ, другіе въ матеріи, одни искали его въ субъектѣ, другіе внѣ его. Третьи искали истину посреди нѣ и думали, что она дается взаимодѣйствіемъ субъекта и объекта.

Но гдѣ бы истину ни искали, о ней мечтали, какъ о единой. Все разнообразіе знаній старались объединить въ систему, связанную единствомъ одной общей мысли. И вообще, чѣмъ отвлеченнѣе была такая система, тѣмъ она казалась стройнѣе.

Такой философъ-мечтатель не объединялъ существующія научныя знанія,—съ ними онъ вообще мало считался,—не опирался на факты, ссылка на которые казалась ему профанированіемъ философіи, а строилъ всю систему умозрительно, развивая ее дедуктивно изъ единаго начала, которое положено въ основу путемъ наитія, на манеръ откровенія свыше.

Подобная философія содержала всю полноту истины, и истина эта звучала какъ непогрѣшимая догма, властно, авторитетно и вѣроучительно. Недаромъ же она была сродни вѣроученію и построена на манеръ откровенія.

LXXXVII.

Откровеніе же всегда гласило, что истина одна, что эта истина—Богъ, и что истина эта непререкаема. Сомнѣвающихся и совопросниковъ надо не просвѣщать и убѣждать, а покорять, и въ случаѣ упорства—проклинать.

Религіозные взгляды, которые очень долго уживались съ философіей, сдѣлали изъ истины какія то тенета, въ которыя нужно уловлять заблуждающихся. Истина—что-то нудное, вродѣ узды, которая полагалась разъ навсегда и не позволяла повернуть голову ни направо, ни налѣво, чтобы случайно не впасть въ пагубное заблужденіе. Эта истина была не только непререкаема, но и устойчива какъ скала, на вѣки нерушимая. Подъ эту истину нужно было подклонять главу какъ подъ ярмо. Ее нельзя было испытывать, разбирать, даже изучать. Предъ нею нужно было смирять свой умъ, погашать въ немъ всякіе проблески любознательности.

Нужно было памятовать, что «лжеименный» разумъ всегда бродитъ по стихіямъ міра, вдали отъ истины. Тамъ онъ утрачиваетъ узы дисциплины и чувство скромности. Онъ всегда готовъ возмечтать о себѣ и замыслить что нибудь авто-

номное, какую нибудь гордыню или противленіе истинѣ. Лжеименный разумъ нужно неотступно держать въ обуздывающихъ его регламентахъ. И чѣмъ крѣпче будетъ скованъ ими разумъ, тѣмъ меньше будетъ у него злокозненныхъ поползновеній, и тѣмъ непоколебимѣе будетъ стоять истина.

Философія допустима, но не всякая философія, а только та, которая исходитъ изъ признанной истины и приводитъ къ ея возвеличенію и утвержденію. Всякая иная философія будетъ лжеименная, и для истины вредная. Философія должна быть не изысканіемъ истины, а только ея восхваленіемъ.

Истина дана разъ навсегда, какъ нѣчто опредѣленное, почти осязательное. Ее нужно только созерцать, охранять и предъ ней благоговѣть. Чтобы ее видѣть, нужны только не помраченныя самонадѣянностью духовныя очи. Искать ее могутъ только одни слѣпцы, которые и не могутъ найти ничего по своей слѣпотѣ, если не обратятся съ молитвою о своемъ просвѣщеніи. Истина эта, яркая и чистая, доступна младенцамъ и простецамъ, чистымъ сердцемъ. Но она ускользаетъ отъ тѣхъ, кто горделивъ умомъ и больше ищетъ и испытуетъ, чѣмъ преклоняется. Носителями ея, глашатаями и толкователями считали себя особо на то избранныя лица, отмѣченныя печатью Божества и озаренныя вдохновеніемъ.

Такъ, приблизительно, смотрѣли на истину въ древности хранители религіозныхъ традицій. Ихъ не стоило бы теперь вспоминать. Но они такъ долго тяготѣли надъ умами человѣчества,

что сохранили нѣкоторое вліяніе и до сихъ поръ. Надо помнить, что очень долгое время всякое знаніе, а тѣмъ болѣе философское, было исключительно религіознымъ и находилось въ рукахъ жрецовъ. Отпечатокъ ихъ работы и ихъ вліянія отразился на всемъ ходѣ просвѣщенія и сохранился понынѣ, какъ въ терминахъ языка, такъ и въ нѣкоторыхъ слѣдахъ догматичности и абсолютности, которые остаются въ познавательной сферѣ и проявляются въ разныхъ областяхъ знанія, не имѣющихъ даже ничего общаго съ религіей.

LXXXVIII.

Таковы основныя черты священныхъ завѣтовъ древности. До какой степени они живучи понынѣ и безсознательно исповѣдуются многими писателями, стоящими далеко отъ религіозныхъ традицій, это очевидно всякому внимательному наблюдателю. Стоитъ только присмотрѣться къ полемическимъ трактатамъ, особенно по соціальнымъ вопросамъ.

Недомысліе всегда было самоувѣренно и нетерпимо. И чѣмъ ограниченнѣе человѣкъ, чѣмъ уже его кругозоръ, тѣмъ больше въ немъ философской смѣлости, и тѣмъ ближе онъ считаетъ себя къ святилищу истины. А его скромныя обобщенія, хотя бы сдѣланныя за него другими, кажутся ему тѣмъ безспорнѣе и абсолютнѣе.

Если онъ полемизируетъ, онъ смотритъ на противника со снисходительнымъ чувствомъ жреца, готоваго обличать или прощать заблуждаю-

щагося. Онъ не выясняетъ дѣла, не изслѣдуетъ спорнаго, а изрекаетъ и поучаетъ. Все сдѣланное его предшественниками, для него только труды язычниковъ, слѣпо бродившихъ кругомъ да около, но не удостоившихся приблизиться къ храму, въ который самъ онъ такъ легко вступилъ и въ которомъ такъ быстро освоился. Мелкія и частныя несогласія для него еще непростительнѣе, чѣмъ основныя и коренныя.

Если ты сходно вѣруешь, соглашайся во всемъ, отъ A до Z, иначе ты либо еретикъ, либо ненадежный союзникъ. Если ты уклоняешься отъ общепризнанной «догмы», на тебя могутъ обрушиться со всей страстностью обличители, считающіе себя непогрѣшимыми. Если ты упорствуешь, и свое мнѣніе стараешься распространять, ты познакомишься со всѣми видами нетерпимости, какія только допускаются современной культурой и нравами.

Вамъ не знакомы ли, читатель, всѣ эти черты? Не списаны ли онѣ съ натуры? И не встрѣчались ли вы съ ними въ области не только соціальныхъ знаній, но и другихъ, не исключая, пожалуй, математическихъ? Развѣ это не тоже отношеніе къ истинѣ, какъ сокровищу, хранимому ея жрецами?

LXXXIX.

Чѣмъ старѣе человѣкъ, тѣмъ онъ консервативнѣе, тѣмъ прочнѣе онъ стоитъ за свои окостенѣвшія убѣжденія. Онъ думаетъ, что истины, которыя добыты его поколѣніемъ и которыя онъ

самъ исповѣдуетъ, суть дѣйствительныя, непререкаемыя истины. Исторія развитія съ очевидностью показываетъ, что такъ и прежде думали, но что послѣ смерти самого провозвѣстника истины, обыкновенно новое поколѣніе отвергало ее въ большемъ или меньшемъ объемѣ.

И тѣмъ не менѣе, сознаніе непогрѣшимости каждый разъ возрождается вновь, и каждая почти новая истина появляется въ міръ съ чертами религіознаго отношенія къ ней. До такой степени живучи эти переживанія, слишкомъ долго повторявшіяся. А то, что жило долго, никогда не умираетъ вдругъ.

Не стоитъ останавливаться на общихъ проявленіяхъ ученой нетерпимости, съ которой встрѣчаются до сихъ поръ новыя истины, противорѣчащія тѣмъ, кои считаются общепризнанными. Въ исторіи науки зарегистрировано очень много фактовъ подобнаго рода. И рѣдкая новая истина не встрѣчала насмѣшекъ со стороны многихъ правовѣрныхъ хранителей старыхъ-научныхъ истинъ.

При сложности и богатствѣ современныхъ знаній, невозможно одному человѣку быть знатокомъ всѣхъ ихъ. Поэтому ученые дѣлятся на группы по своимъ спеціальностямъ, при чемъ каждая группа до сихъ поръ носитъ на себѣ замѣтные слѣды замкнутой корпораціи жрецовъ, которая могла принимать и не принимать въ свою среду инако мыслящаго. И факты изгнанія изъ своей среды (или лишенія кафедры) не такъ ужъ рѣдки, даже въ наукахъ не близко соприкасающихся съ политикой.

Въ видѣ примѣра я привелъ бы недавній фактъ страшнаго озлобленія и ругательныхъ отзывовъ, съ которыми обрушились многіе профессора и ученые Германіи на книгу Геккеля «Міровыя Загадки». Какой пріемъ встрѣтила гораздо раньше теорія Дарвина, объ этомъ всякій знаетъ. Такое отношеніе можно наблюдать и не только со стороны признанныхъ ортодоксовъ, консерваторовъ и абскурантовъ. Вѣдь и въ средѣ прогрессистовъ не случайно былъ принятъ и такъ хорошо упрочился терминъ «ортодоксальность» въ отношеніи марксизма. Всѣ основныя черты правовѣрія и ереси, абсолютизма и нетерпимости господствуютъ здѣсь полностью. И незамѣтно, чтобъ онѣ ослабѣвали.

Умы обогащаются, ихъ кругозоръ быстро расширяется, идеи легко мѣняются, умираютъ и возрождаются, а чувства, нажитыя вѣками возлѣ этихъ идей, остаются почти тѣми же безъ всякихъ перемѣнъ. И потому, современные способы защиты истины и борьбы съ отрицателями ея, въ своемъ смягченномъ видѣ, напоминаютъ всѣ существенныя черты древнихъ способовъ. Характерно и самое слово «полемика» отъ греческаго πόλεμος — война. Особенно, если къ нему прилагаютъ термины «бурная» и «ожесточенная». При этомъ невольно вспоминается, что славянскій языкъ передавалъ греческое πόλεμος (полемосъ) словомъ «брань».

XC.

Власть только отражаетъ ту нетерпимость, какая преобладаетъ въ данномъ обществѣ. Пре-

слѣдованіе истины ею — не самое тяжкое, что предстоитъ встрѣтить истинѣ. Власть можетъ быть поставлена закономъ въ границы, а чувства озлобленія и враждебности, которыя вспыхиваютъ въ обществѣ, при появленіи новой истины, расходящейся съ принятыми истинами, поставить въ границы не легко, и потребуется на это не мало трудовъ и времени.

Теоретически, конечно, согласятся самые страстные и непримиримые противники новыхъ истинъ, что абсолютной истины нѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ чья то дерзкая рука сдернула покрывало со статуи истины и оказалось, что за нимъ нѣтъ ничего, стало яснымъ для проницательныхъ умовъ, что истину нельзя представлять въ видѣ богини, разъ на всегда установленной на гранитномъ пьедесталѣ. Ни въ какомъ храмѣ она не стоитъ въ лучезарномъ сіяніи и нигдѣ не могутъ показать ея вѣчно юный и вѣчно неуловимый обликъ.

Нѣтъ ни единой истины, ни вѣчной истины. Въ эволюціи человѣческаго разума все также измѣнчиво и не стойко, какъ и въ эволюціи морали, и во всей эволюціи вообще. Даже болѣе того. Нигдѣ измѣнчивость не проявляется съ такой легкостью и быстротой, какъ именно въ области теоретическаго разума. Истина эта теперь считается очевидной и безспорной, а потому о ней достаточно только напомнить. И затѣмъ, не нужно ссылаться ни на исторію, ни на повседневный опытъ. И безъ нихъ можно признать несомнѣннымъ, что при такой измѣнчивости, мо-

гутъ существовать только временныя истины, которыя послѣ нѣкотораго періода должны быть замѣнены новыми. А эти временныя истины, конечно, не могутъ быть абсолютными истинами, дающими рѣшеніе на всѣ времена и на всѣ случаи. Онѣ всегда условны, относительны и тѣмъ болѣе шатки, чѣмъ болѣе онѣ общи и неопредѣленны.

Съ характеромъ универсальности и постоянства можно назвать только нѣсколько математическихъ аксіомъ. Да и эта ихъ универсальность условна, т. е. эти истины можно считать всеобщими только въ предѣлахъ человѣческаго рода, или для ума, устроеннаго по типу человѣка. Характерно, что именно математическія-то истины менѣе всего претенціозны. Какой блестящій примѣръ для характеристики истины по ея внѣшнимъ признакамъ!

Нѣкоторыя истины кажутся очень стойкими, потому что повторяются изъ вѣка въ вѣкъ. Но эта кажущаяся стойкость объясняется тѣмъ, что мы имѣемъ дѣло только со схемой, оболочкой истины, въ которую каждый вѣкъ вкладываетъ свое содержаніе. Такова хотя бы истина о томъ, что міръ (наша солнечная система) имѣлъ начало и будетъ имѣть конецъ. Такова же истина: все измѣняется, высказанная еще Гераклитомъ. Таковы т. н. законы логики, законъ причинности и мн. др.

XCI.

Но если истина—только мимолетное видѣніе, одинъ обманчивый призракъ, можетъ ли она имѣть

хоть какую нибудь авторитетность? Кто станетъ стремиться къ истинѣ, тѣмъ болѣе жертвовать собой за ея торжество, если онъ будетъ увѣренъ, что это торжество мимолетно, и что истина, добытая съ большимъ трудомъ, будетъ отвергнута слѣдующимъ поколѣніемъ?

Когда мы говоримъ объ истинѣ, мы должны держаться только ея одной, т. е. оставаться исключительно въ познавательной сферѣ. Вопросы практики и поведенія, которые могутъ возникать уже потомъ, эти вопросы побочные. И ни одинъ поборникъ истины не согласился бы фальсифицировать ее въ интересахъ практическихъ. Этого возраженія было бы достаточно. Но можно прибавить еще, что оно—плодъ недоразумѣнія.

Что̀ есть истина? Истина есть только тождество: А=А, и больше ничего. Что бы мы ни разумѣли подъ А, мы одно приравниваемъ къ другому. Это и есть истина. Процессъ этого приравниванія есть исканіе истины. Но *стремленіе* къ этому исканію возникаетъ изъ глубочайшихъ нѣдръ человѣческой природы. И потому его не только не могутъ уничтожить наши взгляды на истину, но они и вообще не могутъ на него воздѣйствовать.

Современная практика показываетъ, что чѣмъ измѣнчивѣе истины, тѣмъ сильнѣе стремленіе къ исканію ихъ. И никогда не было столько ищущихъ, столько умственнаго творчества, какъ въ наши годы шатанія истинъ. Еще Лессингъ сказалъ, что «обладаніе истиной дѣлаетъ насъ лѣнивыми, спокойными, гордыми, и что силы человѣка крѣпнутъ не отъ обладанія истиной, а отъ

исканія ея». Духовенство наилучше подтверждаетъ на самомъ себѣ справедливость этой истины. И всѣ наиболѣе застойныя эпохи отличались, наряду съ глубочайшимъ невѣжествомъ, полнымъ господствомъ духовенства надъ умственной жизнью народа. А вѣдь это духовенство считало себя обладателемъ не только полной и незыблемой, но и великой истины.

Если истину не убили тѣ, кто усыплялъ и профанировалъ ее, не убили и тѣ, кто распиналъ ее, тѣмъ болѣе она не можетъ быть убита тѣми, кто слишкомъ горячо ищетъ ее и, можетъ быть, иногда слишкомъ поспѣшно торжествуетъ конецъ своихъ поисковъ. Одно это умозаключеніе могло бы упокоить тревогу тѣхъ, кто опасается, что современные взгляды пошатнутъ авторитетность истины и притупятъ стремленіе къ ней.

Къ этому можно прибавить, что жажда знанія есть именно продуктъ эволюціи, и въ большей степени свойственна только уму высокоразвитому. Изслѣдовать неизвѣстное и объяснять непонятное для него—потребность, потребность настоятельная, живая и незаглушимая. Нужды нѣтъ, что его объясненіе временное, и что рѣшеніе загадки недостаточно обосновано. Оно ему необходимо, потому что на пытливый и безпокойный вопросъ даетъ хоть какой-нибудь отвѣтъ, вносящій успокоеніе. Пройдетъ время, можетъ быть онъ самъ не удовлетворится даннымъ рѣшеніемъ, и будетъ искать другого, болѣе основательнаго. Но пока другое не найдено, первое для него будетъ истиной. Судьба всѣхъ научныхъ такъ наз.

рабочихъ гипотезъ показываетъ, до какой степени онѣ необходимы, и какъ мало частая смѣна ихъ колеблетъ авторитетъ истины.

Истина для современнаго ума всегда не позади, а впереди. Потому то она и обладаетъ такой непреодолимой манящей силой. Стремленіе къ ней неистребимо. Мы всегда будемъ проэктировать это стремленіе на истину, и намъ будетъ казаться, что она сама насъ влечетъ къ себѣ.

XCII.

Самый важный философскій вопросъ, это—вопросъ о томъ, можемъ ли мы вообще знать истину, и адэкватна ли истина бытію.

Послѣднее мало понятное выраженіе означаетъ вотъ что. Вѣдь истина — наше *субъективное* убѣжденіе, хотя бы оно и основывалось на опытѣ. А бытіе есть внѣшняя *объективная* дѣйствительность. Отвѣчаетъ ли нашему внутреннему убѣжденію и вполнѣ ли отвѣчаетъ то, что существуетъ въ дѣйствительности? И можемъ ли мы вообще знать истину объ этой дѣйствительности?

Такіе вопросы давно были выдвинуты философіей, гораздо раньше, чѣмъ наука дала намъ кой-какія свѣдѣнія о томъ, что такое эта внѣшняя дѣйствительность. Теперь считается несомнѣннымъ, что нѣкоторыя формы этой дѣйствительности совершенно не похожи на наши представленія о ней. Не говоря о небесныхъ свѣтилахъ и ихъ движеніи, *всѣ* цвѣта, всѣ краски и

всѣ звуки суть только наши ощущенія, которыя порождаются нѣкоторыми движеніями внѣ насъ, но совершенно не существуютъ въ природѣ, внѣ нашего сознанія.

Самый вопросъ объ адэкватности предполагаетъ, будто мы можемъ выработать истину или знаніе, потомъ посмотримъ на дѣйствительность, какова она есть сама по себѣ, и сравнимъ, похожи ли онѣ другъ на друга. Разумѣется, такое представленіе совершенно ошибочно. О дѣйствительности мы знаемъ только то, что̀ знаемъ, и больше ничего. А то, что мы знаемъ о дѣйствительности, мы считаемъ за истину. Такимъ образомъ, ни о какомъ добавочномъ сравненіи у насъ и рѣчи быть не можетъ. И все, что мы считаемъ за истину, должно вполнѣ соотвѣтствовать бытію. А какъ только обнаружится какое-нибудь несоотвѣтствіе, мы сочтемъ прежнюю истину ошибкой и выработаемъ новую.

Самый вопросъ, можемъ ли мы знать истину, исходилъ изъ того предположенія, что истина есть нѣчто готовое, хотя и скрытое. Стоитъ только разсмотрѣть ее непомраченными очами и воспріять. Ошибочность такого взгляда на истину уже указана выше.

Теперь мы за истину считаемъ то, къ чему вынуждаетъ насъ совокупность наблюдаемыхъ фактовъ, преобладающее число доводовъ, или математическое вычисленіе. Если все это вмѣстѣ, факты, доводы и вычисленіе, согласно приводятъ къ одному выводу, такой выводъ кажется намъ непреложной истиной. Если выводъ обоснованъ

менѣе всесторонне, мы считаемъ его за условную или временную истину, въ ожиданіи лучшей и болѣе несомнѣнной. Но и та, и другая истина субъективно намъ кажется таковой. А иногда внутреннее убѣжденіе въ правильности менѣе обоснованной истины бываетъ чрезвычайно сильнымъ и даетъ нѣкоторый перевѣсъ внѣшней убѣдительности аргументовъ въ пользу такой истины.

На этомъ внутреннемъ убѣжденіи покоится огромное большинство истинъ, особенно изъ области наукъ мало разработанныхъ. Возникаетъ это убѣжденіе изъ внутреннихъ глубинъ познающаго человѣка, и очень мало зависитъ отъ количества и убѣдительности доводовъ. Потому-то люди чаще всего смотрятъ разно на одинаковыя вещи, и часто группируются по сходству убѣжденій въ согласныя межъ собой группы, хотя бы раціональные доводы въ пользу такого согласія были очень слабы.

Тамъ, гдѣ споры между защитниками различныхъ мнѣній принимаютъ острый характеръ, это спорятъ другъ противъ друга не истины, доказуемыя объективно, а тѣ, въ которыхъ преобладаетъ субъективный элементъ. Такіе споры большею частью безплодны, потому что возраженія не могутъ дѣйствовать на самый источникъ убѣжденія, породившій его. Этотъ источникъ, т.-е. внутренняя природа спорящаго, почти всегда скрытъ отъ наблюденій оппонента, и совершенно не уязвимъ для самыхъ сильныхъ его возраженій.

XCIII.

Противоположеніемъ истины является заблужденіе, или ошибочная истина.

Въ прежнее время, когда истину представляли въ конкретномъ образѣ, ей противополагали не заблужденіе, а ложь. Ложь, какъ извѣстно, есть злонамѣренное искаженіе истины. Противоположеніе же ея истинѣ имѣетъ глубокій психологическій смыслъ. Истину представляли, какъ нѣчто самоочевидное, что̀ ясно было всякому, и что̀ всякій долженъ принять безъ колебаній. Если же онъ не принималъ, то, значитъ, не хотѣлъ, упорствовалъ или злоумышлялъ на истину. И если онъ при этомъ приводилъ свою собственную истину, то она считалась ничѣмъ инымъ, какъ злонамѣреннымъ продуктомъ, т.-е. не заблужденіемъ, а именно ложью.

Подобно тому, какъ старые взгляды на истину до сихъ поръ еще не умерли и невольно выступаютъ наружу тамъ, гдѣ имъ, казалось-бы, нѣтъ мѣста, такъ же точно обнаруживаются и старые взгляды на ложь. И въ полемикѣ двухъ враждебныхъ писателей мы нерѣдко встрѣчаемъ образцы того, что они на истины противника смотрятъ не какъ на ошибочныя, а какъ на лживыя.

Впрочемъ, нужно сказать, что наряду съ усиленіемъ поисковъ за истиной, расширяются и изощряются способы фальсифицировать ее. Такъ и должно, конечно, быть, потому что искусство аргументировать развивается, какъ и всякое искусство. И пока есть люди, которые не могутъ от-

личить поддѣльной истины отъ настоящей, а поддѣльныя истины будутъ доставлять кому-нибудь выгоды, до тѣхъ поръ фальсификація неизбѣжна.

Въ этомъ отношеніи, въ области познанія повторяются тѣ же законы, что и въ промышленности. И путь борьбы съ той и съ другой фальсификаціей — одинъ и тотъ же: предавать гласности имена фальсификаторовъ и ихъ способы, а «потребителей»—просвѣщать.

Въ странахъ, гдѣ правительству закономъ запрещено вмѣшиваться въ словесныя и письменныя пренія между гражданами, устанавливаются самыя благопріятныя условія какъ для выработки истины, такъ и для борьбы съ ложью. Всякій, отстаивающій ошибочное мнѣніе, долженъ умѣть его защищать публично, передъ всѣми, а не только передъ единомышленниками, и потому долженъ имѣть въ пользу его много основаній. Иначе ошибка его тотчасъ будетъ выставлена на видъ. А всякій, кто намѣренно искажаетъ истину, долженъ придать своему искаженію самую благовидную форму, и подыскать въ его защиту самые остроумные и самые гибкіе доводы. Иначе его искаженіе будетъ тотчасъ же обнаружено, высмѣяно и обрушится на его же голову.

Широкое развитіе просвѣщенія, расширяя горизонты, изощряетъ проницательность и увеличиваетъ чуткость къ истинѣ. Оттого то всѣ поддѣлывающіе истину и ненавидятъ просвѣщеніе.

О РЕЛИГІИ ВООБЩЕ.

XCIV.

Когда у насъ рѣчь заходитъ о религіи, многимъ прежде всего кажется, что дѣло идетъ о христіанствѣ. Если такую рѣчь слышитъ духовная особа, ей кажется, что рѣчь идетъ о православіи. Такъ ужъ устроенъ обыденный умъ, не привыкшій мыслить отвлеченно: когда онъ слышитъ общее понятіе, то вкладываетъ въ него извѣстный ему частный случай.

Между тѣмъ, какъ извѣстно, религій на земномъ шарѣ очень много, и среди нихъ христіанство занимаетъ далеко не первое мѣсто. Только $^1/_3$ населенія земного шара исповѣдуютъ имя Христа, да и то въ такихъ разнообразныхъ формахъ, что философу не легко было бы доискаться, что̀ же собственно нужно считать христіанствомъ. До такой степени различное содержаніе вкладываютъ въ это имя разные его исповѣдники.

Религія же вообще, конечно, не есть ни христіанство, ни буддизмъ, ни фетишизмъ. Самый вопросъ о религіи вообще возникъ сравнительно недавно, когда ученые обстоятельно ознакомились съ религіями всего міра, и изъ добытаго матеріала построили цѣлую науку о религіи. Для истинно вѣрующаго эта наука, конечно,—ерети-

ческая, потому что она одинаково трактуетъ всѣ религіи. Между тѣмъ какъ для него есть только одна религія, та, которую онъ исповѣдуетъ. Всѣ же остальныя суть заблужденія, порожденныя обманомъ, или посѣянныя самимъ дьяволомъ.

Но для этой науки имѣетъ огромный интересъ и тотъ фактъ, что истинновѣрующій относится къ ней съ отрицаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, число религій, считая только крупныя подраздѣленія, нужно полагать не менѣе сотни. И каждый вѣрующій увѣряетъ, что истинна только его вѣра, всѣ же остальныя—ложныя. Такъ нѣкогда думали крайніе субъективисты, увѣряя, что «существую только я самъ, относительно же другихъ людей никакъ не могу сказать того же, потому что они суть только одно мое представленіе». И если для философскаго субъективизма такая оголенная формула была роковой, потому что поражала здравый смыслъ своей очевидной нелѣпостью, то для религіи въ этомъ субъективизмѣ весь центръ тяжести. Ибо вся она есть ничто иное, какъ субъективная увѣренность, достигшая крайней степени напряженія.

XCV.

Обыкновенно съ понятіемъ о религіи соединяютъ какія нибудь догмы, какое нибудь вѣроученіе, т. е. систему сужденій, отвѣчающихъ на всѣ коренные вопросы жизни и философіи. Тамъ есть и космологія, и теологія, и психологія, и всевозможныя практическія дисциплины, включая по-

литику и педагогику. Религія въ свое время хотѣла быть всеобъемлющей, и на все дать свои опредѣленные, непререкаемые отвѣты. Точнѣе сказать, было время, когда всякое знаніе было религіознымъ, потому что оно составляло монополію жрецовъ, а жрецы накладывали на все печать своего образа мыслей. До сихъ поръ такъ остается, что человѣкъ судитъ обо всемъ съ точки зрѣнія своей постоянной профессіи.

Отвѣты на возникавшіе вопросы давались образно, аллегорически въ видѣ притчей или картинныхъ повѣствованій, иногда въ загадочной или мистической формѣ. Такова уже тогда была манера излагать свои мысли. Она и до сихъ поръ остается любимой формой рѣчи у всѣхъ неразвитыхъ народовъ, да у дѣтей. Слагатели такихъ сказаній, для красоты рѣчи, прибавляли, каждый отъ себя, либо лишнюю метафору, либо новый штрихъ таинственной аллегоріи, особенно тамъ, гдѣ опредѣленной мысли у нихъ не было, или она для нихъ самихъ еще не выяснилась.

Всѣ такіе литературные продукты сначала передавались изъ устъ въ уста, передавались, добавлялись и исправлялись. Такъ, постоянно видоизмѣняясь, они дожили до времени, когда жрецы, хранившіе ихъ, познакомились съ письменностью и записали ихъ. Искусство письма было тогда рѣдкимъ искусствомъ, и само носило на себѣ характеръ таинственности, внушающей удивленіе, смѣшанное со страхомъ и благоговѣніемъ.

Такое отношеніе къ письму еще недавно подмѣчали нѣкоторые путешественники у дикарей,

совершенно незнакомыхъ съ нимъ. Эти дикари смотрятъ на него такими же глазами, какъ теперь въ глухихъ деревняхъ смотрятъ на граммофонъ при первой встрѣчѣ съ нимъ.

XCVI.

Уже это одно придавало такимъ письменамъ, первымъ, какія появились у племени, священный характеръ. Ктому же, книги эти были единственныя въ тамошнемъ мірѣ, писали ихъ духовныя особы и хранили ихъ при храмѣ, съ необыкновенными предосторожностями на случай порчи. Содержаніе ихъ казалось бездной, изъ которой все нужное могли извлекать одни жрецы, да еще тѣ, кто готовился въ жрецы. Всѣ остальные были неграмотны. И каждый разъ изъ этихъ чудныхъ книгъ жрецъ вычитывалъ что нибудь новое.

Было бы совершенно невѣроятно, если бы при такихъ обстоятельствахъ не упрочился за такими книгами ореолъ священности, и на содержаніе ихъ не стали смотрѣть, какъ на откровеніе, данное жрецу свыше, порученное его храненію, и доступное пониманію только его одного, какъ лица спеціально для этого одареннаго. Только онъ одинъ могъ и толковать эти книги правильно. Все это вѣдь былъ наличный фактъ, потому-что никому, кромѣ жреца, эти книги доступны не были.

Вѣдь и теперь всякій талантливый писатель чувствуетъ, что на него находитъ иногда что то

вродѣ наитія или вдохновенія. Преклоненіе же предъ любимымъ талантливымъ писателемъ нерѣдко имѣетъ видъ настоящаго идолопоклонства.

Естественно, что талантливый жрецъ, подмѣчавшій въ себѣ подобные же проблески литературнаго подъема, не только другимъ выдавалъ это за откровеніе, но и самъ охотно вѣрилъ этому: вѣдь онъ не былъ психологомъ въ нашемъ смыслѣ. Естественно также, что сама толпа слѣпо вѣрила ему въ этомъ.

Такимъ образомъ составились эти разнородныя и разновременныя книги съ характеромъ священности и неземного происхожденія. До какой степени всеобъемлющи были эти книги, показываетъ хотя бы книга «Пѣснь пѣсней», которая включена въ нашу библію, какъ священная, несмотря на свою романическую тему. Сначала ее включили потому, что это была тоже книга, хранимая жрецами (а библія вѣдь по нашему тоже, что библіотека), а потомъ уже стали искать въ ней новаго таинственнаго смысла.

Эти древнія книги были цѣлой библіотекой. Вѣдь буквы были въ вершокъ размѣрами, а тонкой бумаги тогда не было, и потому одна маленькая книга занимала огромный объемъ. И притомъ эта библіотека имѣла чисто энциклопедическій характеръ, потому что она давала отвѣты на всѣ вопросы. До недавняго времени у христіанскихъ народовъ многіе смотрѣли на библію именно такъ и относились къ ней, какъ къ оракулу.

Вслѣдствіе этого, все знаніе было проникнуто

догматизмомъ и религіозностью. Ученіе обо всемъ было вѣроученіемъ. Т.-е. ко всякому ученію нужно было относиться со священнымъ трепетомъ вѣры. И въ то же время область вѣроученія простиралась на всю область знанія. Вѣра замѣняла знаніе, а религія науку.

Въ этомъ смыслѣ религія, какъ совокупность ученій, совершенно совпадаетъ съ знаніемъ. Она есть только древнее знаніе или древнее міровоззрѣніе. Съ этой стороны корни ея — въ человѣческой любознательности, да въ тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условіяхъ, при которыхъ могла удовлетворяться эта любознательность.

XCVII.

Съ теченіемъ времени, какъ извѣстно, произошло разграниченіе знанія и вѣры. Извѣстно, какой борьбы стоило это разграниченіе у христіанскихъ народовъ, и какія мѣры употребляло духовенство католическое, чтобы сохранить за собой древнее право монополіи — давать ищущимъ отвѣты на всѣ вопросы вѣдѣнія. Борьба вѣры и знанія, а значитъ, и опредѣленіе границъ религіи, и установленіе точнаго понятія ея, была, такимъ образомъ, борьбой свободныхъ мыслителей съ привиллегированными учеными, которые хотѣли сдѣлать знаніе своей исключительной монополіей.

Въ настоящее время они безповоротно сдали свои позиціи. И, напримѣръ, въ Россіи мы не видимъ, чтобы духовенство пыталось давать свое

религіозное освѣщеніе ежегодно накопляющимся научнымъ фактамъ. Даже болѣе. Оно старается отгородить себя отъ этихъ фактовъ въ крайне узкую спеціальную сферу боговѣдѣнія, да и то боговѣдѣнія въ томъ смыслѣ, въ какомъ объ этомъ говорилось въ древнихъ книгахъ.

Достаточно вспомнить, что въ средніе вѣка, напримѣръ, въ Западной Европѣ и у насъ, грамотными людьми были исключительно духовные, что монастыри были разсадниками всякаго просвѣщенія, что всѣ явленія жизни настоящей, прошлой и будущей освѣщались тогдашними учеными исключительно свѣтомъ преданій, записанныхъ въ старинныхъ книгахъ. Достаточно рядомъ съ этимъ сопоставить нынѣшній характеръ просвѣщенія, съ сотней различныхъ наукъ, съ десятками тысячъ ежегодно выходящихъ книгъ, съ сотнями тысячъ школъ, среди которыхъ обученіе религіи и вся относящаяся къ ней литература занимаютъ самое скромное и самое незамѣтное положеніе. И только сопоставивши это, можно опредѣлить, что̀ такое была религія для древняго ума, и чѣмъ она стала въ наши дни.

Наука открываетъ новые горизонты, проникаетъ и въ глубь временъ, и въ даль пространства, освѣщаетъ самые темные и непроницаемые нѣдра вещей и вселенной, съ неустанной пытливостью ставитъ новые вопросы, и бьется, не жалѣя силъ, надъ ихъ рѣшеніемъ. А религія, которая еще не очень давно несла на себѣ большую часть этой творческой работы, что̀ она дѣлаетъ теперь? Гдѣ ея научное творчество? Какіе

отвѣты она даетъ на вновь возникающіе вопросы, отвѣты, которые могли бы насытить жажду знанія современнаго ума, и которые стояли бы совершенно вровень съ его теперешнимъ ростомъ?

Вотъ съ какими притязаніями обращается современная наука къ религіи, по скольку и та считаетъ себя вѣдѣніемъ и старается служить познавательнымъ цѣлямъ.

XCVIII.

Но все это только одна сторона религіи, такъ сказать казовая. Она всѣмъ замѣтна, какъ по своему конкретному содержанію, такъ и по своей столь же извѣстной и только что очерченной исторической роли. Эта сторона переоцѣнивается и мыслителями, и самими хранителями религіознаго сознанія. Для послѣднихъ хранить нѣчто обязательное, разъ данное, гораздо легче, чѣмъ имѣть дѣло съ нѣдрами человѣческаго духа, и въ ихъ измѣнчивыхъ и неуловимыхъ изгибахъ разыскивать себѣ точки опоры. Для привычнаго юриста, напримѣръ, право представляется не въ видѣ жизненной нормы, а въ видѣ писаной бумаги, и словесной формы, въ которыхъ оно зарегистровано. Подобно этому, и для духовнаго лица, привыкшаго вращаться среди опредѣленныхъ вещественныхъ принадлежностей религіи, послѣдняя представляется въ видѣ кодекса, или въ видѣ книгъ. И кажется ему, будто въ нихъ записано рѣшительно все, что нужно знать и дѣлать для того, чтобы человѣка считали религіознымъ.

Замѣтьте, дѣлать, а не чувствовать, показывать, а не быть. Между тѣмъ, какъ религія точно также не есть дѣло, какъ не есть и знаніе. Знаніе теперь отъ нея отнято рѣшительно и безповоротно. И не потому, что нѣкоторые пункты религіознаго представленія слабо защищены противъ ударовъ критики, а потому, что въ корнѣ измѣнился самый способъ почерпать истину и вырабатывать ее, въ корнѣ измѣнился самый процессъ міровоззрѣнія.

Но религія есть не знаніе, а чувство. Она есть настроеніе или состояніе, временное или постоянное, но коренящееся въ существѣ человѣческой природы. «Духъ идѣже хощетъ дышетъ». Религія можетъ охватывать кого угодно и въ какихъ угодно воззрѣніяхъ. Воззрѣнія текучи и постоянно мѣняются. Къ однимъ мы относимся съ объективной холодностью, къ другимъ съ чувствомъ восхищенія, къ третьимъ съ чувствомъ преклоненія, съ энтузіазмомъ обожанія. Есть идеи, воспринимая которыя, человѣкъ не можетъ удержаться въ положеніи спокойнаго созерцателя, а подъ вліяніемъ возбуждающихъ условій жизни относится къ нимъ не иначе, какъ волнуясь. И есть люди, натура которыхъ въ высокой степени одарена такою чувствительностью, и которыхъ такія идеи волнуютъ особенно глубоко. Это — люди такъ называемаго религіознаго типа.

Для такихъ натуръ религія всегда была стихіей, въ которой они жили. Страстность, съ которой они воспринимали то, во что они вѣрили

и что ихъ волновало, заставляла ихъ всегда дѣйствовать не иначе, какъ по принципамъ своей вѣры. Въ компромиссы они не могли входить, потому что идеи ихъ глубоко задѣвали ихъ чувства и потому требовали немедленнаго осуществленія. Всегда возбужденные, всегда въ приподнятомъ настроеніи, всегда одушевленные вѣрою въ то, что они исповѣдывали, они сильно импонировали окружающимъ и отчасти заражали ихъ холодныя натуры огнемъ своего одушевленія.

Въ древности, да и теперь у дикарей, ихъ считали одержимыми,—до такой степени ими овладѣваетъ идея, захватившая ихъ всецѣло. Въ древности они казались сосудами божества, низводившими съ неба гнѣвъ и милосердіе, заповѣди и откровенія. Такіе люди рождались не только въ древности. Ихъ и нынѣ много. На нихъ держится вся старая религія. Они же служатъ новаторами въ области религіи и разсадниками новыхъ сектъ и религіозныхъ общинъ. Они же чаще всего даютъ импульсы къ дѣятельности и въ тѣхъ областяхъ, которыя со старой религіей не имѣютъ ничего общаго.

XCIX.

Психологія раскрыла отчасти тайны образованія такихъ натуръ, такихъ настроеній и такого воздѣйствія ихъ на окружающихъ. На связь ихъ съ небомъ теперь смотрятъ совершенно иначе. Идеи, которыми вдохновляются такія натуры, теперь стали новыми, цѣли, вдохновляющія ихъ,

другими. Но натуры эти остались тѣми же, и чувство преданности тому, во что они вѣрятъ,— тѣмъ же самымъ религіознымъ чувствомъ, какимъ оно было и въ древнія времена, и охватывало человѣка при другихъ идеяхъ.

Это чувство заложено очень глубоко. Эволюція противъ него пока ничего не сдѣлала. Оно до послѣднихъ дней служитъ украшеніемъ человѣческой природы. И пока человѣческая тупость, косность, злоба и невѣжество ставятъ всевозможныя препоны ровному и спокойному теченію прогресса, до тѣхъ поръ будутъ появляться натуры, въ которыхъ тягость препонъ будетъ разжигать энтузіазмъ и связывать его съ идеями преодолѣнія этихъ преградъ.

Пока будутъ народныя бѣдствія, а устраненіе ихъ будетъ требовать необыкновеннаго духовнаго подъема, безъ котораго идеи устраненія такихъ бѣдствій остаются мертвыми идеями, до тѣхъ поръ будутъ появляться чувства чисто религіознаго возбужденія на борьбу съ такими бѣдствіями. И націи, которыя боролись за свое лучшее будущее, и эпохи, въ которыя обострялась эта борьба, всегда выдвигали много разныхъ мечтателей, одержимыхъ идеями объ этомъ лучшемъ будущемъ, предрекавшихъ его и жертвовавшихъ всѣмъ во имя его.

Если ихъ преслѣдовали за ихъ «мечты», за одушевлявшую ихъ вѣру, за ихъ стремленія распространять свои вѣрованія, они охотно шли на всѣ лишенія, на всѣ жертвы. Историки ихъ тогда называли мучениками. И наука, и искусство,

и практическая жизнь, и политика насчитываетъ каждая въ своей сферѣ такихъ мучениковъ не мало. Особенно послѣдняя. Энтузіазмъ, съ какимъ они шли на мученія и разставались съ жизнью, былъ тотъ же самый, какой охватывалъ и религіозныхъ мучениковъ, для которыхъ религія была всѣмъ, и которые думали, что она одна можетъ спасти человѣка отъ житейскихъ золъ и всякихъ бѣдствій.

Всѣ эти новѣйшіе мученики не шли ли точно также на страданія только потому, что дѣло, закоторое они умирали, *было для нихъ религіей?*

С.

Въ самомъ дѣлѣ, религія есть вѣра въ нѣкоторый комплексъ идей, слѣдуя которымъ, можно избавлять и себя, и своихъ ближнихъ отъ окружающихъ золъ. И не только вѣра, но преданность имъ, не только теоретическое убѣжденіе въ ихъ истинности, построенное на основаніи разсудочныхъ доводовъ, но субъективная убѣжденность, какъ результатъ наитія, или чутья, не разложимаго на аргументы. Иногда эта вѣра покоится просто на желаніи и ожиданіи. Такъ ужъ устроена наша природа: чего человѣкъ сильно желаетъ, то ему кажется достижимымъ, и въ осуществленіе такого желанія онъ твердо вѣритъ.

Когда насъ убѣдили доводами, мы вынуждены согласиться и признать истиной то, что доказано. Чувство же вѣры менѣе всего поддается

вынужденію. Оно есть совершенно добровольный психическій актъ, возникающій подъ вліяніемъ окружающихъ впечатлѣній, но интуитивно. Однѣ и тѣ же впечатлѣнія у одного могутъ вызвать чувство вѣры, у другого нѣтъ. Доводы же разума, если они сильны, дѣйствуютъ одинаково принудительно на всякій разсудокъ.

Психологія вѣры не та, что психологія знанія. Всякій замѣчалъ по себѣ, что извѣстный человѣкъ съ перваго взгляда начинаетъ внушать ему *довѣріе*. Другой же и послѣ долгаго знакомства такого довѣрія не внушаетъ. Это лучшій примѣръ того, какъ возникаетъ вѣра и какъ глубоки ея корни. Потому-то и Тертулліановское «credo quia absurdum» (вѣрю, потому что нелѣпо) нельзя считать такой безсмыслицей, какъ это иногда предѣставляютъ.

Съ этой точки зрѣнія религія какъ вѣра, какъ основное и коренное свойство нашей психики, не вымираетъ, и едва-ли скоро вымретъ. Мѣняются только объекты вѣрованія. Но стремленіе къ этимъ объектамъ, настроеніе, порождаемое ими, остается теперь такимъ же, какимъ оно было встарь.

Теперешняя религіозная натура, стремящаяся къ благу всѣхъ ближнихъ съ религіознымъ пыломъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, не говоритъ ничего о Богѣ и его повелѣніи. Нашъ языкъ и образъ мыслей измѣнился. Но человѣкъ съ такой натурой ни капли не погрѣшилъ бы, если бы всякій разъ начиналъ свою одушевленную рѣчь вступленіемъ: «Богъ, кото-

раго я ношу въ душѣ, побуждаетъ меня» и т. д. И народный умъ, который дѣлитъ людей на тѣхъ, у кого есть Богъ, и тѣхъ, «въ комъ нѣтъ Бога», не обинуясь говоритъ о такихъ людяхъ, что въ нихъ, дѣйствительно, есть Богъ. Извѣстно также, что люди искренно и горячо вѣрующіе, какому бы Богу они ни кланялись, всегда чувствуютъ другъ въ другѣ родственную натуру.

Зато они менѣе всего способны преслѣдовать за религіозныя убѣжденія. Преслѣдуютъ именно не за вѣру, не за то, что религіозенъ, а за идеи, за то, что думаешь неправильно. Въ чемъ бы твоя дума ни разнилась, въ вопросѣ о троеперстіи, или о движеніи земли, единосущіи Сына, или о необходимости повиноваться всякой власти,—все равно ты еретикъ, потому что думаешь не по нашему. Съ тѣхъ поръ, какъ появились символы вѣры, т.-е. словесная формулировка вѣры, всегда старались живое чувство вѣры сковать мертвыми формулами. И всегда обрушивались гоненіями на тѣхъ, кто не поддавался этой заковкѣ и, не утрачивая *чувства вѣры*, съ болью въ сердцѣ мѣнялъ одни идеалы на другіе.

Преслѣдующіе легко мирились съ какимъ угодно усыпленіемъ религіознаго чувства. Они мирились съ какимъ угодно безбожіемъ въ душѣ («въ этомъ человѣкѣ нѣтъ Бога»), съ признаніемъ Бога только на словахъ, съ какимъ угодно мертвящимъ формализмомъ словъ и движеній, съ какимъ угодно распутствомъ, злодѣйствомъ и нравственнымъ извращеніемъ. Они не мирились только тогда, если отщепенцы разрывали внѣшнюю

связь съ духовенствомъ, или же часто досаждали ему безпокойными исканіями и тѣмъ волнующимъ подъемомъ религіознаго воодушевленія, котораго лишены были сами преслѣдующіе.

Понятно, что дѣйствительно вѣрующіе, т.-е. искренне религіозные люди, находились всегда на сторонѣ преслѣдуемыхъ. Преслѣдователи же были не только равнодушны къ вѣрѣ, но и не понимали самой сущности ея, именно, что *заставить вѣрить насильно также нельзя, какъ заставить любить насильно.*

CI.

Во взаимной идейной борьбѣ между представителями вѣры и представителями науки чувство мѣры часто утрачивается одинаково съ обѣихъ сторонъ. Объективная же наука откровенно можетъ признать, что свободомыслящіе, вооружаясь противъ духовенства, его ученія и дѣятельности, совершенно неправильно превращаютъ борьбу съ духовенствомъ въ борьбу противъ религіи вообще и противъ Бога въ частности. Богъ для науки есть общее понятіе, подобное понятію души. Мы не перестаемъ употреблять термины душа и духъ оттого, что иначе смотримъ на ихъ субстанціальность.

Не было никогда времени, когда бы о Богѣ думали одинаково. И теперь Богъ крестьянина совсѣмъ не тотъ, что Богъ священника. А Богъ бѣлаго священника—не тотъ, что Богъ монаховъ. И послѣдніе годы всѣмъ показали, какъ разно у

насъ понимаютъ Бога даже въ самой средѣ духовенства. Для однихъ Богъ—икона, для другихъ—отецъ въ видѣ старца, для третьихъ—женихъ въ видѣ молодого человѣка, для четвертыхъ—грозный судья, для пятыхъ—отвлеченное тріединство.

Когда мыслитель хочетъ объединить всѣ эти виды Бога однимъ терминомъ, онъ можетъ только сказать, что Богъ есть нѣчто высшее, что̀ представляется уму смертнаго и что возбуждаетъ его религіозныя чувства. Послѣднія, какъ мы видѣли, не умираютъ. А потому и невозможно отрицать Бога, какъ вдохновителя этихъ чувствъ, хотябы мы понимали это вдохновеніе въ современномъ смыслѣ слова. Современная же наука знаетъ, что вдохновлять можетъ не только лицо, но и возвышенная идея, и что источникъ вдохновенія чаще всего находится не внѣ насъ, а внутри, въ самыхъ глубокихъ нѣдрахъ нашей психики.

Поэтому, съ *субъективной* точки зрѣнія, Богъ несомнѣнно существуетъ. И тѣ, кто считаетъ атеизмъ выводомъ современной науки, еще не дошли до широкаго философскаго понятія о Богѣ.

Когда-нибудь жизнь человѣчества войдетъ въ такую ровную и гладкую колею, что на преодолѣніе всякихъ препятствій къ народному благу не нужно будетъ затрачивать гигантскихъ усилій. Вѣроятно, тогда не будетъ подъема воодушевленія, вызываемаго величіемъ цѣли и громадностью затрудненій. Вѣроятно, не будетъ тогда поводовъ къ возникновенію религіознаго эн-

тузіазма. Быть можетъ, тогда не будетъ идей, вдохновляющихъ на подвиги. Тогда заглохнетъ это чувство религіознаго подъема, которому человѣчество такъ безконечно многимъ обязано. Тогда не будетъ и религіи.

Но если бы въ *современныхъ* условіяхъ, при которыхъ мы живемъ, удалось восторжествовать чистому атеизму, и въ нашей жизни совершенно исчезли чувства религіозной преданности, религіознаго преклоненія и религіознаго одушевленія, это было бы невознаградимой утратой. Объекты вѣрованія, конечно, мѣняются. И человѣкъ выбираетъ ихъ также, какъ выбираетъ цѣли для своей дѣятельности. Но было бы пусто въ той душѣ, которая совершенно утратила *всякое* вѣрованіе.

CII.

Человѣческая психика есть продуктъ великой и сложной эволюціи, которую совершило человѣчество подъ вліяніемъ окружающихъ условій. Необыкновенныя усилія должно было затратить оно на тяжелую борьбу съ одушевленной и неодушевленной природой. Не менѣе усилій затрачено было имъ на внутреннее строительство, на организацію общественной жизни и на защиту ея культурныхъ пріобрѣтеній отъ всѣхъ, кто бы ни посягалъ на нихъ.

Величіе задачъ и ихъ трудность создавали въ психикѣ человѣка соотвѣтственный подъемъ и настроеніе. Внѣшнему напору воздѣйствій вполнѣ соотвѣтствовало внутреннее напряженіе. Точь

въ точь какъ при воздушномъ давленіи: внѣшнему давленію должно вполнѣ соотвѣтствовать такое же точно воздушное давленіе во внутреннихъ органахъ и тканяхъ каждаго организма.

Несомнѣнно, человѣкъ восторжествовалъ. Ставши господиномъ природы и окружающихъ условій, онъ можетъ гордиться своей побѣдой. Теперь ему не угрожаютъ въ такой степени, какъ прежде, невѣдомыя стихійныя бѣдствія, набѣги дикихъ звѣрей, и нашествіе столь же дикихъ иноплеменниковъ. Онъ можетъ спокойно взирать на будущее и съ облегченнымъ сердцемъ исподоволь довершать недоконченное. Трагическій, полный борьбы, но славный періодъ героизма оканчивается. Надобность въ самопожертвованіи будетъ встрѣчаться все рѣже и рѣже. Скоро настанетъ время спокойное и пріятное, но крайне прозаическое.

Какъ оно отразится на психикѣ человѣка? Не заглохнутъ ли тѣ чувства, изъ которыхъ билъ неизсякаемый родникъ энтузіазма и вдохновенія? Не исчезнетъ ли та вѣра, которая могла двигать горами и давать поддержку и утѣшеніе при самыхъ жестокихъ испытаніяхъ?

Вѣрнѣе всего, что да, потому что законы развитія не мѣняются, и въ психикѣ только отражается то, что совершается въ самой жизни.

Оглядываясь назадъ, пожалѣетъ тогда мыслитель о прошломъ человѣчества, о томъ горестномъ прошломъ, изъ котораго мы еще не выбились до сихъ поръ.

— «Да, скажетъ онъ, было время. Великія

общественныя бѣдствія казались тогда неотвратимымъ удѣломъ человѣческой жизни. Но наряду съ ними, и *только благодаря имъ*, рождались такія образцы духовнаго величія, нравственной высоты и самоотверженности, которые теперь уже отошли въ область преданій. Жизнь тогда несла съ собой великое горе. Но она же создавала и великія силы къ его устраненію.

Теперь мы кончили борьбу. Путь нашъ гладокъ, спокоенъ и легокъ. Но за этотъ покой и удобства мы отдали самое лучшее, что̀ было въ душѣ человѣка,—пламень энтузіазма и вѣру въ недостижимое».

Мы, которые владѣемъ еще этимъ, станемъ ли мы выбрасывать такое сокровище потому только, что очень многіе не умѣютъ пользоваться имъ и постоянно профанируютъ его?

КОНЕЦЪ.

М. Новорусскій.

1) **Земля и ея жизнь.** Всѣмъ доступное изложеніе науки о землѣ. Рис. 26. Стр. 132. Ц. 40 коп. 1907 г. Готовится 2-е изданіе, съ дополненіями.

2) **Грибное царство.** Всѣмъ доступный разсказъ о грибахъ и ихъ жизни. Рис. 31. Стр. 48. Ц. 20 коп. 1908 г.

Допущено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Обѣ книги на складѣ въ книжномъ Складѣ Подвижного Музея.

3) **Подъ яснымъ небомъ.** Уголки живой природы въ очеркахъ и картинахъ для дѣтей. Роскошное изд. Т-ва М. О. Вольфъ съ 12-го раскрашенными картинами. 1908 г.

4) **Приключенія мальчика меньше пальчика.** Разсказъ для дѣтей изъ жизни насѣкомыхъ. Рис. 10, цвѣтныхъ 5. Ц. въ цвѣтной обложкѣ 1 руб., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ роскошномъ переплетѣ 1 р 60 к. Изд. «Жизнь и Знаніе». 1910 г.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Я прочитал Вашу рукопись и, мне кажется, что Вы несколько преувеличиваете сумму знаний среднего читателя, а вследствие этого, многие главы книги – как например – о душе, о религии и обществе – написаны вами недостаточно популярно и едва ли могут помочь читателю разобраться в этих сложных и спорных вопросах. Мне кажется также, что темы, затронутые Вами, требуют более точного языка и большей строгости в строении фразы. Такое словопроизводство, как «офизичить» и «одинамить» - едва ли удачно.

И вообще, на мой взгляд, работа, которую вы пожелали сделать, требует иной формы и в целом, и в частностях: хотелось бы видеть её значительно расширенной, иллюстрированной фактами и каждый из затронутых вопросов – показанным в его историческом развитии.

Думаю, что только при соблюдении этих условий – книга достигнет цели, ибо может явиться итогом всех попыток человеческого разума к разрешению вопросов бытия.

Я говорю всё это с точки зрения интересов среднего русского читателя, каковым считаю и себя самого, разумеется. Между прочим – читатель этого ряда всегда нуждается в точном указании той черты, за которой факты, точного знания превращаются в гипотезы. В Вашем изложении эта черта ускользает от внимания читателя, а между тем очень важно сказать ему: вот до этого пункта мы – точно знаем, а отсюда – догадываемся.

Буду очень огорчен, если отзыв мой о Вашей работе покажется Вам несправедливым.

Желаю всего лучшего!

А. Пешков

На конверте:

Raccomandato Al Sr Novorussky
S. Pietroborgo, Russia
Россия, С. Петербург
Невский, 92, Книгоиздательство «Знание»
Г-ну М.В. Новорусскому

Почтовые штемпеля:

Отпр.: Capri 13.1.1910
Получ.: С. Петербург 5.1.1910

Подлинник хранится в Государственном литературном музее (шифр 7153-16)
27.9.39